
ОГОНЁК
№ 42 ОКТЯБРЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Вскрышные работы в Назаровском угольном разрезе № 2 Красноярского совнархоза. У гидромонитора — Сергей Макарцов.

Фото Галины Санько.

На первой странице обложки: в Киргизии прокладывается автотрасса Фрунзе — Ош. На строительство высокогорного туннеля приехали московские комсомольцы-метростроевцы. Здесь они подружились с местными молодыми строителями. На снимке (слева направо): А. Лабутин, Б. Рысалиев, В. Маслобойщиков, А. Каюмов, С. Комбаров, С. Джапарбеков, М. Дерев и К. Ким.

Фото Ф. Короткевича.

На последней странице обложки: киргизский танец в исполнении артисток ансамбля народного танца.

Фото Дм. Бальтерманца.

Принципы мирного сосуществования торжествуют

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 42 (1635)

12 ОКТЯБРЯ 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

К. Е. Ворошилов и сопровождающие его лица осмотрели хлебокомбинат, построенный с помощью советских специалистов.

Фото А. Бирюкова (ТАСС).

Эти дни — с 1 по 6 октября 1958 года — войдут в историю дружбы двух государств — Советского Союза и Афганистана — как новая знаменательная страница. По приглашению короля Афганистана Его Величества Мухаммед Захир Шаха страну посетили Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов, председатель Комиссии по иностранным делам Совета Национальностей Верховного Совета СССР Н. А. Мухитдинов, заместитель министра иностранных дел СССР Н. П. Фирюбин и другие официальные лица.

Афганистан был одной из первых стран, сбросивших ярмо колониализма. Советское государство, для которого уважение национальной независимости всех народов является незыблемой основой внешней политики, еще в 1919 году признало Афганистан.

С тех пор Афганистан, занимавший все эти годы традиционную твердую позицию мирного нейтралитета, связан с Советским Союзом надежными дружескими отношениями. Эта дружба и сейчас играет важную роль в деле сохранения мира.

Идея дружбы пронизывала беседы К. Е. Ворошилова с королем Афганистана Его Величеством Мухаммед Захир Шахом, премьер-министром Мухаммед Даудом и другими государственными деятелями. Она нашла выражение в том братском приеме, который оказал гостям народ Афганистана.

Афганцы передали посланцам Советской страны искреннюю благодарность за бескорыстную помощь, оказываемую Советским Союзом дружественному государству. Живое воплощение этой помощи — совместное строительство Кабульского хлебокомбината, асфальтобетонного завода, гидроэлектростанции в Сароби, элеватора в Пули-Хумри и других промышленных объектов. В опубликованном совместном советско-афганском коммюнике говорится, что в ходе бесед между советскими и афганскими государственными деятелями, носившими сердечный, дружественный характер, имел место обмен мнениями по важнейшим вопросам международного положения и советско-афганских отношений, причем вновь было констатировано, что позиции обеих стран по этим вопросам, основанные на принципах Бандунга и Устава ООН, близки и во многом совпадают.

Визит К. Е. Ворошилова в Афганистан еще больше укрепил афгано-советскую дружбу и продемонстрировал перед миром торжество и действенность принципов мирного сосуществования.

К. Е. Ворошилов и король Афганистана Мухаммед Захир Шах на аэродроме в Кабуле.

К. Е. Ворошилов и премьер-министр Афганистана Мухаммед Дауд во время беседы.

БОЛЬШОЙ ХЛЕБ СТРАНЫ

УКРАИНА. На хлебоприемном пункте Васильевского района, Запорожской области. Засыпка зерна в бункер.

Интервью «Огонька»

Б. В. САВЕЛЬЕВ,
заместитель министра хлебопродуктов СССР

— Как идут хлебозаготовки?

— Нынешний год особенный в сельском хозяйстве страны. Колхозы и совхозы вырастили выдающийся урожай, и это решительным образом повлияло и на размах и на темпы хлебозаготовок. Исключительно организованно, дружно, в очень сжатые сроки провели заготовки южные районы страны. На Украине, в Краснодарском крае, в Ростовской области, в южных областях Казахстана планы хлебосдачи были выполнены намного раньше, чем в предыдущие годы. Особенно порадовала советских людей небывалая победа колхозов и совхозов Поволжья. Никогда еще Сталинградская, Саратовская и Куйбышевская области не давали столько хлеба, как в этом году. На востоке Советского Союза в нынешнем году уборка несколько запоздала по сравнению с прошлогодней, и это, конечно, отразилось на хлебозаготовках. Тем не менее районы востока в последние пятидневки сентября развернули массовую сдачу зерна. Всего по стране к 5 октября на элеваторы и заготовительные пункты поступило в полтора раза больше хлеба, чем к этой же дате в 1957 году. Три крупнейших поставщика зерна — РСФСР, Казахстан и Украина — полностью выполнили план хлебосдачи. Особенно характерны данные за последнюю пятидневку сентября: с 25 сентября по 1 октября было сдано 360 миллионов пудов.

— А как обстоит дело со сверхплановой сдачей зерна?

— И в этом отношении нынешний год, бесспорно, выдающийся. В печати уже сообщалось, что сталинградцы дали стране почти втрое больше зерна, чем полагалось по плану. На 194 процента выполнила план хлебосдачи Саратовская область. Много сверхпланового хлеба поступило из Ростовской и Куйбышевской областей, Краснодарского и Ставропольского краев. Крупная победа одержана тружениками сельского хозяйства Украины. В ознаменование XXI съезда КПСС и 41-й годовщины Великого Октября колхозы и совхозы республики пересмотрели ранее взятые обязательства о продаже сверх плана 75 миллионов пудов хлеба и решили продать еще 25 миллионов пудов. Таким образом, Украина продаст государству сверх плана 100 миллионов пудов зерна.

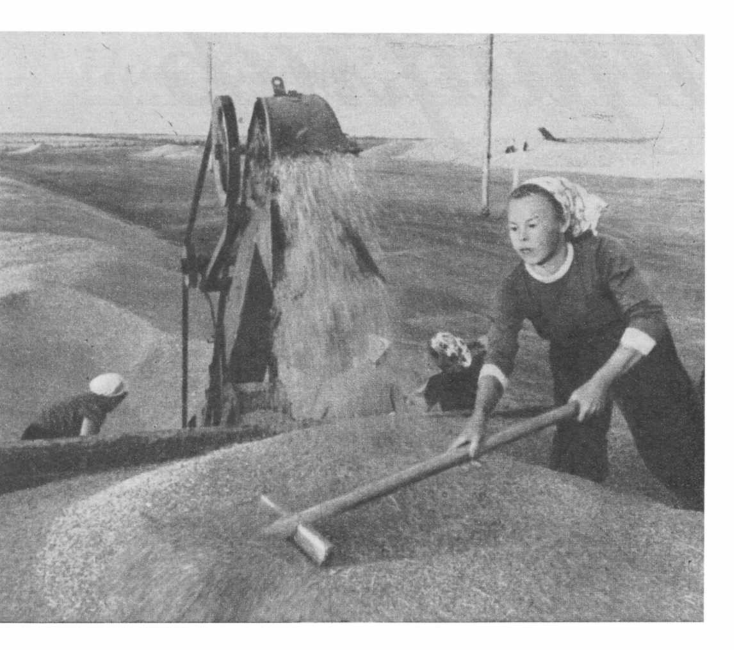
Можно быть уверенным, что пример передовых областей страны, с честью выполнивших свои обязательства, будет достойно воспринят тружениками Сибири и Казахстана, где как раз в эти дни наступила решающая пора выполнения обязательств по сверхплановой сдаче зерна.

— Что нового в этом году на элеваторах и заготовительных пунктах страны?

— Ну, разумеется, прежде всего массовый поток хлеба, подобного которому еще не знали многие наши заготовители. Дело в том, что хорошая погода на Украине, на Кубани и на Дону создала исключительно благоприятные условия для хлебосдачи. И надо сказать, что заготовители юга страны, и прежде всего кубанские, ростовские, украинские, оказались на высоте положения и справились с огромным потоком хлеба. Основная масса хлеба в южных районах была заготовлена за 10—15 дней. Этому, разумеется, во многом помогла механизация приемки и погрузки зерна. На наших элеваторах и пунктах действуют автомобилеподъемники. Впервые внедрен в практику пневматический пробоотборник. Также впервые в этом году мы приспособили крыльчатки к транспортерам, подающим зерно в вагоны, и, таким образом, на многих элеваторах и заготовительных пунктах избавились от необходимости разравнивания зерна в вагоне. Это только три примера того, как выросла техническая оснащенность заготовителей. Сейчас они преодолевают серьезные трудности, связанные с ухудшением погоды на востоке. Если на первом этапе сдачи хлеба, когда он шел в основном из южных и центральных районов страны, зерно было сухое,— то сейчас заготовки идут в иных условиях. Тем не менее надо надеяться, что мы преодолеем эти трудности. Большому хлебу страны должна быть повсеместно обеспечена хорошая встреча.

РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ. Сто тридцать шесть миллионов пудов зерна засыпали в закрома государства хлеборобы Дона. **На снимке:** на Егорлыкском элеваторе.

КАЗАХСТАН. Первосоветский совхоз, Западно-Казахстанской области. Студентка Ульяновского педагогического института Римма Боярская, одна из молодых патриоток, помогающих убирать хлеб.

Вместе с трудящимися Германской Демократической Республики советские люди торжественно отметили девятую годовщину со дня провозглашения первого в истории немецкого народа рабоче-крестьянского государства.

В приветствии ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР по случаю годовщины ГДР отмечалось, что своей активной борьбой за обеспечение мира в Европе и поддержкой народов, добивающихся освобождения от колониального гнета, Германская Демократическая Республика снискала уважение и авторитет среди народов, отстаивающих дело мира.

В день народного праздника ГДР, который прошел с исключительным воодушевлением, первый секретарь Социалистической Единой партии Германии В. Ульбрихт и премьер-министр ГДР О. Гротеволь посетили президента ГДР Вильгельма Пика и передали ему приветствия и добрые пожелания населения в связи со славной годовщиной.

На снимке: Вильгельм Пик, О. Гротеволь и В. Ульбрихт.

ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ. Колхоз имени Жданова косит хлеб...

Фото Ю. Багрянского, В. Турбина, С. Шепталова, М. Минеева.

ЦЕЛИНА

Юрий ПАНКРАТОВ

Земля,
земля,
земля,
Как воротник,
распахнутая,
Могуществом зерна
Разрытая,
распаханная!
Ты мыслилась
и помнилась
Обузой и налогом,
А стала
хлебной помощью
Для нашего народа.
Была ты
расставанием
И паровозной качкою,
А стала
расстоянием
От Оби и до Каспия.
Ты —
холод первых комнат,
Кусок ржаного хлеба.
Ты —
темно-синий кобальт
Сентябрьского неба.
Ты —
горизонт распаханный
И юности родник.
Ты —
волей нашей партии
Открытый материк!

«МЫ ХОТИМ УВЕЛИЧИТЬ ТОРГОВЛЮ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ ВДВОЕ», — говорят шведские предприниматели

Г-н Нильс Даниельсен.

— Однажды перед первой мировой войной некоего немецкого генерала спросили, как он относится к литературе. «Газет я не читаю,— ответил бравый вояка,— а если начнется война, об этом будет написано в полковом приказе. Остальное меня не интересует...»

Господин Нильс Даниельсен рассказал эту историю и весело взглянул на нас молодыми глазами.

— А вот наша цель — мир и торговля. На мой взгляд, торговля одна из тех дверей, которые ведут в здание мира и взаимного сосуществования.

Господин Даниельсен — президент правления Шведского всеобщего объединения экспортеров, глава делегации семидесяти девяти шведских предпринимателей, прибывших в Москву для ведения переговоров с советскими торгующими организациями.

Дни представителей деловых кругов Швеции уплотнены до отказа. Шведские предприниматели успевают не только вести переговоры, но и посещать фабрики, заводы, совхозы.

— На меня исключительно большое впечатление произвела ВСХВ и Всесоюзная промышленная выставка,— говорит г-н Даниельсен. Не заглядывая в блокнот, по памяти, он перечисляет те машины, которые вызвали у него наибольший интерес.

— Экскаватор с ковшом, способным забирать 25 тонн груза, великолепен. Необычайно хороши двухтурбинные электростанции. С большим интересом мы познакомились с методом закалки стали на Первом подшипниковом заводе. И в Туле, на металлургическом заводе, мы видели новые методы, неизвестные нам дотоле. То, что делают тульские инженеры, применяется сейчас и на лучших металлургических заводах Европы и США.

Господин Даниельсен говорит неторопливо, свободно оперируя цифрами, техническими терминами. Внезапно он улыбается:

— Знаете, пожалуй, единственной и главной трудностью наших переговоров в Москве был перевод всех этих специальных терминов.

— Но трудности преодолены?

— О да,— смеется Нильс Даниельсен,— такие трудности в какой-то мере даже приятны, потому что это трудности сотрудничества...

— Скажите, возрастет ли объем советско-шведской торговли?

— Думаю — и это, на мой взгляд, вполне реально — в результате переговоров нам удастся увеличить его вдвое.

Я спрашиваю г-на Даниельсена о перспективах шведско-китайской торговли.

— Мы очень заинтересованы в торговле с КНР. Наш предприниматель господин Сирус дважды был в Китайской Народной Республике и завязал самые тесные контакты с торгующими организациями Китая. Вероятно, в ближайшее время министерство иностранных дел Швеции направит в Пекин торгового атташе. А вообще всемерное развитие торговли с Китаем — таково наше стремление.

Мне понравилась Москва,— продолжает г-н Даниельсен,— а москвичи, с которыми мы встречались, были всегда в высшей мере любезны, помогали нам в нашей работе. Единственно, кто встретил нас в Москве неприветливо, так это погода,— шутит г-н Даниельсен.— Здесь, в Москве, мы были на балете «Жанна д'Арк». В какой-то мере спектакль компенсировал непогоду: ничего подобного я в своей жизни не видел, спектакль великолепен.

Господин Даниельсен говорит о том, что Швеция уже в течение почти 150 лет не вела ни одной войны, что у шведов нет никаких территориальных притязаний к другим странам. Шведская политика нейтралитета приносит свои плоды народу — это плоды мира.

— Как вы оцениваете результаты поездки в целом?

— Переговоры еще не закончены,— отвечает г-н Даниельсен,— но уже сейчас можно сказать, что поездка была весьма плодотворной. Я же говорю: мы хотим увеличить торговлю с вами вдвое!

Юл. СЕМЕНОВ

Триумф КОРОЛЕВЫ

На все щедра нынче осень... И куда ни заедешь, везде одна особенность отличает нынешний осенний полевой пейзаж: могучая, буйная, сочная кукуруза...

Полюбили и достойно оценили в нашем народе кукурузу. Посрамлены маловеры, скептики. Кукуруза расселилась на миллионе гектаров ставропольских полей, на шести миллионах гектаров полей украинских, прочно укоренилась под Брестом и Витебском, шагнула к Чите и Иркутску, обосновалась в Подмосковье, царствует на Рязанщине и в Чувашии. И вот характерная черточка этого года: уже не только числом — гектарами,— а и умением воюет за кукурузу наш человек. Воюет, побеждает и убеждается, что кукуруза — культура поистине неисчерпаемых возможностей. Вчера урожаи в 300—350 центнеров зеленой массы с гектара были достоянием лишь передовых районов, сегодня о такой цифре докладывают целые области. Вчера урожай в тысячу центнеров был диковиной, редкостью, сегодня тысячниц много и на юге, и на севере, и на западе, и в Сибири.

Колхозники Курской области — инициаторы Всесоюзного соревнования по кукурузе — с честью выполнили свои обязательства. На площади в 160 тысяч гектаров получен урожай в среднем по 333 центнера зеленой массы кукурузы с початками с каждого гектара, что позволило заложить 3,2 миллиона тонны кукурузного силоса, или в 6 раз больше, чем в прошлом году.

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров, горячо поздравившие тружеников Курской области и пожелавшие им новых успехов, отметили также хороший урожай кукурузы в Московской, Рязанской, Липецкой, Тамбовской, Тульской, Пензенской, Омской областях, Приморском крае и Чувашской АССР.

Настал октябрь. Сочным, ароматным силосом заполнены траншеи на юге, завершается уборка кукурузы на севере. Страна подсчитывает: силоса заложено на 50—60 миллионов тонн больше, чем в прошлом году. А это значит, еще более могучей струей польется молоко с колхозных ферм, потоком пойдет мясо.

У земледельцев же новые заботы. Они соревнуются в честь XXI съезда партии, и взор их устремлен вперед — к урожаю 1959 года. Отводятся под кукурузу лучшие земли, ей отдаются удобрения, сортируются, отбираются гибридные семена. И тот, кто в этом году оплошал, сорвался, с хорошей завистью смотрит на удачливых соседей, чешет затылок и тоже берется за ум.

А передовики, обеспечившие скоту сытую зимовку, с нежностью говорят о кормилице-кукурузе:

— Царствуй на благо людям, королева полей!

← Достижениям звена Екатерины Степанюк на ВСХВ посвящен огромный стенд.

В. ПОНОМАРЕВ

Фото Риммы ЛИХАЧ.

Этих славных девчат я уже не застал ни в Бресте, ни в их родных селах: они уехали в Москву, на Сельскохозяйственную выставку, на всесоюзный смотр кукурузы.

И вот поднимаюсь на пятый этаж одной из гостиниц, окружающих Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, стучу в дверь номера — и передо мной белорусские девчата. Такие простые, до застенчивости скромные и такие знакомые, что кажется, будто уже видел их вчера у растущих на глазах холмов силоса, у трехметровых стен кукурузной чащи, у стрекочущих барабанов силосорезок.

Екатерине Степанюк еще нет восемнадцати лет. Пятеро ее старших братьев и сестер разъехались по белому свету искать свое счастье на стороне. А она осталась с матерью, жила в родном колхозе имени Кирова, в Антопольском районе, училась в школе. В девятый класс девушка не пошла. Школа хоть и деревенская, но от колхозной жизни стояла особняком. Катю потянуло к старшим подругам, к тем делам, которыми жили все односельчане. Работала везде, куда посылали, не отказывалась.

Когда подводили предварительные итоги минувшего года и увидели, что с кукурузой дела плохи, члены правления предложили Екатерине возглавить звено.

— Да ведь есть постарше! — не для отговорки, а искренне возражала она.

— Старики, сама видишь, от кукурузы отворачиваются: лучше, мол, сено косить. Ты комсомолка? Значит, должна понимать.

Согласилась.

Согласилась и сгоряча, по подсказке, уговорила свое молодежное звено взять обязательство вырастить на десяти гектарах по 350 центнеров зеленой массы. А что такое эти 350 центнеров, понятия не имела. Знала только, что меньше нельзя. Позже, когда стали ходить на занятия к агроному Надежде Яцук, увидела, что это многовато. Примерно такой урожай получали в 1955 году в знаменитом колхозе «Рассвет», где председателем К. П. Орловский. Успех этот принес передовому хозяйству всесоюзную славу, стал примером для всей Белорусской республики.

С раннего колхозного утра дотемна одно было в голове: отведенные ее звену 10 гектаров.

А какой период, какой день был у нее самый трудный?

— Ой, да все они, эти дни, с первого до последнего, были такие! — воскликнула девушка, с очевидным удовольствием вспоминая их.— Трудно и навоз вносить, и полоть, и рыхлить, и подкармливать: везде руки нужны...

Взволнованная воспоминаниями, Екатерина заговорила громче:

— В июле, после третьей прополки, приезжие говорили, что 350 уже есть. А мне все неспокойно. Вдруг что не так получится? Теперь уговаривать девчат не приходится: все звено кукурузой заболело. Каждый день меряем. То по своему росту, то линейкой, а то и шестом — до 4 метров доходила. Ездим по другим колхозам, к нам приезжают — это в порядке взаимопроверки, а мне все не верится, что слово сдержали. Ведь 350 центнеров — это ж пятнадцать грузовиков!

Пришла пора убирать. Сделали первый замер. Подсчитали. 1 475 центнеров с гектара! Я совсем от радости сдурела: не верю, да и всё. Вдруг, думаю, ошиб-

Мария Колтунчик и ее звено (слева направо): Татьяна Вакульчик, Евгения Кузьмич, Надежда Новак, Анастасия Олехник, Елена Вакульчик, Анастасия Сидорчик и Зинаида Горошко.

Навстречу XXI съезду КПСС

ПОЛЕЙ

лись, вдруг запятую не поставили: не 1 475, а 147,5 центнера. Перевесили, пересчитали — то же самое. Приехали проверять из района — 1 500, потом из Минска — 1 520: кукуруза-то с каждым днем силу набирала. Потом приехал корреспондент из московской газеты. Тоже начал считать да пересчитывать, попросил взвесить початки — 410 центнеров! Приезжали фотографы, начали снимать нас. Мой портрет поместили в «Правде». По девяносто писем в день после этого получала: поздравляют, просят поделиться опытом. Теперь, пока здесь живу, домой придет столько писем, что отвечать придется всем звеном. Кукуруза принесла праздник всему колхозу: на каждом из 65 гектаров в среднем выращено по 900 центнеров зеленой массы. Это в 10 раз больше прошлогоднего.

Екатерина не без лукавства взглянула на свою светловолосую подругу:

— Ой, похоже, расхвасталась я, спасу нет! А ведь у Марии в звене еще лучше урожай — 1 680. Обязательство брала такое же, как и я, 350, а получила больше — 1 680!

Слушаю рассказ звеньевой соседнего колхоза имени Карла Маркса Марии Колтунчик, которая только на год постарше Екатерины, и замечаю, что весь минувший год ее звено жило той же беспокойной жизнью. Так же тщательно соблюдали все правила выращивания незнакомой культуры, так же опасались за судьбу урожая

Анна Андриановна Белевец приехала на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, чтобы поделиться своим опытом.

и так же по-хорошему упрямствовали в своем деле, чтобы ни один старый дядька и никакая бабуля уже не усмехались, с добродушным пренебрежением глядя на результаты труда молодых рук, и не рассказывали бы старых сказок о том, что, мол, в их времена не такое было...

Третьей соседкой по комнате оказалась тоже звеньевая по кукурузе и тоже из Брестской области, только из Каменецкого района,— Анна Андриановна Белевец. Она вдвое старше своих соратниц. Возглавляла она звенья по конопле и льну, добивалась хороших показателей, и труд ее отмечался медалями ВСХВ, грамотами и подарками. И она прожила такой же трудный, но хороший год, как Мария и Екатерина, и много недосыпала и волновалась, добиваясь рекордного сбора зеленой массы —1 700 центнеров.

— Главное-то даже не в этих 1 700 центнерах,— добавляет Анна Андриановна,—главное, что утвердилась кукуруза как самая выгодная кормовая культура. Ведь если правду сказать,— нашему звену помогала вся бригада. Иные теперь готовы считать себя членами звена, зато вначале на кукурузу шли неохотно. Нынешней осенью кукуруза в нашем колхозе «Октябрь» производит целую революцию: раньше было примерно по 2—3 тонны силоса на корову, а теперь не меньше тринадцати.

Слушаю рассказ трех брестских звеньевых о непривычно больших цифрах, которые они называют по-будничному спокойно, о смелых планах и намерениях, и у меня рождаются вопросы: почему это случилось именно в Брестской области? Почему в других местах ссылаются на позднюю весну и на холодное лето? Почему прошлой осенью, скажем, в том же Антопольском районе собрали на круг только по 85 центнеров кукурузы, а теперь уже по 560 — почти в 7 раз больше? Почему?

И я вспоминаю былые поездки на Брестщину.

Мне представляется опоздавшая на месяц, мокрая, холодная, похожая на осень весна, рождавшая в крестьянской душе тягостные предчувствия неурожая. Помню, как медленно открылась дверь зала заседаний бюро обкома партии и как вышел ссутулившийся под тяжестью старого, но справедливого партийного взыскания первый секретарь Антопольского райкома партии Зайцев. Кто-то спросил его:

— Ну как?

— Строгий выговор.— Секретарь развернул плечи.— Ничего, мы это поправим.

И будто именно с того самого момента он стал по-иному ценить каждую минуту: неожиданно резко и быстро зашагал к выходу.

А вот теперь он не в силах скрыть своей радости, перебирает телеграммы и рапорты от колхозов района, считает, прикидывает: победа!

Вспоминается, как нелегко было застать в кабинете первого секретаря Брестского обкома партии Петра Мироновича Машерова. Лихой партизанский вожак, Герой Советского Союза Машеров, как в былые военные годы перед решающим наступлением, объезжал все звенья теперь мирной, трудовой армии брестских хлеборобов, учил и учился, помогал и требовал, подбадривал и удерживал увлекающихся. И все время прислушивался к напряженному пульсу большого и сложного организма области.

В ходе организаторской работы обкома партии непосредственно на производстве отыскивались и утверждались новые и совершенствовались уже проверенные временем формы партийного влияния на массы. Были и выездные заседания бюро обкома, и доклады, и семинары, и пленумы, и выставки... Все это, казалось бы, не открытие, но каждое такое дело готовилось вдумчиво и потому оказывалось плодотворным и результативным.

Особенно оправдал себя метод учебы на примерах передового района. Таким оказался Ивановский. Там под кукурузу было отведено 2 900 гектаров лучших земель, в основном на полевых участках. Почвы были щедро удобрены навозом, за посевами организован заботливый уход с первого до последнего дня. Кукурузные плантации ивановцев не знали сорняков.

И вот на примере ивановцев областная партийная организация прививала интерес к кукурузе и другим районам. В Иванове проводились семинары, там рождались договоры на соревнование и обязательства. Ивановцы были не только гостеприимными хозяевами, они сами ездили по другим районам и колхозам и на месте помогали соседям.

...Засидевшись до полуночи, мы долго говорили с Петром Мироновичем о предварительных итогах нынешнего года и о планах на будущее.

— Если сказать коротко,— Петр Миронович прикурил от своей докуренной папиросы новую,— то сравнительно хорошая кукуруза получилась у нас потому, что мы просто по-настоящему, так, как требует партия, занимались ею в нынешнем году. Год сложился нехарактерный для нашей области и крайне неблагоприятный для кукурузы. Из-за поздней весны сев смогли начать только 20 мая. Дожди, да к тому же и холодные, буквально заливали — семь недель каждодневных дождей! Да и потом солнечный день выпадал редко-редко. И вот даже в этих условиях везде, где партийное влияние было, как говорят, на высоте и где, стало быть, работали прилежно, кукуруза не была пасынком, получены высокие урожаи.

В среднем по области на каждом гектаре будет 300 центнеров зеленой массы. Наши товарищи считают, что в следующем году мы добьемся значительно лучших результатов. Самое решающее в этой работе в основном позади: колхозные массы не только поверили в кукурузу, но и считают ее при большем применении техники самой выгодной кормовой культурой. Разумной организацией работы, обильными удобрениями и подкормками, своевременной обработкой посевов можно достигнуть того, что наша область на круг будет давать по 600 центнеров силоса с гектара. Это уже близкая перспектива. Поэтому площадей под кукурузу мы особо увеличивать не будем — будем увеличивать урожаи, и кукуруза даст основную массу силоса. Уже в нынешнем году колхозное стадо крупного рогатого скота по области пополнится примерно 20 тысячами голов. Без кукурузы это было бы неосуществимой мечтой. И особая заслуга в этом деле принадлежит нашим комсомольцам: в области 2 300 звеньев по кукурузе, и 2 030 из них — комсомольско-молодежные...

В номер к звеньевым входит Алексей Александрович Некрашевич, сотрудник Брестского облисполкома.

— Ну, девчатки, держитесь: из Гомельской области поступило сообщение о новом рекорде — 1 740 центнеров.

— Ничего, мы на следующий год вырастим не меньше—1 800!— откликнулась Екатерина.

— Смотрите!..

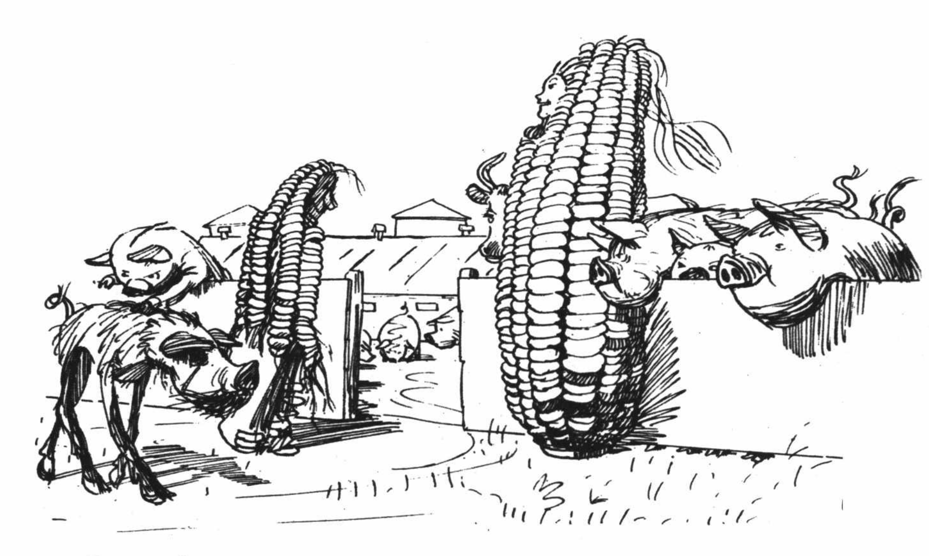
У Алексея Александровича оказались последние сведения по надою молока на Брестщине. В прошлом году за девять месяцев на 100 гектаров было надоено 68 центнеров молока, а в нынешнем — 86. До конца года предполагается надоить до 120 центнеров!

— Так завтра едете домой? — спросил звеньевых Некрашевич.

— Да. Пора.

— Что ж, неужели Москва не понравилась? А то бы оставались здесь жить! — шутливо предложил Алексей Александрович.

— В гостях хорошо, а дома все лучше,— в тон ему возразила Мария Колтунчик.

— Что у тебя за свиньи, матушка? Откуда такие?
— Кормлю, голубушка, кормлю!

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

СВОБОДА, ПРОГРЕСС, МИР

Заметки с Конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте

Г. БОРОВИК

7 октября в Ташкенте, в здании Государственного театра оперы и балета имени Навои, открылась Конференция писателей стран Азии и Африки. 185 делегатов представляют 30 стран двух континентов. Среди них — выдающиеся литераторы — Мао Дунь (Китай), Мулк Радж Ананд (Индия), Зейя (Бирма), Ито Сэй (Япония), Али Ахмед Банасир (ОАР) и другие.

В числе советских делегатов — Николай Тихонов, Мухтар Ауэзов, Гафур Гулям, Мирзо Турсун-заде и другие.

Конференцию открыл председатель азиатско-африканского подготовительного комитета по созыву Конференции писателей стран Азии и Африки, видный узбекский писатель Шараф Рашидов.

Конференция получила приветствия от глав правительств и государств ряда стран.

Выступивший с речью, тепло встреченный присутствующими, Председатель Комиссии по иностранным делам Совета Национальностей Верховного Совета СССР, член Президиума ЦК КПСС Н. А. Мухитдинов огласил приветствие конференции Н. С. Хрущева, в котором выражается уверенность, что конференция послужит дальнейшему укреплению солидарности всех стран, развивающих сотрудничество на основе принципов Бандунга, успешному развитию всей мировой литературы, расширению и укреплению взаимных связей между культурами Востока и Запада.

Славный, солнечный Ташкент гостеприимен. Его радушие — и в толпах людей на улицах, приветствующих делегатов конференции, и в великолепной новой гостинице, и в светящихся гирляндах на деревьях, и в поднятой палочке милиционера: машинам с делегатами разрешается внеочередной проезд по улицам, разрешается даже давать гудки.

Конференция началась раньше официального срока. Для каждого делегата она, пожалуй, уже открылась на Ташкентском аэродроме, когда турбины «ТУ-104» с успехом заглушались приветственными звуками узбекского оркестра.

Здесь начинались первые вопросы, здесь начинался обмен мнениями, здесь дарились друг другу книги, встречались писатели двух континентов. И продлится конференция гораздо дольше официального срока — ее идеи начнут путешествие по земле.

Делегат конференции замечательный китайский писатель Мао Дунь, обращаясь к жителям Ташкента, сказал:

— Конференция, созываемая в Ташкенте,— это небывалая встреча в истории. Она сыграет большую роль в деле укрепления взаимопонимания, дружбы, сплоченности и культурного обмена между писателями и народами стран Азии и Африки и тем самым послужит делу борьбы против колониализма и защиты мира во всем мире.

На приеме, устроенном председателем Президиума Верховного Совета Узбекистана Ш. Рашидовым (второй слева) в честь делегации писателей ОАР, возглавляемой Мухамедом Халафалла (третий слева).
Фото Г. Графкина.

В президиуме конференции.
Фото Н. Рахманова (ТАСС).

ДОЛГ ПИСАТЕЛЯ

Как на любой международной конференции, здесь слепящий свет юпитеров, поцарапанные чемоданы с наклейками чуть ли не всех отелей мира, мечущиеся кинооператоры и разноязычный говор. Но эта конференция имеет свои особенности.

— Есть конференции,— сказал мне цейлонский писатель Б. Сири Сивали,— неважно, на каком уровне они происходят,— которые укрепляют веру народа в победу свободы, прогресса и мира. Наша ассамблея представителей стран Азии и Африки относится именно к таким конференциям.

Писатели могут и должны помочь народу в достижении этой благородной цели. Конференция имеет четкую повестку дня. Но мне кажется, что, говоря более общо, перед ней стоят именно эти задачи.

Два десятка лет тому назад писатели Цейлона, в том числе и я, занимались подробным и добросовестным описанием высшего общества для высшего общества. Но скоро жизнь заставила нас понять всю бессмысленность такой литературы. Если писатели хотят блага для своей страны, если они желают ей независимости и процветания, они должны писать о главном борце за это счастье — о «человеке с улицы», вместе с ним участвуя в боях против колониализма.

Мы должны и писать для этого «человека с улицы». На этой конференции собрались писатели, которые знают силу и значение литературы. Ведь таких, кто замкнулся в себе, все меньше и меньше среди писателей. Вот почему наша ассамблея так отличается от других международных конференций.

ОДНА ТЕМА

Двадцатидвухлетний сомалийский поэт Ахмад Омар Альаз Хари написал свое первое стихотворение девяти лет от роду. Он учился тогда в Джидде в арабской школе, и первое его стихотворение было мирной приветственной одой. С тех пор прошло тринадцать лет. Нет сейчас в творчестве сомалийского поэта Ахмада Омар Альаз Хари других тем, кроме темы борьбы за независимость Сомали. Его родина раздроблена на части, которые находятся во власти четырех иностранных государств.

— Освобождение! Ни о чем другом я не могу писать сейчас,— говорит Ахмад Омар Альаз Хари.

КНИГИ И КНИГИ

В день официального начала Конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте была открыта выставка книги. Творения человеческой мысли, заключенные в печатное слово, лежали на стендах, повествуя о судьбах человечества.

— Сколько новых книг, новых тем вызвало к жизни пробуждение народов в последние годы! — сказал мне Абдул Хафиз Абу, писатель из Нигерии.

Еще в XV веке в Нигерии были свои поэты, были свои литературные произведения. С приходом англичан нас заставляли забыть свое искусство, свою оригинальную литературу, свою культуру. Все заменялось, вытеснялось «культурой» колонизаторов.

Наши нигерийские писатели сейчас стараются восстановить то самобытное, что погибло под сапогом захватчиков. Мы хотим познакомиться с литературой других народов, мы хотим, чтобы нашу литературу узнали за рубежами Нигерии.

Абдул Хафиз Абу познакомил нас с нигерийским писателем Оттумом, который собирается заняться переводами на язык своей страны произведений Горького, Чехова, Маркса, Ленина.

ЛИТЕРАТУРА — БОЕЦ

63-летний алжирский поэт, журналист, переводчик Лямин Лямуд, возможно, тоже приехал бы в Ташкент, чтобы принять участие в этой замечательной ассамблее, если бы в прошлом году не погиб от пули французского парашютиста. Случилось все очень просто. Шел поезд, его остановили французские парашютисты. И начали рыскать по вагонам. У старого поэта не было багажа, на который могли бы позариться носители западной цивилизации. Но зато с ним были книги, статьи, брошюры, гневно клеймящие колониализм. На многих из них стояло имя автора: Лямин Лямуд. Поэт, журналист, переводчик был убит на месте.

С 1930 года нет в Алжире ни одной тюрьмы, ни одного концлагеря, в которых не сидел бы писатель, поэт или журналист.

Так может ли быть неверна пословица народа Нигерии — перо сильнее ножа? Могут ли быть нож, пуля, тюремная решетка, колючая проволока сильнее пера, сильнее свободы, мира?..

Как величайшую драгоценность, получил я на конференции поэму, написанную недавно в тюрьме одним из лучших поэтов Алжира, имени которого нельзя здесь назвать. Рукопись поэмы-песни была тайно переправлена из тюрьмы на волю — борцам за свободу. Она еще нигде не напечатана, но ее поют солдаты алжирской Армии освобождения, идя в бой. Вот отрывок из этой поэмы-песни:

Скажите, люди, разве правда в том,
Чтоб был продут ветрами отчий дом,
Чтоб был хозяин дома нищ и гол,
А для пришельца замок он возвел?
Чтоб голод стыл в глазах твоих детей,
А стол пришельца гнулся от сластей?
Нет, слеп и жалок слабый, если он
Безвольем на бесправье осужден.
Он жизнь влачит сквозь тьму кромешных лет
Изгнанником на собственной земле.
О небо, труса разрази в громах
И поглоти, земля, покорный прах!
Повесь меня — не устрашишь меня.
Сожги меня — я не боюсь огня.
Не прячь, палач, от смертников лица —
Сомненьем их не тронуты сердца.
Пусть смерть заходит в камеру мою,
Я перед ней, не дрогнув, устою.
Я знаю, что народ мой будет жить!
Пусть я умру — бессмертен мой Алжир!

Нет, правильна нигерийская пословица, имеющая эквиваленты у народов всего мира! Нет такого оружия, пусть самого разрушительного и смертоносного, которое могло бы победить передовые мысли, задушить стремление человека к свободе, дружбе, миру, заставить замолчать честную, прогрессивную литературу!

Конференция писателей стран Азии и Африки — тому живое свидетельство.

Ташкент (по телефону).

Рост творческих сил

А. КАЗАКБАЕВ,
секретарь ЦК КП Киргизии

В Москве открывается декада киргизского искусства и литературы. Киргизский народ послал в столицу советской Родины мастеров своей культуры.

До революции — и об этом нельзя забывать — Киргизия была одной из самых отсталых окраин царской России, краем примитивного сельского хозяйства, в котором господствовали феодальные и полуфеодальные порядки.

Киргизский народ не имел своей письменности, поголовно был неграмотным. На его территории существовало всего 107 школ, в которых обучалось около 7 тысяч детей. В Киргизии не было ни высших, ни средних учебных заведений, не было театров и клубов.

Но жило в народе самобытное искусство, рождались одаренные, талантливые люди, они создавали в меру своих сил и умения художественные ценности.

Героический народный эпос «Манас», эпические поэмы, сказания, легенды, сказки, пословицы и поговорки, трудовые и обрядовые песни, дошедшие до нас из глубин веков, наглядно свидетельствуют о том, что и в условиях мрачного прошлого киргизскому народу не чуждо было чувство прекрасного, стремление к поэтическому выражению своих мыслей, дум и надежд.

За короткий исторический срок под руководством Коммунистической партии Киргизия превратилась в передовую советскую социалистическую республику, с развитой промышленностью и многоотраслевым сельским хозяйством. Октябрьская революция открыла дорогу самобытной культуре народа Киргизии. Сейчас в республике работают 9 высших и 27 средних учебных заведений, 1 711 общеобразовательных школ, в которых обучается около 330 тысяч детей. Среди населения полностью ликвидирована неграмотность. В республике издается 89 газет, 30 журналов с общим тиражом 50 миллионов экземпляров.

В Киргизии сейчас семь театров и государственная филармония. Для подготовки художественных и музыкальных кадров организованы художественное и музыкально-хореографическое училища, восемь детских музыкальных школ.

Киргизский государственный театр оперы и балета покажет москвичам национальные спектакли, пользующиеся заслуженной популярностью, и оперу «Опричник» П. И. Чайковского.

Народно-героическая опера «Токтогул» В. Власова, А. Малдыбаева, В. Фере (либретто оперы написано Д. Боконбаевым и К. Маликовым) посвящена жизни великого киргизского акына Токтогула Сатылганова. Судьба Токтогула — это судьба его народа. Опера воскрешает обаятельный облик киргизского акына-революционера.

«Анар» композиторов В. Власова и В. Фере, по либретто К. Эшмамбетова и Н. Холфина,— первый киргизский балет, поставленный в нашем театре еще в 1940 году,— не сходит со сцены до сих пор. В прошлом году балет был возобновлен в новой сценической редакции. В основе его сюжета — легенда, которая рассказывает о далеком прошлом киргизского народа, о страшном произволе манапов, о большой любви, преодолевающей все преграды. Музыка балета насыщена национальными киргизскими мелодиями.

В основу балета М. Раухвергера «Чолпон», по либретто О. Сарбагишева и Л. Крамаревского, положена старинная киргизская сказка о борьбе простой девушки Чолпон за свое счастье.

Видное место в репертуаре Киргизского драматического театра заняли произведения советских драматургов. Москвичи познакомятся с пьесой известного киргизского драматурга Т. Абдумомунова «Тар-Капчыгай» («Узкое ущелье»). В пьесе ставятся вопросы о стиле руководства, о принципиальности и государственном отношении к делу. Другая пьеса, «Курманбек» драматурга К. Джантошева, повествует о борьбе киргизского народа за победу Советской власти в горном крае.

Театр покажет москвичам драму Островского «Гроза» и пьесу китайского драматурга Цао Юя «Тайфун».

В гастрольном репертуаре Русского драматического театра «Мещане» А. Горького, «Кремлевские куранты» Н. Погодина, пьесы современных киргизских драматургов — Р. Шукурбекова «Свет в долине» и К. Эшмамбетова «Сарынжи».

...Истоки киргизской советской литературы находятся в творчестве акынов. Народные певцы с огромной радостью встретили победу Великого Октября. В стихах и песнях они славили Коммунистическую партию, вождя партии и народа В. И. Ленина, власть трудящихся. Токтогул так выразил народные думы:

Так живи же, Советская
власть,
Ты на радость киргизам живи!

Вместе с Токтогулом творил Тоголок Молдо, продолжателями традиций Токтогула стали его ученики и последователи: Абылкасым Джутакаев, Барпы Алыкулов, Калык Акиев, Алымкул Усенбаев, Осмонкул Болебалаев... Еще до появления киргизской письменности Токтогул и его ученики заложили основы советской киргизской литературы. Киргизская письменность берет свое начало с выхода в свет первого номера национальной газеты «Эркин тоо» («Свободные горы») в 1924 году. Стихотворение Аалы Токомбаева, ныне народного поэта Киргизии, «Пришло время Октября», напечатанное в первом номере газеты, послужило началом советской киргизской литературы. В этой же газете печатались стихи, рассказы, очерки, публицистические статьи Баялинова, Элебаева, Джамгырчиева. В 1926 году в Киргизии создается Государственное издательство, которое приступает к изданию на киргизском языке произведений наших писателей и переводных книг.

В 1939 году в Москве проходила первая декада киргизского искусства. К тому времени киргизская литература, сделав первый шаг по пути бурного роста, все же еще недостаточно окрепла для того, чтобы выступить на декаде с широким показом своих успехов.

Теперь, в дни второй декады, киргизским писателям есть что показать москвичам.

Проникновенными стихами, повестями, очерками откликнулись писатели Киргизии на грозные события Великой Отечественной войны. Широкую известность в нашей стране и за ее рубежами получил роман Т. Сыдыкбекова «Люди наших дней». Героический труд киргизского народа в тылу запечатлен в повести К. Баялинова «На берегах Иссык-Куля». А. Токомбаев, Т. Уметалиев, Д. Боконбаев, А. Осмонов и другие поэты воспели героизм советских воинов, дружбу народов — оплот могущества нашей многонациональной Родины.

Послевоенные годы стали годами развития всех жанров киргизской литературы. В ряды писателей вливаются новые силы — молодые прозаики, драматурги, поэты. Полюбились читателю произведения Н. Байтемирова, автора романа «Салтанат», создавшего и ряд рассказов, повесть «Сагын», роман «Последний патрон». Пользуются популярностью пьесы драматурга Т. Абдумомунова. Выходят из печати книги Мусы Джангазиева, Смара Шимеева, Чингиза Айтматова и многих других. Наши молодые писатели вышли из народа, связаны с ним кровными узами, живут его думами и чаяниями.

В последние годы киргизскими писателями старшего поколения созданы крупные произведения в

Киргизстан

А. МОЛДОКМАТОВ

Здесь кочевали деды и отцы:
В мир — скотоводы,
в грозный час — бойцы.
...Шли под палящим солнцем караваны.
Дзинь-дзинь... Дзинь-дзинь...
Звенели бубенцы.

Скрипели равнодушные пески.
А на душе лежал бархан тоски.
И рвали злые ветры-суховеи
Залатанные юрты на куски.

И лишь у баев не было забот,
Над пловом только прошибал их пот.
Своей камчой они махали чинно.
Их жеребцы всегда неслись в намет.

У богатеев юрты, как дворцы,
А бедным — стежки в разные концы.
Шли под палящим солнцем караваны.
Дзинь-дзинь... Дзинь-дзинь...
Звенели бубенцы.

Так караваны шли из года в год
К тому дворцу,
где бедных счастье ждет.
Открыл ворота им Октябрь великий.
Эр киши [1] Ленин встретил у ворот.

С тех пор прошло цветущих сорок лет.
Есть у киргизов и земля и свет.
Для тех, кто строит собственное счастье,
Ни горя, ни печали больше нет.

Здесь кочевали деды и отцы,
Ползли их стежки в разные концы.
...Би-бип... Би-бип...
Шлет позывные спутник,
Где:
дзинь.. дзинь... дзинь...
Звенели бубенцы.

Перевел с киргизского Иван БУРСОВ.

[1] Богатырь-человек.

АКЫН БАРПЫ

В нынешнем году русские читатели впервые познакомятся со стихами классика киргизской литературы, народного певца Барпы (1884—1949).

В восьмилетнем возрасте начал Барпы свою трудовую жизнь. Барпы пас скот у богачей, о жестокости которых впоследствии сложил гневные песни. В годы царизма пел Барпы о муках своего народа.

Встреча с великим акыном Токтогулом оказала неотразимое влияние на мировоззрение Барпы. Токтогул высоко ценил Барпы как певца правды и подарил ему своего коня.

После Великого Октября Барпы Алыкулов стал активным борцом за упрочение Советской власти в Южной Киргизии.

В тридцатых годах Барпы постепенно теряет зрение из-за болезни, начавшейся еще в детстве. Но, несмотря на слепоту, народный певец продолжал работать над новыми произведениями, воспевая новый строй, новую жизнь, новых людей.

Туменбай БАЙЗАКОВ

После революции

БАРПЫ

Бедняк теперь, уже не тот:
Он человек теперь, не скот,
Он спину разогнул навеки,
Он крепко на ноги встает.

Он в жизни досыта не ел,
В одежде рваной стыл и прел,
А нынче он — страны хозяин,
Он все освоил, все посмел.

Хозяин! Так чего ж еще!
И птица счастья на плечо
К нему летит с высот крылатых.
Идет он вслед за Ильичем,

А значит — быть ему богатым!

1922.

Перевел с киргизского
Александр ТВЕРСКОЙ.

разных жанрах. Прозаик Тугельбай Сыдыкбеков вслед за романом «Дети гор» выпустил в свет эпическое многоплановое произведение «Среди гор» — заново переработанный вариант романа «Кен-Суу», показывающего одну из замечательных страниц борьбы киргизского народа за счастливую жизнь. Нужно отметить возросшее художественное мастерство писателя.

С новыми стихами и поэмами выступают поэты как старшего, так и младшего поколений. Примечательным является выход в свет первых томов собрания сочинений одного из зачинателей киргизской письменной литературы — Аалы Токомбаева. Его новые поэмы «Встреча в Китае», «Своими глазами», лирические стихи, первую часть романа «Токтогул» отличают подлинная реалистичность, впечатляющая образность. Творческим ростом, настойчивыми художественными поисками отмечены стихи и поэмы Кубанычбека Маликова, Темиркула Уметалиева, Смара Шимеева, Ясыра Шивазы...

Рост нашей литературы в послевоенные годы сопровождается и расширением тематики. Одним из первых начал разрабатывать в нашей литературе тему жизни рабочего класса Киргизии прозаик Саткын Сасыкбаев. Его последний роман, «Свет под землей», посвящен трудовым будням киргизских шахтеров.

Плодотворно работают русские писатели, живущие в Киргизии. Они переводят на русский язык произведения своих товарищей — киргизских писателей, пишут книги о жизни киргизского народа.

В расцвете творческих сил, сплоченные вокруг родной Коммунистической партии, пришли сегодня мастера киргизской культуры к своей декаде в Москве. Декада — это не только большой праздник киргизского искусства и литературы, это одновременно и очень ответственный их смотр.

Признавая бесспорные достижения нашего искусства, мы далеки от мысли замалчивать его недостатки. Историческое выступление Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» сыграло огромную роль в консолидации сил киргизского искусства. Оно помогло нам лучше увидеть свои просчеты. Наши писатели и деятели искусства нередко еще берут факты с поверхности, не умеют разглядеть во всем богатстве многообразную, насыщенную великим пафосом созидания народную жизнь. Слабое знание жизни кладет отпечаток на некоторые произведения искусства и литературы.

Л. Ильина. КИРГИЗКА. 1958. Линогравюра.

Мы надеемся, что московские зрители и читатели не станут из-за щедрого русского гостеприимства закрывать глаза на наши недостатки, а по-товарищески взыскательно скажут о них. И пусть дружеская критика станет для киргизских писателей, драматургов, композиторов, художников и артистов новой зарядкой, поднимет их творческий дух, стремление к совершенствованию своего мастерства.

КИСТЬЮ И РЕЗЦОМ

Гапар АЙТИЕВ,
народный художник Киргизской ССР

Во время первой декады киргизского искусства в Москве были показаны произведения всего трех — четырех профессиональных художников, и то только живописцев. Отсутствовала графика, не было скульптуры. Сейчас наш творческий союз неизмеримо вырос и представляет профессионально созревший большой коллектив. Художники стремятся полнее и ярче рассказать о жизни и людях республики.

Гапар Айтиев.

Живопись представлена ныне и тематической картиной, которой совсем не было прежде, и портретами, и пейзажем. Графика радует разнообразием решений: созданы целые циклы, объединенные общим содержанием, положено начало работе над плакатом и сатирическим рисунком. Скульпторы Киргизии работают и в мраморе, и в дереве, и в гипсе...

Плодотворно трудятся мастера народно-прикладного искусства. В их произведениях отчетливо сказываются национальные традиции — любовь к контрастам и звучным краскам, таким же, как краски пышной и праздничной природы Киргизии.

Значительны успехи и художников театра.

На выставке изобразительного искусства Киргизии в Москве покажут свои произведения и мастера старшего поколения — С. Чуйков, А. Игнатьев, С. Акылбеков, И. Гальченко, О. Мануйлова, А. Михалев, Л. Ильина, Л. Деймант — и талантливая молодежь — Д. Кожахметов, А. Осташев, А. Усубалиев, О. Минькова, М. Оморкулов, А. Молдохматов.

У меня на глазах киргизское искусство делало свои первые шаги. Оглядываясь сейчас на пройденный путь, видишь: оно сильно выросло.

Радуют успехи самого большого нашего художника — С. А. Чуйкова, подлинного певца колхозной жизни Киргизии. Специально к декаде он подготовил серию работ под общим названием «У нас в Киргизии», а также живописные произведения о жизни индийского народа.

Заметно возмужало искусство и художника киргизской природы, заслуженного деятеля искусств А. Игнатьева, вложившего много любви и взволнованности в свои произведения последних лет. Не могу не сказать несколько слов и о С. Акылбекове, который в эти годы из робкого, начинающего молодого художника превратился в опытного мастера. Широко известна его картина «На полях Киргизии».

Тепло встречает наша общественность каждую работу приехавшей в Киргизию в 1939 году после окончания института Л. Ильиной. Известны ее иллюстрации к романам Т. Сыдыкбекова «Люди наших дней» и Мухтара Ауэзова «Абай» — гравюры, выполненные с большим мастерством. Хорошо поработали в прошедшие годы старейший художник Киргизии заслуженный деятель искусств И. Гальченко и полная неистощимой энергии скульптор народный художник Киргизии О. Мануйлова.

Наших художников можно видеть всюду: в заводских цехах, на новостройках, на колхозных полях — везде, где наиболее зрима поступь нового времени.

Повысить мастерство наших художников, чтобы ярче и многообразнее были наши картины,— в этом заинтересованы мы кровно. Мы надеемся, что встречи с ведущими мастерами советского искусства помогут нам разобраться в успехах и недостатках. Встречи эти, бесспорно, окажут влияние на дальнейшее развитие нашего искусства.

Писательская молодежь

Беседа с ответственным секретарем Правления СП Киргизии Кубанычбеком МАЛИКОВЫМ

За последние годы в киргизскую литературу вошла большая группа молодых писателей. Многие из них имеют высшее литературное или педагогическое образование. Об этом могли только мечтать писатели старшего поколения. Центром новой киргизской культуры в двадцатые годы был педагогический техникум. Оттуда вышли видные деятели искусства Киргизии: поэт Боконбаев, художник Айтиев, композитор Малдыбаев. Мы читали на узбекском, арабском, татарском языках, и только с начала 30-х годов появилась у нас возможность приобщиться к русской культуре, а через нее — к мировой прогрессивной культуре.

Теперешняя писательская молодежь не знает тех трудностей, которые мы испытали.

С первых же шагов молодые киргизские литераторы сознательно определили направление своих творческих поисков. Каимов, редактор журнала «Чалкан», выступает как писатель-сатирик. Борбугулов — поэт-баснописец. Роман о киргизской интеллигенции «Путь к счастью» написал Бейшеналиев. Интересно начал работать в литературе Ч. Айтматов; его повести печатались в «Октябре» и «Новом мире». Айтматов свободно пишет на киргизском и на русском языках. Это тоже говорит о возросшей культуре молодого писателя. Т. Касымбеков и Д. Садыков еще не вступили в ряды Союза писателей, но это наша смена. Оба они только что окончили фрунзенский университет и успели выпустить свои первые книги.

Писатель-женщина—невиданное у нас ранее явление. Киргизские женщины до революции не смели мечтать о писательском труде, а если кто-либо из женщин имел литературное дарование, то они могли выступить только в роли плакальщиц (кошокчу).

Поэтесса Сатын Абдыкеримова живет и работает в колхозе имени Фрунзе, Кировского района, заведует красным уголком. Она выпустила уже пять книг. К декаде вышла ее книга на русском языке.

Студентка фрунзенского университета Буларкиева издала книги своих стихов на русском и киргизском языках. В издательстве «Молодая гвардия» выходит книга стихов выпускницы педагогического института Абдыкадыровой.

Большую литературоведческую работу ведет Биби Керимжанова, член-корреспондент Киргизской Академии наук. Керимжанова — автор монографии о выдающемся киргизском поэте Дж. Боконбаеве; она участвовала и в создании киргизских учебников.

С радостью мы отмечаем рост русской литературной молодежи. Недавно вышел сборник стихов молодых русских поэтов Киргизии «Доброе утро». Особенно значительны успехи Анатолия Сальникова, родившегося на юге Киргизии. После окончания литературного института А. Сальников закончил роман о киргизских нефтяниках «Золотые глубины».

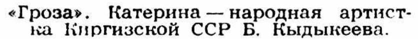
Солистка Киргизского государственного театра оперы и балета, народная артистка Киргизской ССР балерина Бибисара Бейшеналиева репетирует народный танец.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Сцена из эпилога оперы «Токтогул» в постановке Киргизского государственного театра оперы и балета.

Участники ансамбля темир-комузистов.

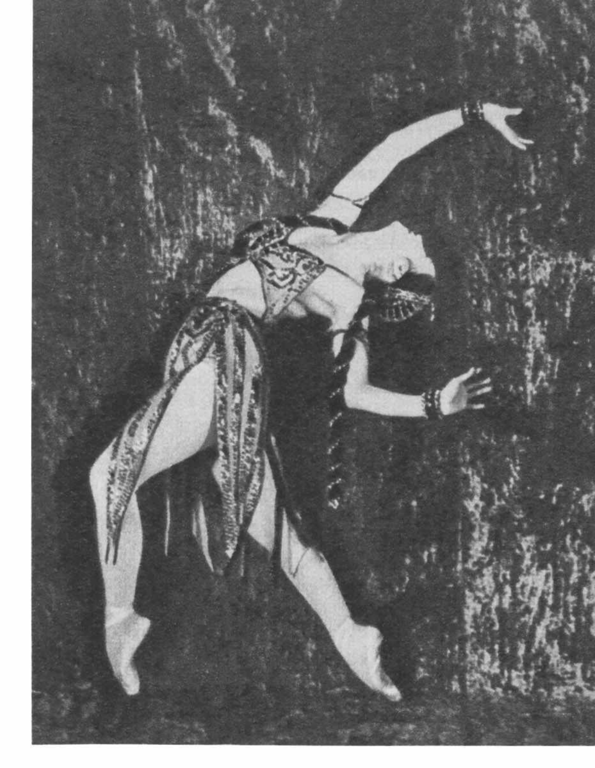

«Гроза». Катерина — народная артистка Киргизской ССР Б. Кыдыкеева.

Театр Киргизского народа

«Чолпон». Айдай — народная артистка Киргизской ССР Б. Бейшеналиева.
Фото Л. Гройсмана.

В. ВОРОНОВ

В 1957 году в бомбейской гостинице «Тадж-Махал» был дан обед в честь находившейся в Индии делегации мастеров советского киноискусства. В состав делегации входила и народная артистка Киргизской ССР Бакен Кыдыкеева, создавшая чудесный образ девушки Салтанат в одноименном киргизском фильме. Во время приема гостей к Бакен Кыдыкеевой подошел американский журналист и спросил:

— Отвечайте честно: Киргизия действительно колония Москвы?

И услышал резкий ответ:

— У нас не колония, у нас республика.

Бакен Кыдыкеева так и не успела сказать еще что-нибудь. Американец пожал плечами и отошел.

«Да он ничего не понимает!» — подумала киргизская актриса и посмотрела с негодованием вслед этому господину. Разве мог понять тот американский журналист чувства простой дочери Киргизии, которая до революции не посмела бы мечтать о театре! Ведь всего лишь два десятка лет назад Бакен впервые попала в город, впервые увидела киноэкран, впервые вдохнула воздух театральных кулис! Американец не сумел, или не захотел, понять, что лицо Советской Киргизии определяют не только гигантские энергетические ресурсы, высокоразвитое животноводство, но и густая сеть школ и вузов. Киргизские ученые решают проблемы мировой науки. Лицо сегодняшней Киргизии в такой же мере определяют и театр оперы и балета и Академия наук. В киргизском театре выступают бывшие ученики московских и ленинградских театральных школ. На киргизской сцене звучат «Евгений Онегин» и «Травиата», «Пиковая дама» и «Кармен», здесь танцуют «Лебединое озеро» и «Раймонду».

...Вечерний Фрунзе встретил нас огнями «Ала-Тоо» и пряным запахом пышных киргизских роз. В конце сентября лето еще неохотно уступало свои права: стояла двадцатипятиградусная жара. И только свежий ветер с гор по вечерам напоминал об осени.

В театре оперы и балета шла опера «Токтогул».

Рядом со мной сидела старая киргизская женщина. С момента, как только поднялся занавес, она, казалось, забыла, что находится в театре. Сухими пальцами она то теребила концы головного платка, то, обхватив плечи руками, тихо покачивалась, напряженно глядя на сцену. И когда в пересыльной тюрьме раздался выстрел и кузнец Сары упал, смертельно раненный, старая киргизская женщина, вся подавшись вперед, горестно закрыла ладонями лицо.

В антракте мы познакомились. Мои соседи — колхозница артели «Дружной», Иссык-Кульского района, Джамиля Берикова, рядом с ней молодая Разкан Асангулова из другого колхоза — имени Ленина, Пржевальского района. Вместе с ними пришел на премьеру оперы вице-президент Киргизской Академии наук Джумагул Алышбаев со своей женой Софьей Исмаиловной, преподавателем педагогического института.

Для них трудная судьба Токтогула была не только историей. Старая Джамиля переживала судьбу Токтогула как совсем недавнюю быль. Великого акына знают все киргизы, помнят и говорят о его открытом характере, добром сердце, которое страдало вместе с народом и ненавидело баев, манапов и других царских приспешников. Живы еще дочь и сын Токтогула Сатылганова.

Великий акын умер в 1933 году, воспев первым на киргизском языке партию Ленина, народную власть.

На премьере роль Токтогула исполнял Артык Мырзабаев, двадцативосьмилетний солист, недавний колхозник. Не один год Артык работал в поле, был возчиком, освоил многие сельскохозяйственные профессии. После окончания в 1954 году музыкального училища Мырзабаев стал солистом-певцом.

Пятая картина «Токтогула». На сцене — разрушенное жилище акына, старая, изодранная юрта. Уже много лет прошло, как Токтогула по этапу отправили в Сибирь. Горе подорвало силы старой Бурмы, матери певца. И все же сердце подсказывает ей, что Токтогул жив. Одну из лучших своих ролей — Бурмы в «Токтогуле» — народная артистка республики Мариам Махмутова исполняет с редким обаянием. В ее сильном меццо-сопрано и горе, и страдания народа, задавленного властью богатеев, и его надежда на будущее.

...Сидя в отличном зале Киргизского государственного ордена Ленина театра оперы и балета, трудно было поверить, что все это — и оркестр и национальная опера, — все это началось немногим более двадцати лет назад. Еще два десятка лет назад колхознице Джамиле Бериковой и вот этим седобородым аксакалам, сидящим во втором ряду, показались бы кощунственными оперный дуэт, хор мужских и женских голосов, ансамбль.

Мы не будем сравнивать сегодняшнее с тем, что было сорок лет назад, до Октябрьской революции, хотя это было бы увлекательное сравнение. Вспомним о том, что было в дни первой декады киргизского искусства в Москве. Тогда не было ни балета, ни драматического театра, ни литературной части декады. Москвичи увидели только оперу «Айчурек» по мотивам эпоса «Манас» и две музыкальные драмы.

Киргизский народ веками пел о горе и страданиях, о борьбе и надеждах. Сейчас он поет о радости новой жизни. На сцене звучат национальные оперы, ставится русская и западная оперная классика. Киргизский народ создал свой национальный балет. Пожалуй, наиболее ярко достижения искусства Киргизии выступают именно в национальном балете. Необъяснимый факт: киргизский народ соседствовал с народами, сохранившими многовековые традиции танца, но киргизы не танцевали. В легендах «Манаса» есть, правда, упоминания о киргизских танцах, но до нашего времени они не дошли.

Главный балетмейстер театра Николай Сергеевич Холфин, четверть века отдавший работе над киргизским национальным танцем, вспоминает, как в середине тридцатых годов начались его поиски.

— Я не мог поверить, что киргизы не способны танцевать,— говорит Н. Холфин.— Мы присматривались к праздничным обрядам, народным играм, трудовым процессам, чтобы в них найти ритм, колорит национального танца. Однажды на каком-то празднике я увидел молчаливую, краснеющую от чужого взгляда Сайру Киизбаеву. И вдруг эта замкнутая, стеснительная девушка вскочила на коня и с гиканьем понеслась вперед вместе с джигитами. В тот момент я почувствовал, сколько таится сил, темперамента в окружавших нас юношах и девушках. Это помогло почувствовать стихию киргизского народного танца.

От первого киргизского народного танца «Кииз» («Шерсть») до национального балета «Чолпон» — таков путь, пройденный за девятнадцать последних лет. И если в первом танце балетмейстерам приходилось считаться с некоторыми народными обычаями (например, мужчина не мог взять девушку за талию), сковывавшими развитие танца, то в балетах «Анар» и «Чолпон» киргизское танцевальное искусство вобрало в себя лучшие традиции мировой классической хореографии.

...На преддекадный показ балета «Чолпон» собрались не только все жители города Фрунзе: приехали, как всегда, колхозники из дальних горных аилов. Зал был переполнен, а в кабинете главного администратора театра толпились приезжие, требуя пропустить их в театр. Не просили, а требовали. Старый киргиз возмущался: «Мы приехали с гор, а билетов нет...»

Не этот ли самый седобородый аксакал на первом представлении балета «Чолпон», увидев танец «призрачных дев», долго не верил, что танцуют живые девушки? К нему подводили улыбающуюся юную балерину, он недоверчиво трогал ее платье, руки...

Сначала все было обычным. Мы любовались отточенным танцем юной Рэйны Чокоевой — Чолпон и Урана Сарбагишева — Нурдина; радовали глаз фантастические декорации художника А. Арефьева; жизнерадостная мелодия неслась из оркестра. Но вот на сцене появилась злая хромоногая старуха Айдай, и когда она на глазах у

испуганной Чолпон преобразилась в красивую нарядную девушку и закружилась в волшебном танце, мы перестали замечать декорации, наше внимание целиком приковала волшебница, так жаждущая земной любви.

Каждое появление Айдай на сцене открывает новые грани ее образа. Тут и страстная жажда любви, и страх за Нурдина, который в любое время может уйти к Чолпон, и упоение любовью, и простая женская слабость перед могущественной соперницей... Сила этой страсти, темперамент в сочетании с мягкой грацией и восточной негой создали неповторимый образ.

Роль Айдай исполняла народная артистка Киргизской ССР Бибисара Бейшеналиева.

На следующий день мы встретились с Бибисарой после репетиции. Балерина рассказывала о родном аиле. В 1936 году Бибисара приехала во Фрунзе, случайно узнав о наборе в Ленинградское хореографическое училище. Собрали тогда мальчиков и девочек 10—11 лет, которым и город Фрунзе был диковиной. И вдруг — Ленинград!

«Дома нам показались горами»,— с улыбкой вспоминает Бибисара. Детей Киргизии поселили на улице зодчего Росси. Среди первых киргизских танцоров был и Нурдин Тугелов. Бибисара, смеясь, рассказывает, как сфотографировали «на память» пятку Нурдина, черную от земли, всю в трещинах. После окончания училища Нурдин Соронбаевич Тугелов стал ведущим танцовщиком киргизского балета и балетмейстером театра.

5 июня 1939 года в заключительном декадном концерте на сцене Большого театра в Москве учащиеся киргизской студии Ленинградского хореографического училища танцевали вальс Глазунова. Среди них была Бибисара Бейшеналиева. Вряд ли кто из москвичей помнит теперь тринадцатилетнюю девочку, которую отличали изящество и грация, внутренняя сосредоточенность. С тех пор Бибисара танцевала Раймонду, Одетту-Одиллию, Тао-Хоа и другие труднейшие партии балета, завоевав любовь своего народа. Когда мы выходили из театра, на лацкане ее серого костюма я заметил эмалевый значок депутата Верховного Совета Киргизской ССР.

«Чолпон». Нурдин — артист У. Сарбагишев.

...Москвичей трудно удивить «Грозой» Островского. Шедшая на сотнях самодеятельных и профессиональных сцен, драма Островского прочитана, что называется, до конца. Но в Киргизском драматическом театре сумели найти свое, оригинальное решение, и прежде всего образа Катерины, которую играет Б. Кыдыкеева.

Катерина Бакен Кыдыкеевой — сильная, непокорная женщина. Она никому не жалуется, хотя и страдает всем существом, вынужденная жить среди Кабаних и Диких. Она носит в себе это страдание, протестуя всем существом против рабского, домостроевского уклада жизни. Только иногда, при встрече с Борисом или рядом с Тихоном, у Катерины-Кыдыкеевой вдруг вырвется из груди такой глубокий вздох, что вы чувствуете всю силу замкнувшейся в себе женщины, которая страдает среди мерзостей темного царства.

В чем-то очень существенном Кыдыкеева-Катерина сумела найти интонации, созвучные и понятные каждой современной киргизской женщине, освобожденной от векового рабства. И все же Катерина в Киргизском государственном драматическом театре — очень русская женщина, страстно влюбленная в волжские просторы.

Своеобразная трактовка образа пришла к Бакен Кыдыкеевой как результат творческого освоения большой сценической традиции пьесы Островского. Знакомство с опытом Ермоловой, Стрепетовой, Федотовой, с опытом Ишантураевой в узбекском театре, проникновение в самый дух драмы — все это определяло творческие поиски актрисы. Во время работы над этой ролью Кыдыкеева послала письмо в Москву, в театр имени Маяковского, артистке Е. Н. Козыревой, исполнявшей роль Катерины. Ответ пришел на пяти страницах. «Не берусь, да, право, и не смогу,— писала Е. Козырева,— а скорее всего и нет нужды вас чему-либо учить или советовать вам: безусловно, вы и без меня все знаете и тоньше и глубже чувствуете, чем я».

В конце нашей беседы Бакен вспомнила того американского журналиста, который подходил к ней в Бомбее.

— Мне хотелось бы,— говорит актриса,— чтобы он сейчас видел, с чем выступает киргизское искусство на декаде.

В этих словах — законная гордость и чувство достоинства дочери киргизского народа.

Прошедшие годы освоения и создания в республике культурных ценностей, полных национального своеобразия, дали богатые плоды.

Слово киргизских литераторов

Чего я жду

Участники декады как бы экзаменуются по своим предметам. Экзаменаторами являются не только критики, а сотни и тысячи читателей и зрителей. Киргизская литература и искусство являются ровесниками Великого Октября. Несмотря на свою молодость, они росли и развивались неимоверно бурно. Мы хотим услышать от друзей и критиков самые объективные, справедливые, суровые и дружеские замечания, а не излишнюю хвалу, которая только мешает дальнейшему развитию писателя и литературы.

Я участвую в декаде своей поэзией и прозой. Книга на русском языке, изданная Гослитиздатом, две книги на киргизском языке и роман-хроника в стихах «Перед зарей», кроме того, сборник прозы разных лет — вот мои произведения, которые будут обсуждаться во время декады. Меня больше всего волнует обсуждение романа в стихах «Перед зарей», над которым я работал 25 лет (два раза роман переиздавался).

Я стремился показать жизнь моего народа накануне революции— перед зарей, ответить на вопрос, кем был киргизский народ при царизме и кем стал в наше время. Как я решил этот большой вопрос, судите сами, друзья!

Аалы ТОКОМБАЕВ

Судьбы простых людей

Как только я пришел в литературу, меня увлекли судьбы простых людей. Я писал стихи о тех, кто работал кетменем, о поливщиках, о хлопкоробах, о женщинах, обучавшихся в красных юртах. Как лесоруб чем дальше, тем больше углубляется в чащу леса, так и я чем дальше, тем больше интересовался жизнью и бытом простых людей. Вначале я видел лишь образы отдельных людей, потом ряды их стали гуще. Принимаясь за новый рассказ, за новый роман, я пробовал говорить себе: «Попробуй создать образ исключительного, выдающегося человека». Но как только я сажусь за работу, образы «исключительных героев» отступают на второй план. Их место занимают обычные, простые люди. «Вот мы стоим, вот здесь. Попробуй-ка не писать о нас!» — говорят они.

Они увлекают меня своей внешностью, своим светлым внутренним миром, своей решимостью в труде. В романе «Люди наших дней» — это Чаргын, Элебес, Акман, Батыш, Гюльнар, большебородый Дмитрий, Камка; в «Детях гор» — шалунья Динар, Орусбек, Омор-аке, Аскар; в романе «Среди гор» — Соке, Сапарбай, Бюбюш, Осмон, Бюбю, Иманбай. Они окружают меня. Шуршащая, заскорузлая шуба Иманбая, его раскрытая, оголенная грудь, болтающиеся на ходу полы Соке, его торчащая бородка... Да и не только это — даже тощая лошаденка Иманбая Айсарала с ее веревочным недоуздком всегда у меня перед глазами.

Мои герои многого не понимают. Ошибаются, иногда сбиваются с пути. Но все они готовы на честную борьбу, правдивы, любят свою Родину и свой народ, дорожат дружбой. Они дороги мне своей простотой. У меня нет права считать, что я достиг совершенства в создании образов этих героев. Я стремлюсь к тому, чтобы перо мое работало все лучше над созданием таких образов.

Тугельбай СЫДЫКБЕКОВ

Через девятнадцать лет...

Как и другие писатели, я поеду в Москву со своими книгами.

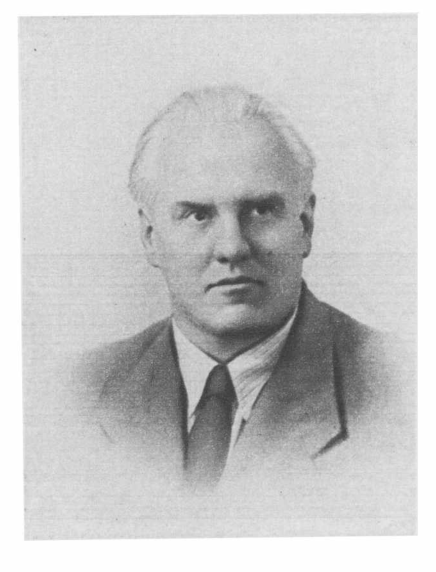
Как участник первой декады киргизского искусства, проходившей девятнадцать лет назад, я могу сказать: наша вторая декада будет более интересной, чем первая. В то время количество писателей в Киргизии не превышало двадцати человек, были написаны лишь первые прозаические произведения. Поэзия также была в начальной стадии развития. Лишь несколько поэтов: Токомбаев, Боконбаев, Маликов, Турусбеков — успели выпустить несколько книг.

Теперь совершенно другая картина: в Киргизии более 70 писателей. За огромные достижения в области культуры и искусства киргизский народ благодарен Коммунистической партии и Советскому правительству.

Темиркул УМЕТАЛИЕВ

Из стихов о Китае

Николай ТИХОНОВ

Стихи о кулаке, венчавшем древко знамени «ихэтуаней»

Я смотрю на большой деревянный кулак,
Снова пальцы его заблестели,
Пусть слегка потемнел его бронзовый лак,
Он прекрасен, он грозен доселе.

Шквал какой до меня его целым домчал!
Сохранил во времен океане!
Он когда-то в боях за свободу венчал
Древко знамени «ихэтуаней».

Еще в детстве, оставив в лапту игроков,
О делах о геройских мечтая,
Я слыхал о восстанье «больших кулаков»,
О боксерском восстанье в Китае.

Никакой я фантазией детской не мог
И представить в те годы воочью,
Что отряд тех «цюаней» в сраженье
полег,
Знамя было разорвано в клочья.

Интервент же германский увидел кулак,
Отрубил, как трофей, его сразу,
Взял на память себе, приволок на бивак,
Оценил понимающим глазом.

И в Берлин он привез. И в Берлине кулак
Украшал его стену. И, тая,
Словно снег, время шло.
Чуть потрескивал лак...
Умер сам «покоритель» Китая.

А потомок — из тех же разбойничьих
стай —
На трофей улыбался привычно,
И казалось ему, что не только Китай —
Целый мир он возьмет как добычу.

Здесь, в Берлине, и сгиб этот миф,
этот мир,
И он сам с ним в том кратере черном,
И советский в руины вошел командир
И увидел кулак неповторный.

И не знал он, пройдя через бурю и мрак,
Что пред ним не находка простая,
Что за мир, справедливость вот этот
кулак
Поднят был на равнинах Китая.

Это сила народа и доблесть его...
Друг советский, не знал он про это,
Из трофеев себе он не взял ничего,
Лишь кулак золотистого цвета.

...Я смотрю на кулак, что когда-то венчал
Древко знамени «ихэтуаней»,
Славный символ, он снова сегодня звучал,
Пусть полвека прошло, как в тумане.

Может быть, лишь затем он проделал
весь путь
Из Китая в Берлин, чтобы снова
Возвратиться домой, чтобы снова вдохнуть
Вольный ветер простора родного.

Мы поможем ему в этом долгом пути.
По друзей своих верному следу
Он дошел до Москвы, но он должен
дойти
До Пекина, чтоб видеть победу!

Примечание автора.
Участники так называемого боксерского восстания в Китае (1895—1901) называли себя «ихэтуанями». Знаком их был кулак, поднятый во имя мира и справедливости, выходивший из лепестков лотоса, потому что лотос — символ бессмертия народа. Поэтому их называли также «цюанями» (сжатый кулак).
Кулак с древка знамени «ихэтуаней», о котором идет речь, по-видимому, был привезен в Берлин офицером германских войск, бывших под командованием фельдмаршала Вальдерзее в составе международного корпуса во время интервенции в Китае, и в освобожденном Берлине найден советским командиром. В настоящее время находится у меня.

Легкий посох из вишневого дерева

Легкий посох из старой вишни,
Все ты стоишь перед взором моим,
Как ты умел проходить неслышно,
Ветром качаем и зноем палим.

Сколько дорог вопрошало: кто ты!
Рощи бежали по следу гурьбой,
Двадцать пять лет подпольной работы
Связано, брат, с тобой.

Тот, в чьей руке ты шагал, бывало,
Старый уже шаошаньский старик,
Он, как и ты, порасскажет немало
Такого, чего не узнаешь из книг.

Встанут, как будто вчера это было,
Огни среди ночи — условный знак,
Чтобы оружье ночь осветило,
В хижинах нищих пронзая мрак.

Твой наконечник согнулся вдвое,
В тропах крутых о камни избит,
Ты же шагал не в гости к героям,
Что отдыхают от старых битв...

В стуке твоем, как в сердце читали!
Ты говорил: «Я немолчно стучу,
Я непрерывно иду, чтобы знали
Люди, о чем я сказать им хочу.

Я коммунистам несу приказы,
В бой за свободу всех я зову,
Я не боюсь никого и ни разу
В камни не лег и не падал в траву.

Мок под дождями, темнел я от зноя,
Ночью и днем непрерывно стучу.
Небо Хунани родной надо мною,
Только народу служить я хочу.

Если хозяин мой слег в лихорадке,
Я уж в руке у другого гонца,
Снова стучу я тропою несладкой,
Снова дорога моя без конца.

Видя меня, говорили примерно
Все о гонце: верим знаку сему,
Это посланец от партии верный,
Можем доверить все сердце ему!

Высохшим стал я, как братья-крестьяне,
Острым, как нив обездоленных плач,
Словно горячие слезы Хунани,
Стал наконечник железный горяч.

Годы промчались ручьем белопенным,
Встал в уголку я в спокойном дому,
Партии был я посланцем бессменным,
Много уж лет миновало тому!»

Дружески глажу вишневый посох,
Чудны наросты-наплывы на нем,
Странными знаками кругло и косо
Тайным они пламенеют огнем.

Точно хотят рассказать про кого-то
Иль о победе Хунани родной.
Двадцать пять лет подпольной работы
В сказочных знаках горят предо мной!

Примечание автора.
Легкий посох из вишневого дерева подарил мне старик Мао Е-цин из деревни Шаошань, родины Мао Цзэ-дуна. С этим посохом в течение двадцати пяти лет Мао Е-цин исходил всю Хунань, как подпольщик выполняя партийные поручения.

Люди спорят с горами

Дорога на перевал Тюя-Ашу.

Н. ТАРАСЕНКОВА

Фото Ф. Короткевича.

В Киргизии прокладывается автодорога Фрунзе — Ош. Пятьсот восемьдесят километров на машине через всю Киргизию вместо тысячи с лишним по железной дороге в объезд через три республики — разве это не хорошо?

Дорогу ждут. Ждут маленькие селения, затерявшиеся ныне в горах. Ждут дорогу и животноводы: только она может сделать доступными круглый год высокогорные пастбища Киргизии и Казахстана — долину Сусамыр.

Когда пойдут машины с первыми пассажирами по этой дороге, красота Тянь-Шаньских гор с их разноцветными осыпями, бурными, быстрыми речками будет ближе к ним, чем к пассажирам, едущим в поезде. И на протяжении всего пути горы будут удивлять их всевозможными сюрпризами: то холодом высокогорья и снегами на перевалах, то жарой, а то прохладой в долинах, напоенных ароматом трав и цветов.

А те люди, которые прокладывали эту дорогу, взрывали скалы, заставляли горы подвинуться, уйдут на места других работ и, возможно, очень просто, как о чем-то давно сделанном и обыденном, будут рассказывать, как строили здесь.

И отважные шоферы, чьи машины проходили по трассе на шаг от края пропасти, и метростроевцы, что строили туннель на высоте три тысячи двести метров, и взрывники — все будут рассказывать об этой стройке, видимо, спокойно: ну что, мол, там было такого сложного? Не верьте тогда им, не верьте: все было не просто.

...Еще совсем недавно было Измайлово, общежитие метростроевцев. Живут в нем девять друзей-товарищей. Всем им еще не по многу лет, но все уже строили не одну станцию московского метро. И всеми уже не раз пережита торжественная минута, когда падала разрезанная ножницами ленточка и новый участок подземной дороги вступал в строй.

И вот в общежитие кто-то принес весть: в Киргизии прокладывается автодорога Фрунзе — Ош. Там в горе строится туннель. Интересно? Конечно, интересно. Но мало ли строек у нас в стране, за всеми же не угонишься!

Но на другой день пришел Сергей Комбаров и поспешно собрал ребят.

Уселся в сторонке Виктор Маслобойщиков. Что, собственно, интересного собирается рассказать Сережка? Однако Миша Дерёв уже полон внимания. Вбежал, запыхавшись, Костя Ким. И уже Саша Лабутин торопит Сергея: говори!

— Все? Так вот что,— начал Сережа.— Из Киргизии к метростроевцам обратились с просьбой помочь строить туннель. И наши едут.

«Едут!» Это слово нарушило спокойствие.

А в дверях комнаты стоял Иван Горохов. Вместе с этими же ребятами работал он совсем недавно проходчиком. Теперь закончил техникум, работает прорабом. Недавно стал коммунистом. И всех своих друзей тоном старшего называет «комсомол».

— Размечтался комсомол... Никуда вы не поедете, поговорите только о романтике — и всё.

Ребята знают, что Горохов просто завидует им, что сейчас его, быть может, с работы и не отпустят. Но рано или поздно он все равно приедет в Киргизию. По общежитию загремело:

— Едем!.. Едем!..

...И вот автобус идет в горы.

— Скоро? — спрашивает Костя. Ему хочется скорее увидеть своих друзей, что раньше его уехали на стройку.

Облака близко-близко. Так и кажется, что сейчас они присядут отдохнуть на крышу автобуса.

Мотор затихает. Приехали. Но где же поселок? Не видно ни одного дома. Кругом только снег и снег. Алеша Злобин и Костя Ким идут по глубокой тропинке. Она куда-нибудь да приведет. И точно! Вот барак. Весь, с крышей, под снегом. Открывают первую дверь. Большая комната. Посредине стол. За столом парень ест булку с колбасой, пьет чай.

Познакомились. Зовут Баобек Рысалиев. Он работает здесь взрывником.

— А где наши ребята-метростроевцы? — спрашивает Костя.

— В штольне, скоро придут... Смена кончилась, но добираться минут сорок. По крышам.

— По крышам?

— Да, почти по крышам. Бараки под снегом. Сугробы. А чего вы стоите? Садитесь, будем кушать. В столовую все равно не добраться: тоже снегом занесло. Не доберешься, пожалуй, и до магазина.

А Ким и Алеша стоят как вкопанные. Весна, а тут бараки под снегом. Снег кругом. Словно его кто-то собрал со всего света и выбросил над перевалом Тюя-Ашу.

...Пришли со смены ребята. Ого! Миша Дерёв, Виктор Маслобойщиков, Сережа Комбаров уже отпускают бороды? Их просто не узнать!

Это была настоящая мужская встреча. Никаких жалоб, крепко пожали друг другу руки и сразу о деле: как в штольне, сколько прошли за смену? Потом расстелили матрацы на полу, завернулись в теплые одеяла и стали говорить о Москве.

Утром Баобек прокричал на всю комнату:

— Вставайте! Ваша смена идет на взрыв. Хороший будет заход.

И вот парни идут по штольне. Те, кто приехал раньше, чувствуют себя проводниками.

— Смотрите, какая здесь штольня уже широкая. Словно улица Горького в Москве. А вот в этом месте, глядите, лед. Вечная мерзлота залегла. Глубокая. Так и не дошли тут до грунта. Будем вырезать этот ледничок. Когда начнем бетонировать, придется повозиться.

Миша Дерёв незаметно исчезает. Он быстро взбирается по отвесной лестнице в верхнюю штольню. Дело это для него секундное. Сноровка!

Бригадир Филипп Гарькавый уже в забое. Он не метростроевец, но давно строит туннели. Опыт большой. Есть чему у него поучиться. А в штольне шумно: работает породопогрузочная машина.

Косте Киму хочется поделиться с Сережкой первыми впечатлениями. Но сейчас это невозможно. Все за работой, все на своих местах. И он мысленно сравнивает штольню московского метрополитена и эту. Здесь всё куда сложнее.

Вот, скажем, в такие заносы подвезти хотя бы крепежный материал — одно это чего стоит! А сколько всего требует штольня! Или вот, пока доберешься от барака до места работы, немало сил

Метростроевцы в гостях у животноводов.

уже в пути потеряешь. Трудно дышать. Высота! Как-никак три тысячи двести метров.

...Ребята часто писали друзьям в Москву. Писали, что трудно, что работы еще много: ведь туннель пробивается длиною более двух километров. И все-таки метростроевцев тянуло в горы, на эту дорогу, в эту штольню.

Приехала Ольга Александровна Дебольская. Когда-то с первой тысячей московских комсомольцев пошла она проходчицей строить станцию «Охотный ряд». Теперь она уже инженер. И двое взрослых ребят ее, Володя и Марина,— строители туннеля.

Приехал наконец и Иван Михайлович Горохов. Он как-то неожиданно появился в комнате у ребят и весело крикнул свое привычное:

— Здорово, комсомол!

Это была большая радость. Его окружили, стали рассказывать одну новость за другой.

С южной стороны горы, навстречу, тоже идут проходчики. К 1 мая будущего года встречные штольни должны сойтись. Вчера было комсомольское собрание. Секретарем выбрали Алешу Злобина. На собрании решили создать комсомольско-молодежную бригаду метростроевцев. Пусть соревнуется с лучшими бригадами Гарькавого и Шелкового. А кого бригадиром? Ну, конечно, Сережу Комбарова!

...Так вот жили друзья-товарищи на новом месте. Работали, отдыхали, читали, мечтали, спорили. Сначала, казалось, было скучно. Ну что особенного: вокруг горы, и только. Но горы были все разные. Одни горы плотно закрыты снегом. А рядом — зеленые, покрытые травой и цветами. Вот на той горе растут необычайные фиолетовые ромашки. А на той можно рвать дикий зеленый лук. «Чудеса» тоже были чуть ли не каждый день. Идет снег. И вдруг оглушительные раскаты грома. Внизу жарища — лето, а в горах зима. Или вот: каждый день маленькая тучка над Тюя-Ашу была загадкой. Что принесет она сегодня: снег, ливень, град?

В воскресенье строители покидали Тюя-Ашу и уезжали вниз, в Карабалты, поплавать в бассейне, пожариться на солнце.

Однажды в середине лета природа преподнесла строителям еще один сюрприз. Пошел такой ливень, какие редко бывают в этих горах! Размыло дорогу, отрезало метростроевцев от управления в Карабалтах. С продовольствием стало туго. Оставались одни консервы. И вот строители вынесли решение: работать даже в воскресенье, чтобы зря не пропадало время. А маркшейдер Сергей Раков, как только ливень перестал, вызвался пройти через горы, чтобы доложить в управлении: «На перевале все благополучно, смены работают».

Да, каждый день, несмотря ни на что, смена сменяет смену. Каждый день штольня становится все длиннее...

...Шесть часов утра. Замолкли отбойные молотки, застыла породопогрузочная машина. В штольне непривычно тихо. Идет замéр.

— Комсомол, да вас можно поздравить...— говорит Иван Михайлович Горохов.— Один метр девять сантиметров прошли за смену. Да, это победа! Пожалуй, у лучших бригадиров не было еще таких результатов.

Передача смены похожа на эстафету. Только в эти минуты отчетливо слышны в штольне голоса и шаги. А потом начинает греметь опять породопогрузочная машина. Она заглушает все.

Ребята долго идут по штольне молча... «Случайная ли сегодня удача,— думает Сергей,— или это результаты сплоченной работы? Теперь главное, чтобы так держать».

У выхода неожиданно встречают Баобека Рысалиева. И внезапно приходит решение: сначала отправиться к скотоводам пить кумыс, а потом уже спать.

Такие экскурсии особенно любит Баобек. Он и начал водить ребят к своим землякам.

...Ночь. По дороге идет машина, режет мрак горящими фарами. Издали она напоминает огромного жука. Это какой-то запоздалый шофер, уставший крутить баранку на крутых извивах дороги, возвращается в поселок. И кажется, что в наступившей тишине еще громче говорит река. И горы как будто стали выше и ближе подвинулись к поселку. Но не все спят на Тюя-Ашу. В штольне работает смена. Люди продолжают спорить с горами.

НА БЕРЕГУ ОДЕРА

Лучшие строители Геншмара на улице палаточного городка. Слева направо: Криста Кюммер, заместитель штаб-шефа лагеря, Дитер Вендорф, Вольфганг Шрам и Херальд Фритш.

Если вы взглянете на карту Германской Демократической Республики, то на севере большого сельскохозяйственного округа Франкфурт, у голубой ленты Одера, сможете заметить точку с надписью «Геншмар». Жители округа долгое время считали, что этой деревушке фатально не везло.

Фашисты, отступая, почти полностью разрушили Геншмар. Едва успели крестьяне отстроиться, как произошло наводнение. После невиданно сильных дождей Одер прорвал дамбы и, как говорят немцы, «стал укладываться в старую кровать», то есть затопил прежнее русло, где и стоял Геншмар. Так укрепилась за Геншмаром кличка «невезучая деревня».

В один из летних дней нынешнего года у въезда в Геншмар остановилось несколько грузовиков. С них спрыгивали юноши и девушки, нагруженные рюкзаками. Нет, это не были туристы. У приезжих на рукавах защитных курточек голубели значки ФДЮ — Союза свободной немецкой молодежи. В тот же день в Геншмаре появилась Лагерштрассе — новая улица, образованная двумя рядами палаток. И, как водится по немецким обычаям, тотчас же на Лагерштрассе были разбиты клумбы с флоксами, георгинами, золотыми шарами...

Союз свободной немецкой молодежи решил выстроить новый, социалистический Геншмар. На призыв Союза откликнулись тысячи добровольцев. Лучшие из них, получив путевки комитетов ФДЮ, стали первыми жителями палаточного городка.

Недавно мне, члену экипажа одного из советских теплоходов, совершающих регулярные торговые рейсы по рекам ГДР и Польши, довелось побывать в брезентовом городке на берегу Одера.

Фриц Шэфер, представитель местных властей на социалистической стройке, подвел меня к большой карте.

— Вот он, будущий Геншмар. Прямые асфальтированные улицы, прачечная, детский сад, ясли, народная школа, Дом культуры, кафе, стадион... Кстати, насчет стадиона. Мы боялись, что с ним у нас будут хлопоты. Ведь футбольное поле должно занять часть земли, принадлежащей крестьянину-единоличнику Вегенеру и местному священнику. Однако владельцы участков сами пришли к ним в лагерь. «Мы решили отдать спортсменам эту землю,— сказали они.— Для такой молодежи, как наша, земли не жалко». А вы понимаете, что значит для крестьянина земля?

— Стройка изменяет не только крестьян,— продолжает Шэфер с улыбкой.— Вы знаете, моя фамилия Шэфер — это чабан, пастух овец. Мне казалось, что моя новая должность будет соответствовать моей фамилии. Но эти семнадцатилетние юнцы подгоняют меня, «пастуха». Замечательный народ! Вот, например, Ханнес Хюбнер. Не мешает познакомиться с ним.

Ханнес Хюбнер оказывается высоким широкоплечим подростком с девичьим овалом лица и нежным румянцем. В школе его прозвали «застенчивым Иоганном». Он не мог выступить ни на одном диспуте, до того краснел и смущался. Недавно в лагерь приезжал директор школы, чтобы проведать своего застенчивого ученика. Каково же было удивление директора, когда он узнал, что Ханнес стал самым боевым бригадиром лагеря! Здесь, в дружном коллективе, замкнутого, мечтательного подростка словно подменили — с таким пылом взялся он за труд.

Иоганн Хюбнер — бригадир молодежного лагеря Геншмар.

Лагерь Геншмар уже становится интернациональным. Здесь жили студенты из Сирии и Судана, совершавшие поездку по ГДР. Они приняли участие в строительстве.

Бурной трудовой жизнью живет Лагерштрассе—улица добровольцев. В 1961 году строительство будет закончено. И проплывающий по Одеру речник увидит яркие огни нового, социалистического Геншмара, выстроенного руками молодых немецких патриотов.

В. СМИРНОВ
Фото автора.

НОЧЬ ПЕРЕД ЮБИЛЕЕМ

Рассказ

Андрей ФЕСЕНКО

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

1

Нерча была в пяти часах езды от Москвы, поезд отходил вечером, и Петряев, получив срочное задание, прямо из редакции отправился на вокзал, предварительно позвонив жене. В «Авангарде» готовились праздновать тридцатилетие организации колхоза, в связи с этим в газету нужно было дать, как выразился главный редактор, «стержневой кусок».

Петряев уезжал в командировку на этот раз охотно, с той окрыленностью, какой не испытывал очень давно. Пока он был в пути, его не покидало предчувствие большой, радостной удачи, так не хватавшей ему в последние годы. От знакомых журналистов, бывавших в Нерче, он наслышался немало хорошего о знаменитом колхозе и его председателе — Глебе Ивановиче Рубцове.

Приехав в Нерчу и спустившись вниз, к вокзальчику, Петряев прошел вдоль забора и остановился в нерешительности. Где его искать ночью, этот «Авангард»?

В свете фонаря Петряев увидел круглолицую немолодую женщину в стеганом ватнике и сапогах, с корзинкой в руке, должно быть, тоже сошедшую с поезда. Она обошла лужицу, поравнялась с Петряевым.

— Как пройти в колхоз, к дому председателя? — спросил он ее.

— А вы кто будете? — поинтересовалась женщина.

Петряев назвался.

— А-а, которые в газетах пишут! — протянула она с некоторым разочарованием.— Пойдемте, доведу.

Женщина шагала молча, но когда вышли на освещенную фонарями улицу, вдруг заговорила:

— Значит, писать будете?

— Буду.

— Опять про колхоз да про нашего председателя? Пишите, пишите... Что ж, у нас в «Авангарде» много чего хорошего. Понастроили всего, фонари вот на улице, как в городе... Хоть ежедневно про нас пишите. Только я так скажу: будет ли все это хорошим завтра? Вот оно в чем дело, дорогой товарищ!

Они были уже у дома с закрытыми наглухо ставнями; за невысоким забором высились сараи, пристройки...

— Вот калитка,— сказала женщина.— Барабаньте в крайнее окно, да посильней.

Настойчиво и требовательно он постучался в окно, потом в дверь. В доме уже спали. Ночная оцепенелая тишина сковала все вокруг, над Нерчей будто опрокинулся гигантский закопченный котел. Петряев снова постучал и закурил в ожидании.

А тем временем, услышав стук, хозяин дома Глеб Иванович Рубцов разбудил жену, она зажгла свет и, натыкаясь спросонья на стулья, поспешила в сени.

— И кого нелегкая принесла?! — раздраженно произнес Глеб Иванович.— Утра не будет, что ли?

— Тебя спрашивают,— сказала жена, возвратясь.— Корреспондент какой-то из Москвы.

Она поспешно засунула под кровать сапоги мужа, прикрыла постель одеялом, а Глеб Иванович, окончательно поборов сон, привычным жестом надел очки и пошел открывать дверь.

Глеб Иванович, в полосатой пижаме, с гривой черных, слегка посеребренных волос, показался Петряеву похожим не на председателя колхоза, а на учителя из районного центра. Это впечатление усиливалось еще тем, что хозяин говорил на редкость правильным языком, будто читал по писаному, лишь изредка вставляя любимую фразу: «Понимаете ли, какое дело».

— Глеб Иванович, вы, наверное, Тимирязевскую академию окончили? — спросил Петряев председателя.

Хозяин многозначительно улыбнулся.

— Колхоз — моя академия,— сказал он после паузы.— Тридцать лет, понимаете ли, какое дело, руковожу им.

Петряев ожидал, что сейчас хозяин начнет рассказывать о себе, но тот, помолчав, спросил, с какой целью прибыл московский гость. Выслушав ответ, он одобрительно закивал головой, как бы давая понять, что ему по душе приезд Петряева.

— Посмотрите, посмотрите наш «Авангард»! У нас всем двери открыты, ничего не скрываем.

— Я о хорошем хочу написать,— пояснил Петряев.— Так сказать, живые приметы сегодняшней деревни.

— А вы приехали вовремя! — сказал гостю Глеб Иванович, как бы приняв для себя определенное решение.— У нас тут все уже завертелось, точно в колесе. Работаем, настроение у каждого приподнятое. Шутка ли, тридцатилетие колхоза! На праздник к нам должны приехать соседи, представители из района и области. Попразднуем, повеселимся, топнем так, чтобы запомнилось, понимаете ли, какое дело, на всю жизнь! Вот вы и увидите в эти дни живые приметы колхозной Нерчи.

Он повеселел, глаза его заблестели. В них будто притаилась невысказанная мысль, и ему хотелось, чтобы о ней догадался гость: «Вас, как газетчика, биография моя, конечно, интересует? Вот пойдете завтра осматривать хозяйство и увидите ее, точно на ладони,— в колхозных постройках, в заведенных порядках, в людях, которые встретятся».

«С башкой мужик, умен!» — одобрил Петряев и тотчас же понял, что писать надо о председателе колхоза. Сама жизнь столкнула его с таким интересным человеком, как Рубцов.

Будто угадывая замысел гостя, Глеб Иванович, позабыв о позднем часе, стал вспоминать о том, как в «Авангарде» сносили старые домики-развалюхи и ставили новые дома, как строился клуб, а прошлым летом проводили водопровод. Поговорить он, видимо, любил, говорил увлеченно, обстоятельно, с ударением на особо важных словах.

Глеб Иванович принес альбом с пожелтевшими фотографиями, на которых были сняты люди в поле, на току, в кузнице, на собрании. Приезд московского корреспондента обрадовал его, хоть он и скрывал это. Об «Авангарде» довольно часто писали в местных и центральных газетах, передавали по радио, даже в кинохронике показывали, но, ей-же-ей, не грешно будет, если о хорошем, что создано в колхозе, еще раз прочтут люди. Ведь дата-то какая — тридцатилетие!

Глеб Иванович ничего не пояснял гостю, что означают снимки, так как под ними были короткие подписи. Он стоял возле Петряева, слегка склонившись над столом, и мыслями уносился в прошлое,— так бывало всегда, когда он показывал приезжим этот заветный альбом...

2

Утром, после завтрака, Глеб Иванович знакомил Петряева с колхозом.

За домами над березовым лесом голубело такое чистое небо, так спокойно светило солнце, как оно никогда не светит над городом. Казалось, откуда-то из-за леса валом валили тепло и свет, пробуждая к жизни первую зелень на пригорках, заставляя раскрываться почки на кустах сирени вдоль заборов.

Председатель и гость прошли главной улицей мимо клуба, выкрашенного синей краской, мимо нового, желтоватого, как воск, особняка с вывеской «Сельмаг». Почти все дома были с крылечками и резными наличниками.

Они побывали в коровнике, где доярки раздаивали первотелок; зашли в свинарник, чистый и побеленный,— поросята наперебой искали розовыми пятачками соски неподвижно лежавших маток. Глеб Иванович рассказывал, пояснял, а Петряев внимательно слушал и все записывал. Приглядываясь к гостю, председатель как-то незаметно для себя пришел в отличное расположение духа. Этот немолодой, бледнолицый москвич в пальто с обвислыми плечами нравился ему.

Захваченный чувством доверия и великодушия, Глеб Иванович водил гостя от одной постройки к другой, заходил с ним в дома колхозников. Газетчик хочет посмотреть хозяйство собственными глазами? Что ж, пусть ходит, пусть смотрит, он, Рубцов, сам покажет все, что надо, и даже не утаит недостатки, чтобы у журналиста в писаниях не получился сплошной сироп...

А Петряев, входил ли в механическую мастерскую, в гараж ли, все повторял одну и ту же фразу: «Вот она, сегодняшняя деревня».

Все, что он видел, само собой группировалось в его голове, ненужное отпадало, отсеивалось, на первый план, казалось ему, выступало главное для очерка. У него даже сложились первые фразы, которые представлялись ему чертовски удачными: «Знаете ли вы колхозную Нерчу? Нет, это не окна, освещенные керосиновой лампой, не лошаденка, впряженная в борону, не мужик в домотканых портках...»

На обратном пути в контору, когда они вы-

шли на главную улицу, их обогнал на коне молодой парень в кавалерийской фуражке набекрень. Конь промчался с такой стремительностью, что Петряев едва успел прижаться к забору. Парень сидел в седле каким-то чудом, что-то кричал председателю. Глеб Иванович бросился было за всадником, потрясая в воздухе кулаками, но парень круто повернул назад. Посредине улицы конь вздыбился, загарцевал, пытаясь сбросить наземь седока.

Петряев подошел к Глебу Ивановичу. Тот тяжело дышал, был взволнован и все еще грозил парню:

— Федор, черт непутевый! Я тебя!.. Шею свернешь!

— Не сверну, он у меня шелковый станет!— крикнул всадник натужно.

Конь выгибался, становился на дыбы, каждый его мускул предельно напрягался, бунтовал против власти человека.

«Молодой укротитель!» — подумал Петряев о парне и вытащил из кармана блокнот.

Вся эта сцена: и необъезженный, бунтующий конь, и бесстрашный парень, который, казалось, скорее разобьется, чем отступится от задуманного, и гулкий топот копыт на широкой деревенской улице — все было так броско, необычно, живописно. Записать, обязательно записать: пригодится! Петряев не заметил, как спешился всадник — сам ли слез с седла или сбросил конь,— и оторвался от блокнота, когда парень уже шагал к Глебу Ивановичу.

— Ты что это, как в цирке, выкомариваешь? — строго спросил его председатель.

Парень был точно пьяный: возбужденный ездой, с горячими, озорными глазами, широко улыбался.

— Так я ж на обед ушел, Глеб Иванович! — невинно сказал он.— Проходил мимо конефермы, ну, значит, и попросил у Лукича Неистового. Я ж, клянусь, обломаю ему норов, шелковый станет!

— Та-ак... — потемнел в лице Глеб Иванович.— Неистовый, говоришь? Смотри, Федор, шелковым тебе надо стать...

Парень пожал плечами, скрывая замешательство, повел за собой коня.

— Понимаете ли, какое дело... не знаю, что за молодежь теперь пошла!—проговорил Глеб Иванович, провожая сердитым взглядом парня.

— А что такое? — спросил Петряев.

— Э-э, дури много в голове! — с досадой махнул рукой Глеб Иванович.— Плотник превосходный, столяр почти, золотые руки. Но увидит лошадей — сумасшедшим становится. Наездником, укротителем себя воображает...

В конторе Глеб Иванович заглянул в бухгалтерию, где щелкали на счетах. Петряев по привычке охватил взглядом комнату. Та хозяйская добротность, которую он видел повсюду: на фермах, в мастерских, на постройках,— чувствовалась и тут. Пол, стены, окна были выкрашены, выбелены, промыты. Открыв дверь кабинета, Глеб Иванович кратко сказал:

— Прошу к моему шалашу.

Он прошелся по кабинету, потирая руки, будто замерз. Петряев смотрел, как шагает председатель, а сам обдумывал замысел очерка, почти не слушал, спрашивал невпопад.

«Ну, кажется, получится... Председатель интересный, передовой опыт...»

Внезапно дверь кабинета приоткрылась, и кто-то спросил:

— Можно, Глеб Иванович?

В дверях стоял мужчина средних лет, в форме железнодорожника, из-за его плеча выглядывал бородатый горбоносый старик.

— А-а, Лапшин! Заходите,— пригласил Глеб Иванович.

Мужчины присели, напряженные, прямые, будто перед фотоаппаратом: помоложе снял с головы фуражку и бережно держал ее за козырек, а старик смиренно сжал колени, смотрел только на Глеба Ивановича.

— Мы по нашему делу... Помните, я приходил? — негромко заговорил железнодорожник.

Петряев в недоумении взглянул на Глеба Ивановича, как бы спрашивая, что это за люди и чего им надо. Тот едва приметно кивнул в ответ: слушай, мол, товарищ журналист, все будет понятно и наверняка тебе пригодится.

— Это и есть твой отец? — спросил он железнодорожника.

— Да, Григорь Михалыч Лапшин, пятьдесят три года,— подтвердил тот.

Глеб Иванович побарабанил пальцами по столу.

— Значит, решили все-таки к нам в «Авангард»?

— К вам, к вам! — разом сказали мужчины.

— А почему именно к нам? — быстро спросил Глеб Иванович и пристально посмотрел на Петряева, как бы говоря: «Ты слушай, корреспондент, слушай!»

— Да как же! — заговорил старик.— Дожидаючись вас, мы обошли весь «Авангард». Хорошо тут у вас. Я прежде в колхозе конюхом был, старая и дочка моя — доярки. Работать любим. Только у нас дюже худо было, больно колхозишко у нас захудалый. Вот и ушли мы из него. Работали на торфоразработках, в леспромхозе. Однако же деревенские мы, трудно нам без колхоза. Зимой, значит, к сыну перебрались. Он тут недалече от вашего «Авангарда», на станции работает. Подумали-подумали да и порешили проситься к вам. Ваш колхоз передовой, жилье даете. Словом, примите меня со старухой да с девкой.

Старик подался вперед, ожидая ответа. Глеб Иванович метнул на Петряева торжествующий взгляд, и тот прочел в его повеселевших, оживленных глазах: «Вот так-то мы живем в «Авангарде»! Видите, колхоз притягивает к себе людей, как магнит».

Петряев и это соображение занес в свою книжицу.

А Глеб Иванович задумался.

— Вот что, дорогие товарищи,— сказал он наконец.— Колхоз наш крепкий, потому что все у нас работают крепко и дисциплина крепкая.

— Да нешто мы не понимаем! — приподнялся старик с выражением готовности со всем согласиться.

— Ну, а остальное будет зависеть от решения собрания. Как люди решат, так и будет.

Старик еще несколько минут упрашивал не отказывать ему, расхваливал старуху и дочку — люди останутся довольны ими. Глеб Иванович терпеливо слушал, кивал головой, а Петряеву казалось, что председатель чем-то озабочен, даже расстроен.

После ухода мужчин Глеб Иванович долго молчал, рылся в столе с хлопотливо строгим видом, должно быть, что-то обдумывал.

— Поедете со мной во вторую бригаду—это десять километров от Нерчи — или займетесь своими делами? — спросил он несколько неожиданно.

— Поеду, мне интересно,—ответил Петряев.

По дороге к гаражу им встретилась куда-то спешившая женщина в стеганом ватнике. Глеб Иванович окликнул ее. Петряев узнал вчерашнюю попутчицу, она показалась ему моложе, чем ночью. С председателем женщина говорила сухо, неохотно, как говорят, затаив недовольство; на Петряева взглянула мельком, едва ли узнав его.

— Как съездила, Марья? — спросил ее Глеб Иванович.

— Съездила... — неопределенно сказала она.

— Муж-то как?

— А чего ему? Учится... Ему что? Это мне вот тут с детьми... Верчусь-верчусь...

— Ну-ну, потерпи, Марья,—ободряюще промолвил Глеб Иванович.— Вернется благоверный — утешишься.

Неодобрительно взглянув на председателя, она молча пошла своей дорогой.

«Ну, конечно же, из недовольных!» — подумал о ней Петряев.

Когда они сели в машину, он спросил Глеба Ивановича:

— Женщина эта... кто она?

— Да так, работает тут у нас одна,—неохотно ответил тот и заговорил о том, что колхоз уже принял от МТС два трактора, через неделю получит еще три.

Машина проскочила мосток через речушку и въехала в деревню, менее благоустроенную, чем Нерча, но все же чистую, аккуратную, тоже с новыми домами. Глеб Иванович сказал:

— Вот мы и в бригаде.

Пока ехали улицей, он молчал, казалось, забыв обо всем на свете. Потом повернулся к Петряеву и с озабоченностью заговорил, будто продолжая только что прерванную мысль:

— А женщина та — ничего, работящая, шестой месяц в колхозе, тоже из пришлых. Приемщица молока. Аккуратная, грамотная, ею все довольны. Только, как вам сказать, работает она вроде без вдохновения. Все у нее в порядке, только огонька не видно. И в чем тут дело, не пойму.

— Просто скромная труженица,— сказал Петряев.— От иных большего и нельзя требовать.

— Да, да,— задумчиво протянул Глеб Иванович.— Есть у нас в колхозе такие скромные, но ведь есть и горящие. Побольше бы горящих... Вот те, что приходили сегодня проситься в колхоз,— из каких они? Из скромных или горящих? Вот о чем я думаю...

3

Ночью, почти до рассвета, Петряев писал очерк. Пиджак был повешен на спинку стула, в пепельнице на столе росла горка из окурков. Писалось быстро и легко, как уж давно не писалось Петряеву. Он был по-настоящему счастлив в эти ночные напряженные часы. И такого радостного удовлетворения собой он тоже давно не испытывал.

Утром усталый Петряев прилег на диване и мысленно стал благодарить судьбу за эту счастливую поездку в Нерчу. Да, теперь опять заговорят о нем в редакции, знакомые будут поздравлять с удачей.

— Есть еще порох в пороховнице, есть, друзья мои! — сказал он вслух и прищелкнул пальцами.

Через несколько часов Петряев по телефону передал написанное в редакцию. Хоть и не выспался, но настроение у него было хорошее, стенографистке он бодро прокричал, как бывало в лучшую пору его журналистской деятельности:

— Вера Семеновна? Сердечный привет из Нерчи! Петряев. Приготовьтесь-ка вязать свое стенографическое кружево...

Вскоре он позвонил редактору и таким же бодрым, довольным тоном сказал, что материал, кажется, получился, можно смело печатать, чем скорей, тем лучше. Редактор ответил, что очерк понравился, будут ставить прямо в номер. Петряев, довольный, все в том же прекрасном расположении духа, пошутил, как шутил тоже в давние времена:

— Служу родной газете и редакции!

А вечером, уже в сумерках, Рубцов вместе с Петряевым встречал первых гостей, прибывших на празднества: сухощавого, с землистым лицом, представителя из Министерства сельского хозяйства и двух работников обкома партии. Гостей устроили в гостинице, в специально приготовленной комнате.

Глеб Иванович был спокоен, приветлив, не льстил, не заискивал перед «начальством», держался уверенно, с достоинством.

«Молодец! Чувствует себя хозяином»,— одобрил Петряев, радуясь тому, что оттенил именно эту черту в очерке, отправленном в газету...

Часу в девятом они опять зашли в контору: Глебу Ивановичу понадобилось отдать дополнительные распоряжения на завтра. Когда уже собрались уходить, в кабинет вошла женщина в стеганом ватнике, едва сдерживая слезы. Это была все та же ночная попутчица Петряева.

Глеб Иванович нахмурился, — видимо, появление этой женщины было совсем некстати,— но тут же принял спокойно уверенную позу и тоном, в котором слышалось снисхождение, сказал:

— А-а, Марья... Чего тебе?

Женщина попыталась было что-то сказать, но губы не слушались ее, дрожали, она поспешно провела концом платка по глазам.

Петряев в недоумении посмотрел на Глеба Ивановича.

— Ну, в чем дело, Марья?— спросил тот, почему-то избегая смотреть на Петряева.

— Да как же, Глеб Иванович! — возбужденно заговорила женщина.— Что ж получается, рассудите... Нюрка, какая-то девчонка, и та получила шестьсот рублей, а мне четыреста. Справедливо ли это?

— Да ты толком-то расскажи! — пошевелил бровями Глеб Иванович.

— Авансу дали четыреста рублей, вот и весь толк! — сказала женщина.— У меня трое детей, их кормить, одевать-обувать надо.

Глеб Иванович потер переносицу, видимо, раздумывая, что сказать в ответ.

— Ты, Марья, ведь со свекром живешь! Неужели он не помогает?

— Дождешься от него помощи, как же! Он на своей половине живет, мы на своей. У него зимой снега не выпросишь. На трудодни получил десять тысяч рублей, все на сберкнижку положил... Картошки не дает, а у меня вся вышла.

— Да неужели он такой?

— А то ж какой! Жила.

— Да-а, трудно тебе: муж на курсах, нелады со свекром,— проговорил Глеб Иванович и, вызвав в кабинет бухгалтера, попросил объяснить, в чем дело.

Тот вошел чинно, закурил, не торопясь, терпеливо принялся растолковывать женщине, что выписан только аванс, что доярки сдавали после отела молоко пониженной жирности, «нагоняя» литры. Это и сказалось на авансе: за колхозом недоучли две тысячи литров за счет снижения жирности. Но все поправится: как только закончится отел, работающие на ферме получат значительно больше, чем получили по авансу.

Женщина слушала внимательно, однако Петряеву казалось, что ничто ее не убедило, она осталась при своем мнении.

— Нюрка, какая-то девчонка, и то шестьсот получила, а я четыреста,— повторяла она.

— Муж-то ваш на каких курсах? — поинтересовался Петряев.

— На шоферских.

— Колхоз послал, платим за учебу,— сказал Глеб Иванович.— Понимаете ли, какое дело, будущей весной, может, дом дадим.

Женщина с минуту смотрела в окно, потом строго сказала:

— Ежели дадите, то, конечно, благодарность колхозу за это. Только что ж дом? Я работать несогласная. Нюрка, какая-то девчонка... Жалею, что переехала в Нерчу. Жила в Пуховке, работала в магазине продавщицей, все были мною довольны. Так нет же, уговорил муж переехать в Нерчу. Дура я непроглядная!

— Вы работали в магазине? — спросил Петряев, уже иными глазами глядя на женщину.

— Одиннадцать лет.

«Вот оно что! Легкой жизни ищет, тепленького местечка!» — решил Петряев, думая, что разгадал эту женщину.

Она стала прощаться.

— Как хотите, Глеб Иванович, а я несогласная... Уеду опять в Пуховку. Рыба ищет, где глубже...

— Ну-ну, уж и уеду! — как-то смущенно, с грубоватой строгостью пробормотал Глеб Иванович.

Женщина обернулась в дверях, печальными, полными укора глазами посмотрела на председателя.

— Да нешто моя судьба вас тревожит? Вам бы только богатство было в Нерче, а люди... Что вам люди!..

И, не договорив, она скрылась за дверью.

Глеб Иванович молчал. Петряев видел: председателю сейчас неловко, что-то сильно заботило его... Неужели этот незначительный случай с женщиной? Стоит ли из-за этого так расстраиваться?

— Легкокрылая птичка,— сказал он о женщине, желая успокоить Глеба Ивановича.

— Нет, она не такая,— покачал тот головой.

Когда возвращались домой, Глеб Иванович разговаривал неохотно, был задумчив, то снимал, то надевал очки. Что-то по-прежнему тревожило его.

Они прошли почти всю улицу и уже свернули было в переулок к дому, как Глеб Иванович вдруг схватил Петряева за рукав, указал в сторону сельмага. Там стояла машина, груженная товаром. В вышине ярко горел фонарь. Двое мужчин сгружали с кузова ящики, тюки, коробки, мешки, а женщина в ватнике помогала им. Нет, не помогала — руководила, командовала, покрикивала на мужчин строгим, повелительным голосом, и те слушались ее, делали все так, как она говорила.

— Осторожней, медведи! — кричала она. — Это ж радиоприемники, а не ведра! Стукнете — пропала вещь. А тюки, тюки своими сапожищами измазали! Варвар ты, Гришаев, тебе не в торговой сети работать, а на конюшне.

Не выдержав, она сама принялась снимать с машины вещи и носить их в помещение. Мужчины следовали за ней.

Глеб Иванович все стоял и смотрел, не подходил к машине и не уходил. Вдруг он хлопнул себя по лбу, будто ему пришла внезапная мысль, и быстро повернулся к Петряеву:

— А ведь она права! Понимаете ли, какое дело, права.

До самого дома он больше не проронил ни слова. Лишь во дворе, закрывая за Петряевым калитку, видимо, не в силах больше молчать, он сокрушенно сказал:

— Просмотрел я, выходит, человека, Марью эту самую. Понимаете ли, какое дело, Нерчу благоустраивал... Водопровод, телефон, а человека-то и не замечал. А ведь теперь надо устраивать человеческие судьбы. Вот она какая нынче первоочередная задача. Сама жизнь ее сейчас ставит на повестку дня.

По тону председателя Петряев догадался: это и было то главное, что беспокоило его теперь и чего прежде нельзя было уловить.

«Существенное соображение!» — подумал Петряев, уже понимая, что очерк его о председателе «Авангарда» без этой мысли попросту неполноценен. Опять написан «проходной» материал!

— Понимаете ли, какое дело... — заговорил Глеб Иванович.— Марью-то я только сейчас по-настоящему понял. Она заявление подавала, чтоб, значит, ее в продавцы. Ну, а мы рассудили: за теплым местечком гонится. В колхозе-то всего полгода, кто знает, что у нее на душе. Учителя назначили, хромой он, трудно ему с мальчишками... А оказывается, Марья. Да это ж ее призвание! Вон как она распоряжается! Видно, шла домой, увидела, разгружают машину, ну и не стерпело сердце.

За ужином они больше не говорили ни о Марье, ни о завтрашнем празднике.

Только поздно ночью, когда Петряев перед сном просматривал свою записную книжку, Глеб Иванович неожиданно пришел к нему.

— В жизни человека бывают такие случаи, которые служат как бы толчком для движения,— сказал он. — Я, например, понял сегодня то, чего не понимал еще вчера. Марью-то надо обязательно рекомендовать продавцом в сельмаг, иначе бабенка засохнет без любимого дела, без радости. А отчаянного Федора, который чуть не наехал на вас конем, следует перевести к Лукичу на конеферму. Он же без ума от лошадей, хоть и плотник из него неплохой. Надо уметь угадывать жилку в каждом, тогда и жить и работать сможем лучше, веселей. Вот она в чем, сегодняшняя задача «Авангарда». Завтра на празднике обязательно буду об этом говорить нашим нерчинцам.

Эта мысль, казалось, успокоила его, будто только ее и недоставало прежде Глебу Ивановичу, чтобы понять все прожитое и сделанное им за долгие-долгие годы.

После ухода Глеба Ивановича Петряев, как ни старался, не мог уснуть.

То удовлетворение, которое он испытывал днем, когда отправил очерк в редакцию, а потом ездил с председателем колхоза в МТС, угощался у конюха Григорьева, исчезло, как дым; на душе у него стало как-то муторно, нехорошо. Он был недоволен собой, очерком, узким диваном, на котором было неудобно лежать...

«А ведь я показал его без того нового качества, которое проявилось в нем сегодня!» — внезапно решил Петряев и сел на диване. Ему теперь казалось, что он нашел причину того, что вызывало в нем ощущение какой-то ошибки... Нет, очерк о председателе нельзя печатать в таком виде, это будет холостой выстрел!

Включив свет, Петряев хотел было окликнуть Глеба Ивановича, но раздумал. Он быстро подошел к телефону и стал звонить в Москву. Ему повезло: редакцию дали быстро; волнуясь, он спросил, идет ли его очерк.

— Идет, старик, идет! Железно! Гвоздь номера! — послышался энергичный голос ответственного секретаря.

— Снимите, немедленно снимите! — как можно спокойнее сказал Петряев. — Я передал вам не очерк, а сироп... В нем упущено главное... Потом объясню! Я настаиваю!

...Утром, когда Петряев умылся и повязал галстук, в комнату вошел Глеб Иванович. Был он в праздничном костюме, со звездой Героя, выбритый, причесанный, но морщины на лбу казались резче и глубже. Они внимательно посмотрели друг на друга, понимая, что означала для них прошедшая ночь.

Петряев заговорил первый:

— Ну, с праздником вас, Глеб Иванович! День-то сегодня для вас особенный.

— Для вас он тоже особенный,— мягко ответил хозяин.

— Переломный! — улыбнулся Петряев, имея в виду и председателя и себя.

— Как вы сказали? Переломный? — встрепенулся Глеб Иванович, надевая очки и вглядываясь в Петряева так, будто только теперь увидел его.

После завтрака председатель и гость вышли из дома и направились в контору.

«Все-таки это очень хорошо, что в нашей жизни бывают такие переломные ночи, как у меня и Глеба Ивановича»,— думал Петряев, шагая неторопливо и уверенно.

За Нерчей, над березами, голубело чистое, волнующее, свежее небо.

Франс Гальс. 1580—1666. МУЛАТ.

Никола Ланкре. 1690—1743. ТАНЕЦ У ФОНТАНА.

КАРТИНЫ ИЗ МУЗЕЕВ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Широкое, грубоватое лицо простолюдина, обветренное и обожженное солнцем, запрокинутая от безудержного смеха голова. В глазах оттенок грусти, усталость. Рваная шапка на голове, растрепанные волосы, жиденькая бородка... Сильные плечи опустились от тяжести жизненного груза, легшего на них, от забот и нужды, но, несмотря на это, они, кажется, вздрагивают от хохота.

Таков «Мулат» Франса Гальса, прозванный так за смуглый цвет кожи,— один из завсегдатаев гарлемских кабачков, куда часто наведывался и сам художник. Он не раз писал веселых, бесшабашных гуляк.

Франс Гальс, старший современник Рембрандта, был, как и он, не понят в свое время. И только позже оценили по заслугам его блестящее дарование. Никто в живописи не умел так передать смех, как Франс Гальс. Редко кому удавалось так верно подметить и запечатлеть мимолетное, изменяющееся выражение лица, радость и оживление. Искрящиеся весельем и смехом картины его пленяют великолепными живописными достоинствами.

«Мулат» — одна из поздних работ Франса Гальса и, несомненно, одна из лучших.

Портрет Герарда Фолька — одно из ранних произведений Лукаса Кранаха-старшего. Художник написал его в то время, когда находился под сильным благотворным влиянием великого немецкого художника Альбрехта Дюрера. Этот портрет, небольшой по размерам, отличается глубиной психологической характеристики, гармонией строгих и благородных линий. Он очень красив и сдержан по цвету. Знаменитый и признанный современниками мастер создал образ человека богатой внутренней жизни, прекрасного не только своими физическими, но и духовными качествами.

Превосходным образцом творчества Ланкре является картина «Танец у фонтана». Молодость, красота, любовь и счастье — вот основное содержание всех картин Никола Ланкре — типичного представителя стиля рококо в искусстве, виртуозного мастера бездумных галантных сцен.

Натюрморт Франса Снайдерса «Лавка дичи» поражает своими живописными достоинствами. Тяжелый стол ломится от всевозможной дичи. Кажется, здесь все, что дарит природа Фландрии. Художник прославляет богатство и довольство своей страны.

Дружба и сотрудничество с Рубенсом не могли пройти бесследно для Снайдерса. Обилие даров земли и земные радости — вот что явилось главным содержанием его творчества. Фигуры людей в натюрмортах Снайдерса часто писали Ван Дейк и Рубенс. Возможно, и две выразительные фигуры в «Лавке дичи» написаны при их участии.

Все эти картины были спасены советскими войсками во время боев на территории Германии и по решению Советского правительства переданы ГДР.

А. АБРАМОВА

Лукас Кранах. 1472—1553. ГЕРАРД ФОЛЬК.

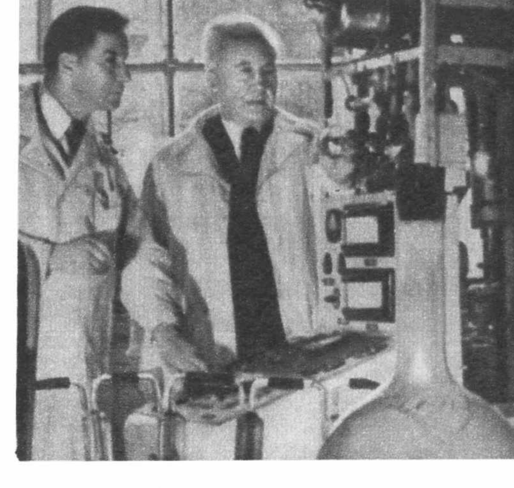
Франс Снайдерс. 1579—1657. ЛАВКА ДИЧИ.

Интервью «Огонька»

ХИМИЧЕСКИЙ ЭЛИКСИР

Профессор
Н. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Рисунки Л. и Ю. **ЧЕРЕПАНОВЫХ.**

Заслуженный деятель науки и техники РСФСР профессор Н. А. Преображенский (справа) и кандидат химических наук Г. И. Самохвалов в лаборатории.
Фото Ф. Короткевича.

Самая сложная лаборатория в мире — это человеческий организм. В нем происходит одновременно бесконечное количество химических процессов, и если нарушится хотя бы один из них, то наступает болезнь.

Исследователи установили, что направляют, регулируют, ускоряют эти процессы особые «помощники» — ферменты. Пища лежала бы мертвым грузом, если бы тысячи разных ферментов не ускоряли ее превращения. Без этих трудолюбивых «посредников» мы не могли бы использовать даже воздух.

В чем же заключается сущность деятельности ферментов?

Ферменты, как известно, содержат белковые молекулы, которые составляют основу всех тканей нашего организма. Но белкам этим необходимы для «работы» вещества другого типа, которые в большинстве случаев не синтезируются в человеческом организме и должны поступать с пищей извне. Этими веществами являются витамины.

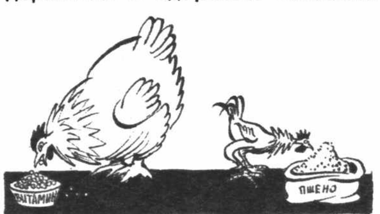
Количество витаминов, потребляемых человеком в течение жизни, измеряется не тоннами, как белки, углеводы и жиры, а всего лишь граммами, но без этих граммов человек не может существовать. Без витаминов не образуются ферменты, а следовательно, задерживаются все реакции, протекающие в организме, нарушается обмен веществ, возникают тяжелые заболевания: цинга, полиневрит, расстройство нервной системы, пелагра, рахит и другие.

До последнего времени главным поставщиком витаминов были растения, а также рыбы и некоторые морские животные. Необходимо засеивать огромные площади земли различными культурами, чтобы добыть незначительное количество витаминов. Китобоям флотилии «Слава» и «Алеут» приходится вылавливать множество китов, чтобы из печени этих морских гигантов получить несколько килограммов витаминов.

Огромная, все возрастающая нужда в витаминах заставила настойчиво искать новые пути их получения, новые источники сырья. За витаминами стали «охотиться» и химики. Но не на плантациях шиповника, не во фруктовых садах, собирая черную смородину, и не в океане, вылавливая рыб и китов, а у себя в лаборатории, синтезируя эти соединения путем сложных превращений простых и доступных химических веществ.

Трудно представить себе, какую гигантскую скрупулезную работу пришлось провести исследователям. Прежде всего надо было выделить витамины в чистом виде из растений и животных, установить их химическое строение, изучить особенности их «поведения». Потом нужно было решить не менее сложную задачу — получить их искусственно из химических веществ.

Один из важнейших витаминов — витамин А, который часто называют витамином роста,— поддерживает в здорозом состоянии

кожные покровы, слизистые оболочки и зрительные процессы глаз. Его получали из печени китов, моркови и тыквы, перерабатывая при этом громадное количество этих ценных пищевых продуктов.

Во Всесоюзном научно-исследовательском витаминном институте группой сотрудников разработан производственный синтез витамина А из ацетилена, того самого ацетилена, из которого получают пластические массы, искусственное волокно для производства тканей и многое другое.

Синтетически получается и каротин — красящее вещество, содержащееся в тыкве, репе, помидорах и обладающее свойствами витамина А. Постепенно он полностью вытеснит из пищевой промышленности вредные анилиновые красители.

Недавно в институте закончен синтез витамина, уменьшающего проницаемость и ломкость капилляров,—рутина. До последнего времени этот витамин добывался из гречихи.

Большой интерес представляют работы по синтезу жиров. Некоторые из них тоже обладают витаминными свойствами. Сюда относятся в первую очередь растительные масла, например, льняное, подсолнечное, абрикосовое и другие. В этих маслах содержится много веществ, недостаток которых в продуктах питания приводит к болезням кожи, нарушению нормальной работы печени, почек и других органов.

Пантотеновая кислота — от греческого слова «пантос» — вездесущий — так называется «птичий витамин», особенно полезный птицам и животным. Потребляя пищу, богатую им, они быстро прибавляют в весе.

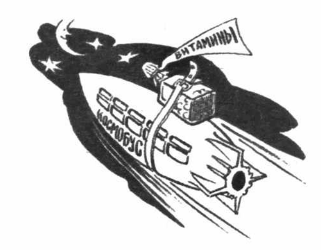
Чтобы добыть всего 1 грамм пантотеновой кислоты, необходимо было переработать 100 килограммов бычьей или бараньей печени. Сейчас сотрудники института разработали способ получения этой кислоты синтетическим путем из дешевого химического сырья. Исследования биологов показали, что пантотеновая кислота уменьшает возможность осложнений при лечении антибиотиками, она применяется и при лечении лучевой болезни. Этому «вездесущему» препарату принадлежит большое будущее.

Вероятно, многие знают о замечательном действии витамина B_1 при различных нервных заболеваниях. Чтобы добыть несколько граммов этого витамина, нужно было переработать тонны зерна, а сейчас химики получают его из очень простого вещества — окиси этилена.

Широко распространен в природе витамин С (аскорбиновая кислота). Он содержится в лимонах, черной смородине, шиповнике и других плодах и ягодах, в хвое, в квашеной капусте. Но огромны и потребности в нем. Чтобы удовлетворить их, пришлось бы разводить огромные плантации шиповника, перерабатывать тонны капусты, хвои...

Наши витаминные заводы и этот витамин получают синтетически—из глюкозы—и выпускают в год сотни тонн. Белоснежный, приятный, кисленький порошок очень необходим человеку. Принимая его, можно предупредить ранний склероз. Потребность в витамине С резко возрастает при большой физической и умственной нагрузке. В нем остро нуждаются и ученые, и спортсмены, и больные, и здоровые.

Недостаток в человеческом организме витамина К приводит к нарушению свертываемости крови. Ученые нашли, что роль витамина К в организме полностью выполняет простое синтетическое вещество — бетаметилнафтохинон. Он действует сильнее и луч-

ше, чем природный витамин К, который с большим трудом можно выделить из печени рыб, из листьев шпината и других овощей.

Некоторые думают, что витамины надо принимать только больным. Это неправильно. Недостаток витаминов и у здоровых людей вызывает неприятные явления: утомляемость, пониженную работоспособность, ухудшение зрения, излишнюю нервозность. Человеку необходимы все витамины, правда, в небольших и разных количествах.

Но не всегда пищевые продукты, ежедневно появляющиеся на нашем столе, содержат их. Например, в ржаном хлебе много витамина B_1, а в белом его нет. Очень мало витаминов в очищенных крупах — в перловой, рисе, пшене. Часть витаминов разрушается при варке фруктов и овощей. Недостаток их дополняют витамины в чистом виде. Их не только принимают в виде растворов, таблеток, порошков, но и кладут в пищу. Так делают в некоторых яслях, детских домах, диетических столовых. Можно думать, что в недалеком будущем в любом продовольственном магазине можно будет купить обогащенные витаминами хлеб, колбасу, молоко, масло. Синтетических витаминов для этой цели достаточно!

К концу 1965 года производство витаминов—этих химических эликсиров жизни— увеличится в нашей стране в шесть—семь раз, при этом большая часть их будет вырабатываться синтетически. И может быть, человек, отправляясь в первый космический рейс, возьмет с собой как самое важное и нужное ему в межзвездном полете запас витаминов, созданных в лабораториях химиков.

ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Владимир КРУПИН

Фото автора.

В этом краю старики говорили: «Когда творец создавал мир, он дал людям много земли и много солнца, а воду — забыл».

Серебристо-голубые островки полыни пестреют на ржавом, коегде припорошенном солью песчаном поле. Так выглядит окраина Элисты, столицы Калмыцкой автономной республики. «Элиста» в переводе на русский — «песчаный».

Депутат Верховного Совета СССР старший чабан А. Д. Кичикова принимает избирателей.

Песок, соль, полынь... Едешь по степи час — другой, и кажется, что не будет ни конца, ни края этой неприветливой полупустыне. Но вдруг на горизонте возникают какие-то движущиеся точки. Они растут с каждой секундой, и скоро рядом с машиной раздается дробный стук копыт. Это сайгаки. Огромное стадо настигает газик, хотя стрелка спидометра показывает скорость 60 километров. Потом животные делают рывок и стремительно пересекают дорогу.

И опять тянется безжизненная сага — твердое и гладкое, как полированный гранит, поле.

Песок, соль, полынь... Такова здешняя степь.

Но с кем бы ни пришлось вам повстречаться в Калмыкии, всякий обязательно заговорит о воде. Вода здесь — это жизнь...

В кабинете секретаря обкома партии Н. И. Жезлова висит небольшая карта, испещренная голубыми, зелеными, красными линиями, сплошными и прерывистыми. Это карта наступления на пески.

— Вода придет в степь с трех сторон,— показывает Жезлов.— Северо-западные районы республики оросит Сарпинская обводнительная система. Тут мы развернем огороды для Сталинграда. Воды Кумы и Маныча образуют Чограйское водохранилище на юге. На северо-востоке протянется стокилометровый Оля-Каспийский канал. Только в нынешнем году республика получила 40 миллионов рублей на орошение и обводнение.

— Учтите еще и местную инициативу,— вступает в разговор Э. А. Сангаев, председатель облисполкома.— У нас есть поговорка: «Жизнь начинается с колодца». Сейчас в степи строятся сотни колодцев. А пруды? Это тоже очаги жизни. Еще три — четыре года назад в Четвертом совхозе случалось, скот погибал от безводья. Теперь там тринадцать прудов. Это и овец спасло и позволило заняться разведением рыбы, уток. А наш элистинский пруд не видели? Обязательно поезжайте туда.

Старый рыбак Боро Гирдыков.

Едем. Еще издали в жаркий поток суховея вливается струя прохладного ветерка. Что-то неуловимое напоминает о море, о ласковом бризе. Что это? Неужели запах цветов? Не веря неожиданному ощущению, я вопросительно посмотрел на своего попутчика.

Он улыбнулся.

— Да, да. Розы. Самые обыкновенные розы.

И вот мы ходим по молодому саду на берегу водоема. Яблони, сливы, груши, виноград, розы. Ничего этого не знала раньше калмыцкая степь.

А сегодня «очаги жизни» возникают в степи на каждом шагу.

Дорога на Черные земли — это те же пески — сага. Сагу сменяют сыпучие барханы. Но вот повеяло едва уловимой прохладой. Показались веселые белые домики, зелень молодых деревьев. Это поселок Комсомольский — центр Черноземельского района. Дети, родившиеся здесь, только что пошли в детский сад. В юном поселке много новых зданий, встали корпуса больничного городка, кинотеатр, в парке тянутся ввысь сотни деревьев. Сюда пришла вода, и с каждым днем все более преображаются Черные земли.

Вернувшись в родные места, калмыки — скотоводы и хлеборобы, рыбаки и ученые, строители и писатели — горячо и страстно взялись за хлопотливое, но благодарное дело преобразования сухих степей.

Поселок Каспийский когда-то стоял на берегу моря. Оно отступило. Но поселок не остался без воды. Рыбацкие суда уходят в море по вырытому каналу. Даже суховей работает здесь на человека: он вращает лопасти многочисленных ветряков. Это не мельницы, а насосы. Они гонят воду на огороды поселка по деревянным и железным желобам разветвленной оросительной системы.

— Земля наша все родит. Только люби ее, заботься о ней,— говорил мне старый каспийский рыбак Боро Гирдыков, богатырь с лицом, словно отлитым из бронзы. Негромкий скрип ветряка вторил его размеренной речи.— Труд рождает счастье. Любишь землю — трудись, будешь счастливым.

Старый Боро говорил о земле, хотя добрых полвека провел в море. Ветер парусом надувал его рубаху с белыми пятнами соли на спине, шевелил серебристые волосы на висках. Боро смотрел вдаль чуть затуманенными глазами.

— Так много еще надо сделать, а годы уж не те. Вся надежда на молодежь. Как вернулся я домой, взялся обучать четырнадцать парней. Показываю им лучшие места, учу брать рыбу. Хочу, чтобы скорей к морю привыкли, чтоб полюбили море...

Юные калмыки энергично берутся за дело: роют колодцы, сажают деревья, строят чабанские домики. Комсомольцы — шефы каракулеводства в республике. К сорокалетию ВЛКСМ они готовят свой подарок — 100 тысяч каракулевых шкурок.

На полях сарпинского колхоза «Гигант». По таким железным желобам бежит живительная влага к посевам.

Скотоводство — традиционное занятие калмыков. Местная порода крупного рогатого скота дает знаменитое «мраморное мясо», богатое белками, с тонкими прожилками жира.

Пастух в здешних степях — ведущая профессия. Не случайно чабан совхоза «Лиманный» Александра Дохоновна Кичикова избрана депутатом Верховного Совета СССР.

Александра Дохоновна встретила нас не в степи, рядом с отарой овец, а в конторе совхоза. Она принимала избирателей. С чем же идут они к своему депутату?

Молодой гуртоправ Мигмир Годгаев просит о ссуде на строительство дома. Председатель Чилгирского поселкового совета Марфа Ходжгорова беспокоится о кирпиче, лесе, цементе для застройщиков.

Если в одном только Чилгире из семисот семей каждая четвертая возводит новый дом, то можно представить себе, каков размах строительства во всей Калмыкии.

...На улице, которая ведет с аэродрома в центр Элисты, сверкают на солнце новые, светлые дома. Это улица Юрия Клыкова. А на других перекрестках висят таблички с именами Владимира Косиева, Тамары Хахлыновой. Те же фамилии и на белом камне памятника, в городском парке... Видно, дороги они калмыцкому народу!

В третий раз эти имена я услышал в Институте языка, истории и литературы на заседании ученого совета. Речь шла о празднике: в республике готовятся к выборам в Верховный Совет Калмыцкой АССР — 19 октября.

Филологи и фольклористы говорили о новом издании калмыцкого героического эпоса «Джан-

Желание

Давид КУГУЛЬТИНОВ

Если бы владел я силой небывалой,
Я один бы глыбы подымал, пожалуй;
Я возвел бы зданья сам в краях родных,
Дорогих сограждан поселил бы в них!

Я б хотел весною в ливне светлоликом,
Паводком веселым в степь идти к калмыкам,—
Напоил бы землю влагою живой,
Застелил бы землю пышною травой!

И, стремясь душою к заповедной цели,
Я б хотел, чтоб травы с ветром шелестели,
Чтоб отар овечьих степь была полна,
Чтоб она сияла снежностью руна.

Знаю, что желаньем радостным, горячим,
Весь мой край калмыцкий в эти дни охвачен,
Знаю, что народ мой в милой стороне
Все исполнит скоро, что мечталось мне.

Перевел с калмыцкого
Александр ГОЛЕМБА.

гар». Историки обсуждали сборник, рассказывающий о воинских подвигах калмыков в Полтавской битве, в Отечественной войне 1812 года, в гражданской войне.

Зашел разговор и о недавнем прошлом... Вспомнился грозный 1942 год, когда фашисты прорвали фронт под Ростовом и хлынули черной ордой в калмыцкие степи. Тогда, в суровый час испытаний, лучшие сыны и дочери калмыцкого народа ушли в подполье. Студентка Тамара Хахлынова, школьники Владимир Косиев и Юрий Клыков стали партизанами.

Отряд «Гром», в котором воевал Юрий Клыков, действовал в тех самых местах, где сегодня молодежь осваивает Черные земли. Командовал отрядом офицер Советской Армии Илья Григорьевич Гермашев, комиссаром был Бадма Адучиев.

Большой урон нанесли захватчикам народные мстители. Накануне 25-й годовщины Октября, обнаружив фашистскую разведку, партизаны навязали врагу бой. Из двадцати восьми гитлеровцев семнадцать было уничтожено.

Но вскоре предатель навел врага на след партизан. Ночью пятнадцать немецких автомашин с солдатами окружили отряд в открытой степи. Многие партизаны попали в плен.

Юрия Клыкова допрашивал шеф гестапо Доля.

— Скажешь, через кого держала связь с красными, — получишь награду. Не скажешь — расстреляем!

Семнадцатилетний паренек молчал.

Партизан выводили на расстрел, ставили около ямы. Солдаты целились долго.

— Ну, кто хочет еще жить? — спрашивал шеф гестапо и в ответ на молчание подавал команду: — Пли!

Но после залпа никто не падал, хотя пули попадали в цель. Так уж была задумана эта изощренная пытка: ранить в руку, ногу, плечо, но не убить. И опять начинался изуверский допрос.

Юрий Клыков смотрел на товарищей, и сердце, сжатое предсмертной тоской, начинало биться спокойнее. Все были здесь — и Бадма Адучиев, и Петр Петруцкий, и Мария Василенко. Калмык, русский, украинка стояли в одном ряду, истерзанные, изувеченные, со связанными руками, но не склонившие головы, не потерявшие веры в победу!

Очередного допроса Юрий не выдержал. Он плюнул в лицо гестаповцу и, разбежавшись, ударился головой об угол каменной стены...

Тамара Хахлынова и Володя Косиев сражались в другом отряде, которым командовал П. Н. Яковлев.

Володя был в отряде разведчиком, Тамара — медсестрой. И оба были снайперами. Десятки фашистов полегли под пулями юных партизан.

Наступили морозы, не хватало хлеба, воды, но отряд действовал. Обозленные частыми налетами партизан, оккупанты создали специальную карательную группу. В ста километрах к северу от Элисты пошедший на разведку Косиев был неожиданно схвачен. В ожесточенном бою, который длился шесть часов, отряд был окружен.

На каждое предложение сдаться в плен Тамара отвечала выстрелом. Десять фашистов сразила она из своей винтовки, а когда кончились патроны, прикладом раздробила голову подбежавшему офицеру. И тут же девушку скосила автоматная очередь.

Труп Т. Хахлыновой привезли во двор гестапо. Каждый фашист, проходивший мимо, стрелял в безжизненное тело героини.

— Кто она? — допрашивал немецкий обер-лейтенант Володю Косиева.

— Дочь своего народа!

Истощенного голодом и пытками мальчика гитлеровцы свалили на пол, топтали ногами...

Когда Элисту освободили, тела героев калмыцкого подполья были извлечены из ямы близ аэродрома и похоронены с воинскими почестями. Ныне над братской могилой в городском парке высится обелиск.

В постановлении Калмыцкого обкома партии от 2 марта 1943 года говорилось: «Партизанские отряды, созданные на территории республики, нанесли своими действиями существенный ущерб оккупантам. Уничтожено 300 фашистских солдат и офицеров... В боях отличились отряды Гермашева и Адучиева, Яковлева... бойцы Хахлынова, Косиев, Клыков...»

Обо всем этом скоро расскажут поэты и писатели республики. Подвиги славных партизан, чья кровь скрепила навеки дружбу калмыков и русских, навсегда сохранятся в памяти советского народа.

Партизанка Тамара Хахлынова.

...Вместе с писателем Аксеном Сусеевым поздней ночью мы возвращались из поездки по степям Калмыкии. В темноте вырос силуэт колодца.

— Остановимся! — предложил Сусеев.

Величественную тишину южной ночи нарушало только нежное журчание воды, бежавшей из трубы артезианской скважины. В стороне темнели строения.

— В здешних краях воевали партизаны. Эта деревня называется Нарын-Худук — «солнечный колодец», — сказал Сусеев.

— Почему «солнечный»? — спросил я.

— А вот поглядите.— Аксен поднес зажженную спичку к воде. Ее пенистая поверхность неожиданно вспыхнула. Голубые, желтые, красные языки пламени пробежали по желобу вслед за пеной, съели ее и погасли.

— Сероводород. Тут курорт строить можно, свою Мацесту.— Он снова зажег спичку и, глядя на заплясавший по воде огонь, задумчиво добавил: — И, может быть, санаторий назовут именем Тамары...

Пастух, у которого мы заночевали, разбудил нас на рассвете.

На столе уже дымился «дутур» — сваренная в соленой воде баранья требуха. Хозяин заправлял солью и маслом зеленый калмыцкий чай — этот, пожалуй, единственный напиток, которым можно по-настоящему утолить жажду в жаркой степи.

— Кушайте... Мясо есть. Будет еще больше. Урожай нынче богатый. Никогда прежде калмыки хлеба не собирали. А нынче, говорят люди, только десять миллионов пудов государству продали. Сена и кукурузы на три года вперед запасли. Кушайте еще, мясо будет.— Он говорил неторопливо, уверенно, улыбаясь, как человек, который спокоен за завтрашний день.

Весь остаток пути Аксен Сусеев молчал, полузакрыв глаза. Он непрестанно шевелил губами, видимо, что-то сочиняя. Я не мешал ему, думая о том, что видел: о людях, о воде, о том скачке вперед, который должна сделать республика после такого щедрого лета, обильного и хлебом, и кукурузой, и рыбой, и дождями. И — странно! — степь, по-прежнему полыхавшая зноем, не казалась больше безжизненной и безлюдной.

В Элисте Сусеев протянул мне листок. Это были стихи, навеянные степью, ветром и встречами с людьми. Они звучали примерно так:

Счастье, на крыльях могучих
Мчись, с суховеями споря!
Песни о радости жизни,
Громче над степью звените!
Новая радость Калмыкии
Глубже Каспийского моря.
Новое счастье Калмыкии
Выше солнца в зените.

ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКОВ

Залив на острове Сямынь.

Алексей **КОЖИН**

Остров Сямынь (Амой), где проходит передний край Фуцзяньского фронта, почти вплотную примыкает к китайскому материку.

От восточного берега Сямыня до острова Цзиньмынь, захваченного гоминдановцами, как говорят, рукой подать — всего несколько километров. Пролив, разделяющий их, с высокой горы Сямыня кажется узкой, покрытой рябью волн полоской. На рыбачьей лодке это расстояние без особого труда можно бы преодолеть за час, не больше. Но на чанкайшистских картах это пространство воды расчерчено квадратиками, и каждый квадрат взят на прицел вражескими артиллеристами и пулеметчиками. У самого острова покачиваются на воде плавучие мины, а на берегу его — минные поля, колючая проволока в несколько рядов, сторожевые посты, дозоры...

И все же вот передо мной человек, который вместе с четырьмя товарищами сумел пробраться в это логово врага. Он рассказывает о том, как это было.

Зовут его Чжи Жуй-сюань. Он молод, физически крепок, красив. С первых минут общения с ним вас охватывает обаяние жизнерадостной юности, жаждущей подвига.

Воинское звание Чжи Жуй-сюаня — лейтенант, должность — командир взвода разведки. У него есть жена и маленький сынишка по имени Фу-сунь. Фу — значит счастье.

Семья лейтенанта жила далеко от Сямыня, в Шаньдуне. Там не рвутся снаряды, как в Сямыне. Но тоска по мужу была столь велика, что молодая женщина перебралась с сыном на этот беспокойный остров и поселилась в маленьком домике, укрытом за высокими скалами.

Лейтенант очень любит сынишку и жену, но редко бывает с ними. Побыв дома 2—3 дня, он просит жену завернуть пару свежего белья в простое солдатское одеяло. Лейтенант берет этот маленький, перевязанный ремешком сверток и переступает порог домика. Когда Чжи скрывается за уступом скалы, жена становится задумчивой, молчаливой.

Так было и в этот раз.

К вечеру Чжи Жуй-сюань и его товарищи вышли на исходный рубеж. На каменистом берегу их ждал знакомый рыбак Хун Шун-ли. Неделю назад Хун Шун-ли встретил лейтенанта в условленном месте и вручил ему пакет из райкома партии. Райком сообщал, что командиру отряда ополченцев с острова Сяодэн — Хун Шун-ли дано боевое задание доставить разведчиков к Цзиньмыньдао.

В течение недели, что прошла с тех пор, рыбак в сумерках выходил с разведчиками в море, учил их рыбацким приемам и повадкам, вместе с ними вел наблюдение за противником.

...За каменными уступами берега безветренно, тихо, но рядом яростно бьют о камни пенистые волны прибоя. Шум волн мешает говорить, да и сказать, собственно, осталось немного.

Разведчиков провожает седой генерал. Он внимательно наблюдает за тем, как переодеваются они в простых рыбаков. В движениях — ни суетливости, ни нарочитой сдержанности. Только блеск глаз выдает нарастающее напряжение.

— Все готово! — доложил лейтенант.

— Ну, что же, в путь,— сказал генерал.— Как вернетесь, сразу ко мне.

Лодка отчалила с полуподнятым парусом. Не следует спешить, пока совсем не стемнело. Четверо сидят на веслах, лейтенант — на носу, на корме у руля — ополченец Хун Шун-ли.

Сначала он направляет лодку вдоль берега, потом все больше удаляется от него. Двое делают вид, будто бросают в воду перемет.

Поодаль — еще одна лодка, со второй группой разведчиков. Разведка будет вестись в двух местах.

Сумерки быстро сменяются темнотой ночи. Восточный берег Сямыня еще чуть вырисовывается в отсвете огней, горящих на его западном берегу, но Цзиньмыньдао уже не виден. Не меняя курса, лодка идет теперь под полным парусом прямо на восток.

Лейтенант не видит молодого рыбака, но мысленно представляет себе сосредоточенное выражение его лица. Ведь от него зависит теперь очень многое. В кромешной тьме надо вывести лодку так, чтобы остановить ее прямо против местечка Тунитоу, где немало подводных камней и опасных отмелей, но зато есть торчащая над водой небольшая скала, за которой можно укрыть лодку, а напротив на берегу — проходы через минные поля. Здесь, как заметили разведчики, вражеские солдаты иногда спускаются к морю.

Наконец рыбак поднял руль, чтобы его не сорвало подводными камнями, опустил в воду длинный бамбуковый шест и упирается им о каменистое дно. Парус спущен, весла на борту. Лейтенант смотрит на светящийся циферблат часов. Пора!

Разведчики остаются в черных трусах и майках, на головах прорезиненные шлемы, на ногах, чтобы не порезать их, такие же тапочки. За спиной у каждого густо смазанный автомат, обернутые в промасленную ткань диски, по две гранаты, карманный фонарь, нож. У Чжи Жуй-сюаня еще пистолет, патроны к нему, ракетница, ножницы.

Бесшумно, все разом, пятеро опускаются в воду. Чжи Жуй-сюань успевает ощутить прикосновение чьей-то руки. Над ним склонился рыбак, обдавая лицо теплым прерывистым дыханием.

— Тучи густые,— шепчет он,— луны долго не будет. Хорошо.

Вода сжала разгоряченное тело колкой прохладой и сразу втянула его в ритм невидимых волн. Лейтенант поплыл первым. Поплыл не спеша, экономя силы. Остальные плыли за ним клином, соединившись друг с другом тонким шнурком, чтобы не потеряться. Тяжесть за спиной сковывала движения, мешала дышать.

Кто-то дернул за шнурок, привязанный к запястью правой руки лейтенанта. Он задержался и оказался рядом с Лань Хунь-кунем. Не в пример другим разведчикам, это был худенький, низкорослый боец, почти мальчик. Одно время лейтенант колебался: брать ли такого в разведку? Лань Хунь-кун написал несколько рапортов, кончавшихся одними и теми же словами: «Чанкайшисты замучили моего отца, мать, а теперь убивают мирных людей на Сямыне. Очень

На снимках (слева направо):

Ополченцы острова Сямынь на занятиях по боевой подготовке.

Катера военно-морского флота НОА, которые потопили вражеский корабль «Цзянцзыхао».

В воздушном бою над приморским районом восточного Гуандуна летчики НОА сбили и повредили три вражеских самолета. На снимке один из участников этого боя, летчик Чжан Илинь.

В окопах на острове Сямынь.

Артиллеристы НОА на Сямыне ведут огонь по Цзиньмыньдао.

Фото агентства Синьхуа.

прошу: возьмите меня в разведку».

Чжи Жуй-сюань вспомнил тогда своего отца. Вспомнил, как он стоял на берегу скованного льдом помещичьего пруда. На пруду была прорубь. Маленький братишка Чжи Жуй-сюаня, играя, бросил в пруд камень. Рассвирепевший помещик потребовал, чтобы мальчик опустился в прорубь и достал камень. Отец, прижав к груди костлявые, дрожащие, темные от крестьянского труда руки, умолял помещика простить ребенка. Но все напрасно. Не тронули помещика и слезы брата. Тогда отец разделся и сам полез в прорубь. Через два дня он умер от воспаления легких...

Лейтенант слышит рядом хриплое дыхание Лань Хунь-куня, его прерывающиеся слова:

— Товарищ... лейтенант... не беспокойтесь... Доплыву...

Плыли около часа. И вот под ногами илистое дно, путаница скользких водорослей, камни. На берегу укрылись за валуном. Песок был мокрый, значит, начался отлив, значит, обратный путь по суше удлинится.

Совсем рядом темнеет возвышение берега с еле видимыми очертаниями верхнего края, за которым должна быть траншея, вырытая в липком суглинке. Да, здесь ненавистное прошлое совсем рядом; оно как бы всплыло теперь из тьмы навсегда ушедших времен, угрожающе вздыбилось над головами пяти смельчаков, пришедших помериться с ним силой.

Странно и чуждо звучали вверху невнятные голоса. Ближе слышались, то затихая, то усиливаясь, неторопливые шаги — шаги часового. Издали долетал шум моторов, лязг гусениц — должно быть, шли тягачи. Все эти звуки, казалось, пронизывали мозг — так обострился слух, напряглось внимание.

Лейтенант шепотом приказал троим оставаться на месте, а четвертому — Лю Кэ-ляну — ползти вместе с ним вперед: надо было точно определить подходы к траншее, прорезать ходы в колючей проволоке. На это ушло с полчаса. А едва они возвратились, как западнее, метрах в восьмистах от притаившейся группы, тишину вспороли автоматные и пулеметные очереди, затем винтовочные выстрелы.

Чжи Жуй-сюань взглянул на часы и понял: вторая группа разведчиков обнаружена врагом и, должно быть, с боем отходит к морю.

Сияние далеких осветительных ракет помогло увидеть густые заросли травы перед самым подъемом на береговую кручу. Трава вовремя укрыла бойцов. Теперь ракеты загорались и вблизи, роняя в море огненные капли. Вверху послышались крики, топот тяжелых солдатских башмаков. В лучах прожекторов, казалось, задымилось море, а ближе, совсем рядом, прошелся луч карманного фонаря и кто-то неуверенно прокричал:

— Коммунисты, выходи!

И столько в этом крике было робости, что все поняли: их не видят, но боятся...

Так пролежали они больше двух часов, не шелохнувшись, не проронив ни слова.

Улеглась суматоха, погасли прожекторы, стихли шаги солдат, покидавших занятые было по тревоге позиции.

Теперь надо действовать молниеносно. Все пятеро взобрались на самый высокий выступ, но дальше был отвесный обрыв. Тогда двое встали рядом, пригнулись, уперлись в обрыв руками. Третий взобрался на них, четвертый — ему на плечи.

Четвертым был Лань Хунь-кунь, самый легкий в группе. «Доплыву!» — вспомнил лейтенант его задыхающийся голос.

Через несколько секунд сверху свесилась веревка, и, ухватившись за ее конец, лейтенант почувствовал, как Лань Хунь-кунь два раза легонько потянул веревку вверх — условный сигнал: поднимайтесь!

Лань Хунь-кунь остался на краю обрыва. Остальные двинулись по окопу вперед.

Вдруг впереди послышались голоса. Лейтенант остановил группу, а сам осторожно двинулся дальше. Через минуту он увидел: на бруствере, спиной к нему, лицом к Сямыню, сидели двое; их еле видимые силуэты горбатились на фоне блеклой проталины в тучах, скрывающих луну. Негромкий, неторопливый их разговор то затихал, то возобновлялся.

— А у тебя сколько детей-то? — спросил один на знакомом лейтенанту фуцзяньском наречии.

— Пятеро,— послышалось в ответ,— маленькой тогда было три месяца. А старший сын, наверное, теперь с меня ростом.

— А у меня двое. Ждут, небось...

Солдаты, предположил лейтенант. Один из них может стать языком, но надо попытаться захватить офицера или сержанта. Неподалеку должно быть сторожевое помещение. Надо пробраться по траншее дальше, но сделать это беззвучно.

Лейтенант повернулся и тихо направился к своим.

Теперь вперед пошли все, кроме Шэ Ю-сяна, который пополз к тем двоим чанкайшистам и притаился шагах в восьми от них. Он должен был действовать смотря по обстоятельствам. Если группа раньше времени окажется обнаруженной и начнет отходить с боем,— Шэ Ю-сян уничтожит одного солдата автоматной очередью, а другого попытается захватить. Если же впереди послышится крик чайки,— убьет обоих ножом. Иначе они могут отрезать разведчикам путь отхода.

Но обстоятельства сложились несколько иначе. Минут через пятнадцать, которые показались Шэ Ю-сяну вечностью, там, куда направились разведчики, прозвучал сердитый и громкий голос:

— Какая смена? Какого черта надо? Не мешай спать.

Гоминдановцы, сидевшие на бруствере, насторожились, прислушались, затем один из них, пробурчав: «Что там такое?»,— не спеша спустился в окоп. Его шаги захлюпали по липкой земле и затихли. Вскоре послышались какой-то шум, невнятные, торопливые возгласы — и вдруг автоматные очереди, короткая, потом длинная, и оглушающие взрывы.

Произошло вот что: направившись дальше по траншее, разведчики вскоре очутились возле никем не охраняемой глинобитной мазанки. Лейтенант ощупью нашел дверь, обращенную на север. Дверь была открыта, из нее пахнуло казарменным запахом пота и нестираного белья. Слышалось сонное дыхание чанкайшистов.

Снаружи у двери остался Лань Хунь-кунь, а с внутренней стороны — вошедший в помещение вслед за лейтенантом Лю Кэ-лян. Лейтенант прошел дальше и нажал кнопку карманного фонаря. Желтый луч света скользнул вокруг и погас.

В помещении стояли рядом двенадцать деревянных топчанов, покрытых марлевыми пологами от комаров. Еще один топчан — у окна. Тускло блеснули стволы стоящих в пирамиде автоматов.

Лейтенант направился к человеку, спавшему у окна,— это мог быть сержант или младший офицер. Резким движением сдернул марлевый полог, тряхнул рукой спящего за обнаженное плечо и, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее, сказал негромко:

— Пора вставать. Надо менять смену.

Расчет был прост: когда чанкайшист проснется и будет в состоянии понять, что ему говорят, вывести его под угрозой смерти за дверь, а потом по траншее — к морю. Но оказалось, что его не так-то легко разбудить. Он мычал что-то невнятное, наконец, не поднимаясь, разразился громкой бранью, долетевшей до слуха Шэ Ю-сяна и тех двоих, что сидели на бруствере, и опять заснул.

За дверью послышались шаги, потом шум борьбы. Короткая автоматная очередь. Это один из тех двоих, что сидели на бруствере, схватился с Лань Хунь-кунем. На помощь Лань Хунь-куню бросился Лю Кэ-лян, а лейтенант в то же мгновение выскочил в открытое окно на улицу, уперся локтями в подоконник и полоснул из автомата туда, где стояли топчаны. Для верности бросил еще две гранаты и побежал вдоль стены к двери.

Подошедший чанкайшист был уже обезоружен. (Это он ухитрился дать короткую очередь, когда понял, что человек, схвативший его за горло, не шутит.)

— Не будешь сопротивляться — останешься жив,— шепнул ему лейтенант.— Вперед!

Потребовалось несколько минут, чтобы разведчики вместе с пленным добежали по траншее до спуска к берегу. Там, где к ним присоединился Шэ Ю-сян, лица лейтенанта коснулось что-то заставившее его вздрогнуть. Только потом он понял, что это была рука убитого на бруствере солдата.

Короткий бросок по песчаному берегу — и упругие накаты морской зыби укрыли их скованные предельным напряжением тела.

...Выдвинув лодку из-за скалы, рыбак Хун Шун-ли впивался взглядом в ночную темь.

Вот показался в волнах, исчез, потом опять показался маленький зеленый огонек фонаря, горевшего в прорезиненном шлеме лейтенанта. Рыбак облегченно вздохнул и налег на весла...

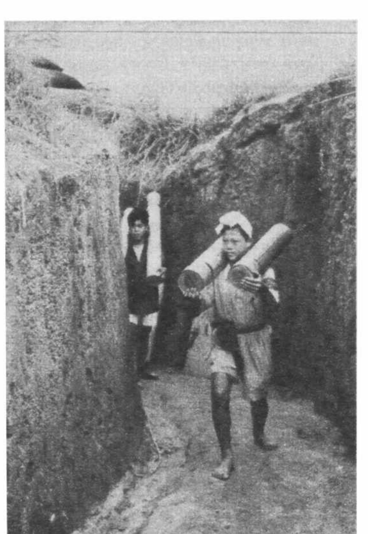
Пленный оказался не рядовым солдатом, как в первую минуту предполагал лейтенант, а разводящим караула, сержантом 42-го полка 68-й дивизии. Звали его Ван Фа-чуань, родом из Фуцзяни. Незадолго до того, как попасть в плен, Ван Фа-чуань прибыл со своей частью на Цзиньмыньдао с Тайваня и смог дать много ценных показаний о передвижении чанкайшистских войск. Он рассказал, что каждому чанкайшистскому солдату и офицеру изо дня в день вдалбливается мысль о том, будто не сегодня-завтра будет дан приказ «освобождать» материк, где каждому захватчику уготован помещичий надел земли и всякие другие блага. Щедрое чанкайшистское командование поторопилось даже раздать своим воякам письменные свидетельства на право владеть обещанной землей...

Солнце сияло лучезарными бликами в пустынной бездне моря, когда лейтенант Чжи Жуй-сюань вновь оказался дома, где его ждали сын и жена.

Он пришел к ним, как приходил всегда, стараясь всем видом, будничным тоном привычных слов показать, что дни и ночи, проведенные в разлуке с семьей, не угрожали ему никакими опасностями.

Китай. Фуцзяньский фронт.

ЕНИСЕЙСКИЙ МЕРИДИАН

Виктор **СТАРИКОВ** Фото Галины **САНЬКО.**

Скорый поезд пересекал страну с востока на запад. Далеко, у черты горизонта, возникали горные гряды с синеватой щетинкой таежных лесов. Распахивалась желтая от созревших хлебов сибирская степь, перехваченная лентами быстротекущих синих рек и темных дорог. На фоне розового с желтыми разводьями спокойного закатного неба вставали четкие рисунки стальных опорных мачт высоковольтных линий. Над заводскими корпусами поднимались высокие трубы с дымными султанами.

В вагоне ехали участники Иркутской конференции по развитию производительных сил Восточной Сибири.

Наш сосед, экономист Красноярского совнархоза, человек средних лет, коротко остриженный, смуглолицый, возбужденно говорил:

— Да знаете ли вы Сибирь? Вот сейчас мы пересекаем Красноярский край. Это что же такое? Страна! Из конца в конец — почти три тысячи километров! Начинается на юге, у Саянских гор, и доходит до Ледовитого океана! Обратите внимание на Енисей. Видите, почти по прямой пересекает край с юга на север. Мы порой так и называем свой край — Енисейским меридианом...

Он достал карту, развернул ее, положил на нее широкую ладонь, сказал гордо:

— Все тут есть! Назовите любое полезное ископаемое, и я скажу: «Есть!» Сейчас начнется Канско-Ачинское угольное месторождение. Полосой идет вдоль железной дороги. В одной этой кладовой хранится девятьсот пятьдесят миллиардов тонн превосходного энергетического угля! Треть запасов каменного угля страны находится в нашем крае. А железной руды столько, что можно поставить несколько металлургических комбинатов. Пятая часть всех лесных богатств государства! Пятая часть гидроэнергетических ресурсов!

Вот скоро будет Канск. Поезд тут стоит две минуты. Что вы знаете об этом городе? — Он хитро прищурился. — Не буду рассказывать. Побывайте в Канске...

Канск химический

Мы сошли на станции Канск.

За домами виднелись заводские трубы и новые корпуса, освещенные ярким солнцем. На центральной площади несколько больших автобусов готовились в дальние рейсы. Мелькнули легковые машины с шашечками по борту. Прошли, сотрясая землю, тяжелые грузовики с железобетонными плитами. Откуда-то наплывал запах асфальта..

На берегу реки Кан расположился лесозавод. С главным инженером Валентином Федоровичем Караваевым мы долго бродили среди цехов, высоких штабелей крупного сибирского леса. Между старыми деревянными цехами, прижавшимися к земле, возвышались новые, еще не законченные здания. Поднимались кирпичные стены, и большие железобетонные детали ложились на плечи колонн будущего домостроительного комбината. Главный инженер рассказывал, что тут поточным методом будут готовиться сотни сборных деревянных домов. Канск начнет их выпуск в будущем году.

Да, лесозавод был хорош и, сказать по совести, никак не походил на десятки подобных предприятий. Здесь чего-то не было. Чего? Мне вспомнились горы опилок, огромные завалы древесной обрези на уральских заводах. Все это шло, в лучшем случае, в топки, а в худшем — просто сбрасывалось в реку. Тут, в Канске, была совсем другая картина.

— Где же ваши отходы?— спросили мы у Караваева.

— А их почти нет! — улыбнулся он.— Наши отходы — сырье соседа, гидролизного завода... Да-

да, сырье! Впрочем, гидролизникам еще не хватает наших отходов, ищут их у других поставщиков.

На гидролизном заводе мы убедились, что это так.

— Вот они, наши «сырьевые» запасы,— показал директор Андрей Антонович Петкевич.— Видите горы щепы? Из тонны массы мы получаем сто восемьдесят литров спирта! Все? Нет, не все! Еще белковые дрожжи и фурфурол. И это еще не все! Есть у нас опытный цех, где из древесины вырабатывается глюкоза. Там из той же тонны получают от двадцати до тридцати килограммов глюкозы да плюс к тому сто сорок литров спирта и сорок килограммов белковых дрожжей. Как видите, полезные «отходы»...

Мы зашли в цех, где в автоклавах завершался сложный процесс получения глюкозы из древесины. Именно здесь был найден новый оригинальный способ кристаллизации глюкозы с поваренной солью и на него получен патент. Оказывается, Канский завод пока единственный в мире, где глюкозу получают из древесины...

Возвращались с завода по длинной улице, затененной высокими деревьями, мимо нарядных домов старого Канска.

С высоты четвертого этажа нового здания больницы гидролизников был хорошо виден весь поселок. Какой же он зеленый рядом с темными и низенькими домами старого Канска!

Комбинат отделен от старого Канска рекой. Приближалась вечерняя смена. Косые лучи солнца ложились на дорогу. Девушки, звонко перекликаясь, катили по асфальтированному шоссе на велосипедах. Их обгоняли мотоциклисты. У входных ворот на комбинат — здание для хранения велосипедов и мотоциклов. Сдав в этот «гардероб» велосипеды, девушки вбегали в проходную.

За воротами в глаза бросился большой щит:

«Помни! За десять минут на комбинате выпускается 1 000 метров ткани и 300 килограммов пряжи».

Расстались мы с Канском чудесным вечером. Холодеющий диск солнца медленно скатывался к горизонту. Солнечная дорожка тянулась по реке до самого моста. Справа в розовом сиянии стояли большие корпуса хлопчатобумажного комбината, подходившего к самой воде.

Так вот он каков, этот город, где поезд, как и раньше, стоит пока две минуты...

Красноярск выходит на мировую арену

Дорога от Красноярского аэропорта проходит по самой высокой части города, через Караульную гору, на вершине которой стоит старинная часовня.

Отсюда нам открылся большой сибирский город.

Широкая голубая лента Енисея делит его на две половины. Уступами спускаются к реке дома старого города. На правом берегу, за зелеными островами, многочисленные заводские корпуса, то низкие, сверкающие стеклянными крышами, то многоэтажные, массивные. И трубы, трубы, трубы... У самого берега городу кланяются высокие мощные краны речного порта. Они в непрерывной работе. Медленно проходят по реке большие грузовые суда и пассажирские пароходы, снуют юркие белые катеры... А вдали синеют горы.

Таким мы увидели с высоты Красноярск и его новый индустриальный район на правом берегу.

Предполагали начать знакомство с городом с краеведческого музея, дома художника В. И. Сурикова, хотели заглянуть в городской парк, которым красноярцы очень гордятся, побывать в заповеднике Столбы...

Но зашли в совнархоз, и там-то наши планы изменились.

Попали мы сюда в неурочный час и в одной из комнат застали молодого паренька. Он занимался каким-то странным делом. На стене висела большая карта, на которой синей краской были обведены границы многих государств. Красноярский край был выделен особой краской. На карте сверкало множество огоньков. Они то вспыхивали, то угасали. Видимо, что-то не ладилось у паренька, он включал и выключал освещение, возился с проводами...

Познакомились. Оказалось, что юный электрик готовил карту внешних сношений Красноярского совнархоза. Внешних сношений! Он повернул выключатель — зажглась зеленая лампочка у Игарки, и тотчас же по всему простору Европы зеленой россыпью засверкали огни.

— Вот! — с гордостью сказал электрик.— Вот куда наша Игарка грузит лес! А вот Канск. Видите, куда он отправляет фурфурол? Нефтяникам Румынии! А вот,— все более увлекаясь, показывал он,— вот куда идут из края комбайны, цемент, пенициллин, машины, телевизоры...

На карте загорелось множество красных огней.

— Это что?

— Связи завода «Сибтяжмаш»: Польша, Румыния, Болгария, Венгрия, Китай, Корея, Индия... Хорошую репутацию в мире заслужили сибтяжмашевцы!

Взволнованные, мы вышли на улицу Красноярска. Рано утром поехали на правый берег Енисея.

Густой двойной поток машин катил по зыбкому понтонному мосту. Справа, рассекая гранитной грудью сильные енисейские струи, поднялись над рекой опорные быки строящегося моста. Красноярцы ждут не дождутся, когда же наконец достроят его. Тогда по нему пойдет грузовой поток, и трамвай свяжет обе половины города.

На правом берегу, одолев без труда небольшой подъем, машина вышла на проспект имени газеты «Красноярский рабочий». Он тянется на несколько километров. Заводы, заводы, кварталы жилых домов, снова заводы... И совсем рядом краны речного порта, которые мы видели издали с Караульной горы, и тут же, возле действующих заводов, бетонные колонны, и свежая кладка, и новые корпуса, и краны... В иных местах кранов-гусиков такое же множество, как на строительстве в Юго-Западном районе Москвы. Индустриальный район правого берега по количеству жителей уже обогнал старый левобережный Красноярск.

Длинные массивные корпуса и высокие трубы сталелитейного цеха «Сибтяжмаша» мы увидели с проспекта.

Зашли к главному конструктору Владимиру Ивановичу Гриневичу — пожилому спокойному человеку.

— Что же в кабинете время терять? Пойдемте на завод, к машинам! — предложил он.

В сборочном цехе два огромных крана занимали почти всю площадь. Пришлось вслед за конструктором протискиваться в узких проходах. Шипело пламя электросварки, гулко звенел металл. Косые солнечные лучи, проникая сквозь стекла в крыше, создавали причудливую игру света.

— Да, совнархозовская карта точна,— подтвердил Владимир Иванович.— Со всем миром связь держим. И эти краны готовим за границу. Правый — разливочный— Болгарии, а левый — побольше — в Китай. Вес этих уникальных машин внушительный — до полутора тысяч тонн! А ширина пролета? Сорок три метра! Иностранная практика кранов с таким пролетом пока не знает...

В цехе доменного оборудования шла сборка вращающихся цементных печей. Их производительность — пятьсот — шестьсот тонн клинкера в сутки. Печи эти вытянулись на сто пятьдесят метров...

Но, оказывается, конструкторы уже готовят новые печи. Еще побольше! И возникают трудности, о которых раньше не задумывались. Как, скажем, доставить заказчику бандажное кольцо диаметром до шести метров и весом в тридцать тонн? Погрузить на платформу? А как она пройдет по мосту? Очевидно, придется делать кольца разрезными, а сваривать уже на месте при монтаже печи...

Владимир Иванович Гриневич — человек беспокойной мысли, весь он в постоянном поиске. Пока мы беседовали, он несколько раз повторил: «Работая сегодня, зорче смотри вперед». Эти слова хорошо выражают целеустремленный характер главного конструктора.

— Видели бы вы, что тут было, когда мы сюда приехали во время войны из Бежицы! — сказал он, окидывая взором огромный цех.— Конопля тут росла. Станки ставили под открытым небом и сразу включали в работу. Торопились! Война...

Так мы узнали, что Владимир Иванович стал сибиряком с военных лет. Он эвакуировал родной завод с Брянщины, устраивал его на новом месте. И вот обыкновенный старый небольшой завод вырос на новом месте в крупнейшее предприятие, чья заводская марка широко известна во многих странах мира.

В цехе Владимира Ивановича задержал старший мастер Виктор Константинович Наумов. Нет ему и тридцати лет, но вид у мастера не по летам собранный — заметно, что тратить лишних слов он не любит. Участок у него ответственный: здесь завершается сборка машин. С главным конструктором они говорят о новшествах, которые должны сократить долю ручного труда. Впрочем, и сейчас участок работает отлично. План всегда перевыполняется. О рабочих Виктор Константинович, чуть усмехаясь, говорит, что они сплошь «зеленые»: собрались ребята, окончившие восемь и десять классов.

— Народ грамотный, с порога начинает разбираться в чертежах...

Его кто-то зовет, и он торопливо уходит в глубь цеха.

— Способный! — замечает Владимир Иванович.— Пришел к нам семь лет назад из техникума, тут же, в Красноярске, учился. С огоньком работает, смотреть любо. И всегда с какой-нибудь затеей носится... С ним и встречаться весело. Всегда чем-нибудь взбудоражит.

В этой короткой встрече открылся и характер самого главного конструктора. Недаром же говорят, что человека можно узнать по его друзьям. А друзей Владимир Иванович встретил немало, пока мы ходили по цехам...

И думалось, пока мы ездили по заводам правого берега: какие же великие перемены произошли в Сибири! Чем был знаменит этот край? Прежде всего золотом. Сотни людей рвались в тайгу за золотом. Знали Сибирь и по мехам: они считались самыми ценными в Европе.

И вот уже Сибирь удивляет не столько мехами, сколько станками, машинами. Сибирь вышла на мировой машинный рынок и завоевала на нем прочное место...

Рядом с «Сибтяжмашем» стоит незаметный завод «Сибэлектросталь», меньшой брат среди гигантов правого берега. Но боже вас упаси миновать его! Это изюминка Сибири. Не зря говорил о нем в Иркутске академик В. С. Немчинов, не зря вице-президент Академии наук СССР академик И. П. Бардин, находясь в Красноярском крае, заезжал на «Сибэлектросталь»!

Чем же он знаменит, этот небольшой завод?

Тут целая история. В таежной глуши, где на многие километры и жилья-то не встретишь, на правобережье в низовьях Ангары, геологи нашли и детально разведали богатейшее месторождение железных руд. Подземная кладовая оказалась богатой. Но многие инженеры доказывали, что эти руды пока не могут быть использованы промышленностью.

Тогда небольшой коллектив «Сибэлектростали» взялся провести опытные работы по обогащению руд.

И провели! И доказали: чугун, выплавленный из концентрата руд Нижне-Ангарского месторождения по технологии, которую разработала группа специалистов завода под руководством кандидата технических наук А. Г. Герасимова, обойдется немногим дороже, чем чугун Магнитогорска. Да, ненамного! А ведь известно, что Магнитка дает стране самый дешевый металл. Стало быть, можно практически решать вопрос о строительстве металлургического заво-

да в крае... Вот какие большие проблемы смог решить маленький сибирский завод!

Мы побывали еще на многих предприятиях — на шелковом комбинате, на стройке шинного завода, на заводе синтетического каучука, на заводе искусственного волокна. Они поражали мощной технической оснащенностью, и высокой организацией производства, и, наконец, просто размахом.

Стоя на строительной площадке шинного завода и с удивлением оглядывая главный корпус, мы спросили:

— Какая же его площадь?

Строитель замялся с ответом.

— Не знаю, с чем и сравнить. Красную площадь представляете? Наш цех больше...

А. П. Чехов в одном из очерков по пути на остров Сахалин писал о Енисее: «Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!»

А ведь это время пришло!

Абаканская благодать

Про Абазу — абаканский железный рудник, снабжающий рудой Кузнецкий металлургический комбинат, — нам говорили многие. Но путь туда казался слишком сложным: поездом до Абакана, потом полтораста километров автобусом до местечка Таштып и затем на самолете через горный перевал в Абазу. Правда, есть и железнодорожное сообщение до Абазы. Однако этот путь еще дольше...

Знакомый, с которым мы поделились своими сомнениями, развел руками:

— Зачем же добираться таким сложным путем? Надо прямо — самолетами!

И верно, «ИЛ-12» доставил нас из Красноярска в Абакан за час. Там на поле стоял самолет, готовившийся к полету в Таштып. Через час мы оказались у подножия Абаканского хребта. Кругом тайга, горы, кое-где на высоте белеет снег. Наиболее крупные здания в Таштыпе — конторы леспромхозов и баз геологических партий.

Рано утром открылось окошко в кассе аэропорта. Мы попросили два билета до Абазы.

— Тридцать рублей, — сказала кассирша.

— Всего-навсего? За два билета?!

— Платите быстрее... — сердито сказала кассирша. — Не задерживайте!

С билетами в руках мы в недоумении отошли от кассы. Взглянули на табличку цен. Самый дорогой билет стоил двадцать пять рублей.

Подошли к пассажирам, ожидавшим посадки. Тут были геологи, строители дорог, женщины, ребятишки, торопившиеся попасть домой к началу учебного года. Большая группа мужчин и женщин летела в Большой Анзас, где начиналось строительство нового железного рудника. Возле одного пассажира лежала свежая медвежья шкура, свернутая и перевязанная проволокой.

Маленький, похожий на кузнечика зеленый самолет спугнул стайку гусей, взмыл в воздух и толчками стал набирать высоту. Он шел бреющим полетом над самыми вершинами гор. Густой хвойный лес сменяли буреломы, черные пятна лесных пожарищ. Среди ущелий и горных вершин виднелась желтая линия новой дороги. Кое-где на ней работали тракторы...

Внезапно за перевалом показался рудник, открытые разработки на верхних уступах, мощные экскаваторы. Внизу, в теснине, сдавленной крутыми горами, виднелись здания обогатительной фабрики и рудоуправления...

Весь полет продолжался двенадцать минут. Кузнечик оказался шустрым.

— У нас ведь как? — пошутил кто-то. — По телефону назначил девушке свидание, а через пятнадцать минут можно ждать ее из Таштыпа в Абазе, у реки.

...Машины тяжело поднимаются в гору по извилистой крутой бетонированной дороге. Временами кажется, что они вот-вот сорвутся в пропасть. Глухо, недовольно ревут двадцатипятитонные минские самосвалы, хотя идут порожняком. Зато легко катят вниз к бункерным жерлам обогатительной фабрики встречные, груженные поверх бортов абаканской рудой.

Это главная рудовозная дорога абаканской Благодати.

Вершина абаканской Благодати гордо возвышается над соседними горами. Они густо поросли лиственницами и пихтой. Сильный ветер гуляет на высоте. На крутом срезе работают мощные четырехкубовые экскаваторы. К ним то и дело подкатывают самосвалы и становятся под стрелу ковша. Дважды разворачивается тяжелая машина, и куски руды с грохотом летят в железный кузов. Самосвал трогается в путь.

Миллионы тонн железной руды хранит гора Благодать. О ней в Сибири знали давно. Но высокие хребты, тайга, бурные реки, болотные топи долго не давали подступа к этому богатству. Сюда вели лишь узкие тропы.

А в прошлом году, точнее, 18 июля 1957 года, со станции Рудничная горняки торжественно проводили первый эшелон железной руды Кузнецкому металлургическому комбинату. Теперь по ветке Абаза — Аскыз, пробитой в горах, вдоль скалистого берега Абакана, а дальше уже по основной магистрали Южсиба к кузнецким домнам идет непрерывный поток железного концентрата. Больше ста тысяч тонн концентрата ежемесячно получает Кузнецк с Абазы.

На верхнем уступе, где свободно гуляет свежий ветер горных вершин, на уралмашевском экскаваторе № 8 работает машинистом Иван Андреевич Малетин. Он учит молодежь искусству управления сложной машиной.

— Вершинка робких не любит, — говорит Иван Андреевич. — Тут ведь всякое бывает: осенью туманы наползут, дожди зарядят, зимой — снег, ветер, буран... Морозы у нас крепкие, стоят подолгу. Ко всему надо быть готовым. Экскаваторщики наши умеют в любых условиях руду добывать. Водить машины по нашей пиле — по-другому эту дорогу не назовешь — тоже не просто. Но справляются... Домны из-за нас стоять не будут!

В раскинувшемся в тесной долине Абакана горняцком поселке главная улица, Абаканский проспект, почти сплошь застроена новыми домами и тянется на два километра. Он весь в зелени, этот проспект, — возле домиков масса цветов, высокие георгины, золотые шары, даже украинские мальвы выглядывают из-за решетчатого забора.

Секретарь партийного комитета Григорий Алексеевич Иванов говорит:

— Приходилось слышать в Красноярске страшноватые рассказы про Абазу? Глушь, дескать... А видите, какой поселок растет? Место это теперь освоено... Расширяемся мы, едет к нам народ и оседает прочно...

Экскаваторщик Абазинского рудника И. А. Малетин.

Как экскаватор заменил шахту

Два дня назад мы стояли на вершине абаканской Благодати, а сейчас вокруг широкая степь, редкие березовые колки, и посреди картофельного поля — глубокий разрез, на дне которого экскаватор грузит в железнодорожные гондолы уголь...

Это Назаровский разрез № 2 — конечный выход знаменитого Канско-Ачинского бассейна энергетических углей.

От одного борта карьера до другого — двести пятьдесят метров, глубина — сорок метров. На крутом откосе огромные фанерные буквы: «СОБЛЮДАЙ ТЕХНИКУ БЕЗОПАСНОСТИ!»

К кому обращено это предупреждение? Людей-то тут не видно. Вот так бывает на нефтяных промыслах, где только скрипящие качалки на скважинах нарушают тишину. Шагаешь, шагаешь через сплетения труб и редко-редко встретишь человека.

На дне карьера проложены железнодорожные пути. Три экскаватора грузят уголь.

— Но кто же добывает тут ежесуточно девять тысяч тонн угля? — спрашиваем мы. — Ведь это под силу двум — трем шахтам, и не маленьким, а с тысячами горняков...

— Кто добывает? Да вот эти три экскаватора...

Маркшейдер Клавдия Александровна Кузнецова, молодая женщина, ростовчанка, стоит у самого края крутого откоса. Ей непонятно наше удивление.

— Что же тут особенного? — пожимает она плечами. — Мощность пласта Назаровского месторождения колеблется от двенадцати до восемнадцати метров. Стоит только убрать верхний слой земли — и можно начинать добычу. А Ирша-Бородинское месторождение еще выгоднее, еще удобнее! Там и вскрыши-то меньше и мощность пласта больше. Ирша-бородинский уголь куда дешевле нашего!

Клавдия Александровна ведет нас картофельным полем на участок, где сейчас вскрывается угольный пласт. Остро пахнет полынью. С возвышенности в степи виднеются белые дома.

— Там наши будущие потребители живут, — говорит она. — Это участок строителей Назаровской электростанции.

Слышен какой-то глухой шум, журчание воды. Мы спускаемся по глинистой дороге вниз, переходим по узкому мостику мутный и быстрый ручей, шагаем через толстую трубу и попадаем на участок гидромеханизации. Перед нами высокая желтая стена. У подножия ее, укрепившись на крохотном островке, стоит гидромониторщик — молодой парень Сергей Макарцов. Направляя гидромонитор, этакую водяную пушку, он бьет тугой струей в грудь земляного забоя. С ревом и свистом летит вода, оползает земля... Иногда вода вдруг рассыпается веером, в воздухе вспыхивает радужное сияние.

— Это выгоднее и быстрее, — говорит Клавдия Александровна, — чем делать вскрышу экскаватором.

От главного инженера, живого и подвижного человека, Александра Викторовича Любимова узнаем, что не так давно в крае не было спроса на этот дешевый уголь.

— Это сдерживало развитие карьера, — говорит он. — Все наше будущее связано с пуском Назаровской ГРЭС! Она получит самый дешевый уголь в стране и даст дешевую энергию...

Строительство моста через Енисей в районе сооружения Красноярской ГЭС. Фото Галины САНЬКО.

Завод «Сибтяжмаш» в Красноярске. Сборка металлоконструкций мостового крана, изготовляемого по заказу Индии.

←
Красноярск. У речного вокзала.

→
Гидролизный завод в Канске.

Абаза — рудник по добыче железной руды. Эта руда идет на Кузнецкий металлургический комбинат.

Планы у назаровских горняков большие. Они мечтают о бестранспортной отработке месторождения. Что это значит? А вот что: на вскрышу породы доставят шагающий гигант со стрелой в семьдесят пять метров, он в один прием заберет пятнадцать кубометров породы и перенесет ее в отработанный карьер... Не нужно паровозов, подвижного состава, сложного путевого хозяйства. А на добычу угля в карьере встанут восьмикубовые экскаваторы.

Глаза у Александра Викторовича возбужденно блестят. Горняки, задержавшиеся в кабинете после планерки, внимательно слушают главного инженера.

— Будем давать восемь миллионов тонн уголька вместо теперешних трех! Стоить он будет не десять, а пять рублей за тонну.

— И на сколько лет тут хватит угля?

— Запасы большие...— довольно говорит Александр Викторович.— В каждом угольном поле от двухсот пятидесяти до четырехсот миллионов тонн! Вот и считайте, сколько лет тут можно работать, если у нас восемь таких полей.

Помолчав, он говорит:

— Будете у наших энергетиков — передавайте им привет. Скажите: угольщики следят за их работой, желают успехов!

...Всегда испытываешь волнение, когда видишь первые кубометры вынутой земли, первые камни фундаментов будущих цехов... С таким чувством бродили мы по обширной площадке в зеленой котловине возле Чулыма.

Экскаваторщик Степан Васильевич Казанцев готовил котлован под главный корпус Назаровской ГРЭС. Напротив работал экскаваторщик Николай Гудзенко.

Степан Васильевич Казанцев приехал сюда из Алтайского края, где восемь лет проработал на строительстве мощной тепловой электростанции. Неподалеку от экскаватора стоял новенький мотоцикл,— на нем экскаваторщик добирается из поселка...

Начальник строительства Василий Николаевич Калачалов сказал, кивая на Казанцева:

— Прочно закрепился у нас... Недавно женился. Вот и мотоцикл завел, чтобы скорее домой попадать. На наш транспорт не надеется...

Сдвинув на затылок кепку, не отвечая на шутку, Степан Васильевич заметил:

— А приятно же новую стройку начинать! Тут-то в прошлом году не то что экскаватора — ни одной лопаты не было...

Сейчас котловина прочно обжита строителями. Ее пересекают и бетонированные шоссе и железные дороги. Высятся темные башни цементных бункеров бетонного завода. На горе белеет домиками поселок. Уже построены шестьдесят пять одноэтажных и двухэтажных домов...

А рядом, на берегу зеленой Старицы, в густой чаще, где еще несколько дней назад спугнули тетеревов, закладывается постоянный город энергетиков.

Какой же будет Назаровская станция? Первоначально она проектировалась на 1,2 миллиона киловатт. Сейчас строители говорят, что общая мощность станции достигнет 2,6 миллиона. Крупнейшая теплоэлектростанция государства!

И она уже строится! Съезжаются люди. Едут юноши и девушки с комсомольскими путевками. Они едут из Красноярска, летят с Волги, с Камы, с Днепра...

— Мы набираем такие темпы,— говорит начальник строительства,— чтобы заводы края досрочно получили назаровскую энергию. Да, досрочно — строители готовы к этому!

В море!

Завершается наше знакомство с Красноярским краем путешествием по Енисею...

Когда-то мимо этих берегов плыл молодой Ильич. Он плыл на стареньком пароходе «Святой Николай», в десятиместной каюте. Часами стоял на палубе, любуясь скалами, красавицей рекой, мечтая о будущей социалистической России...

Катер идет вверх. Скрывается в мареве красноярский железнодорожный мост, за кормой остаются лесозаводы, знаменитый Базаихинский рейд, растянувшийся на несколько километров; затем поселки, поселки, поселки новоселов. На берегу гудят тракторы, бульдозеры. Это прокладывается железная дорога к створу плотины Красноярской гидроэлектростанции. Взрываются скалы, сводится прибрежный лес... Меж крутых гор, образующих узкий каньон, вытекает красавица Мана. В самом устье через нее перекинулся легкий воздушный восьмипролетный мост.

Катер причаливает к пристани Дивногорск — поселку строителей Красноярской гидростанции. Правый берег полого взбегает в гору, он густо порос сосняком; левый берег — крутые скалы, почти отвесно падающие в воду. Чудом держатся на крутизне сосны, лиственницы, кедры.

Славное место! Как хорошо гидростроители назвали свой городок — Дивногорск!

Бетонный пояс плотины перехватит реку выше этого места, чуть пониже старинного небольшого села Шумиха, где Енисей сдавлен крутыми базальтовыми скалами.

Красноярский край по запасам гидроэнергии занимает первое место в Союзе. И не только тепловые станции края будут давать в будущем дешевую энергию. Подсчитано, что и себестоимость энергии Красноярской ГЭС будет в три раза дешевле, чем на реках Европейской части Союза!

Уже сейчас строительная площадка Красноярской гидростанции растянулась на семьдесят километров вдоль берега. Строятся подсобные предприятия, жилье, железнодорожный мост через Енисей. Строители готовятся к огромному развороту работ...

На береговой улице возле одного дома мы увидели на цепи медвежонка. С ним играл мальчик лет пяти. Вышла на крыльцо хозяйка. Она оказалась оренбургской казачкой. Приехала сюда с мужем три года назад, когда тут появились первые изыскатели.

— Сибиряками стали! — посмеивается она.— Видите, даже медвежонка завели, вроде собачки у крыльца.

Люди здесь устраиваются прочно. В домах паровое отопление, водопровод.

Возвращаемся в Красноярск и на чудесном трехпалубном теплоходе «Валерий Чкалов» берем курс на север.

...Долго плыли мы вниз. Обгоняли и встречали то караваны с лесом, то баржи, груженные машинами, то танкеры, то рыболовецкие сейнеры. Людно там, где раньше, бывало, сутками не видели ни одного судна.

Белой ночью подошли к Игарке. Нависли темные, грозные облака, окрашенные в тревожные фиолетовые тона. Пустынной была ночная серая гладь реки, угрюмыми казались берега, покрытые низкой растительностью. У причала стояли иностранные суда. Медленно раскачивались над ними стрелы кранов, опуская в трюмы пачки пахучего соснового пиловочника.

Игарка на реке, но это морской порт! Тут один из крупнейших в Союзе лесокомбинатов. Все больше судов со всех концов земли проходит через Игарку за летнюю навигацию.

...И вот уже позади свыше двух тысяч километров водного пути. Дудинка! Отсюда водой в летние месяцы отправляется металл и уголь Норильска. Огромные суда стоят под погрузкой угля. Они пойдут не только вверх по Енисею, но и на север, в Арктику.

Большая группа пассажиров выезжает поездом в Норильск. Белой ночью стоим у вагонного окна и слушаем рассказ писателя Алексея Кожевникова о том, как когда-то с геологической партией он бродил по этой тундре...

Неожиданно возникает суровый и величественный пейзаж Норильска, высокие горы, окутанные туманом, многочисленные дымы заводов...

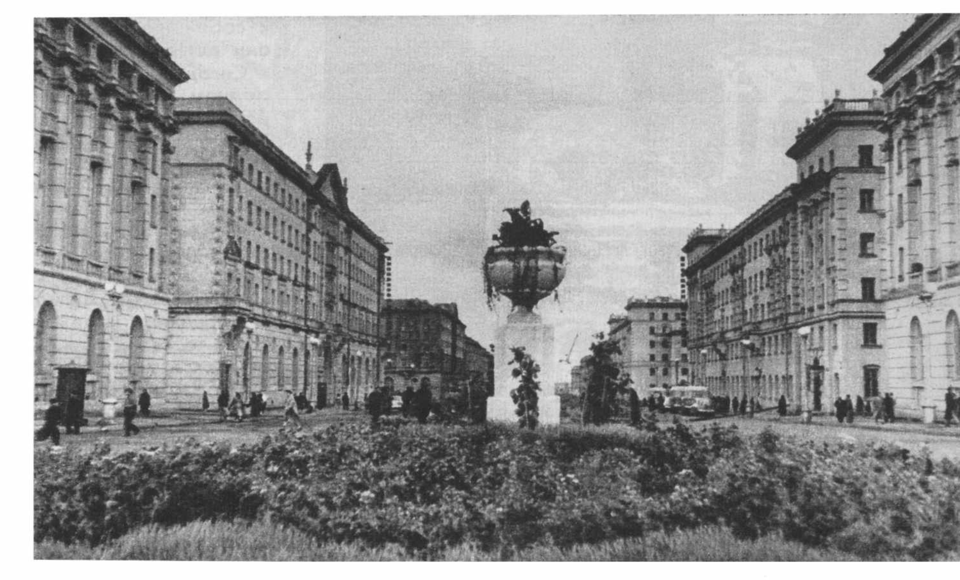
Все здесь поражает размерами. Большой, великолепно построенный многоэтажный каменный город, дома красивой архитектуры, прекрасные здания школ, техникума, ансамбли площадей — Октябрьской, Гвардейской. Грандиозны горные предприятия, цехи обогатительной фабрики, металлургические заводы...

И ведь все это построено на вечной мерзлоте!

С высоты рудных гор открываются широкие дали. Поблескивают водные глади многочисленных озер, вьются синими лентами реки, проступают зубцы горных хребтов. Но самое мощное и самое внушительное — это то, что сделано человеком на далеком севере, в полосе вечной мерзлоты, за Полярным кругом: широкая панорама промышленных предприятий, десятки труб, каменные громады большого города...

Теплоход делал остановки в Усть-Порту, Карауле, Воронцове. На берегах еще лежал зимний снег. С «Валерия Чкалова» сходили пассажиры. Впервые они добрались домой не на грузовых попутных судах, как бывало раньше, а на комфортабельном быстроходном теплоходе, который в эту навигацию осваивал дорогу в Арктику.

И вот он, Диксон, — черные суровые скалы, на которых даже мох не растет, радиомачты, суда у причалов, портовые краны и стеклянные крыши теплиц на берегу...

Норильск сегодня. Октябрьская площадь.

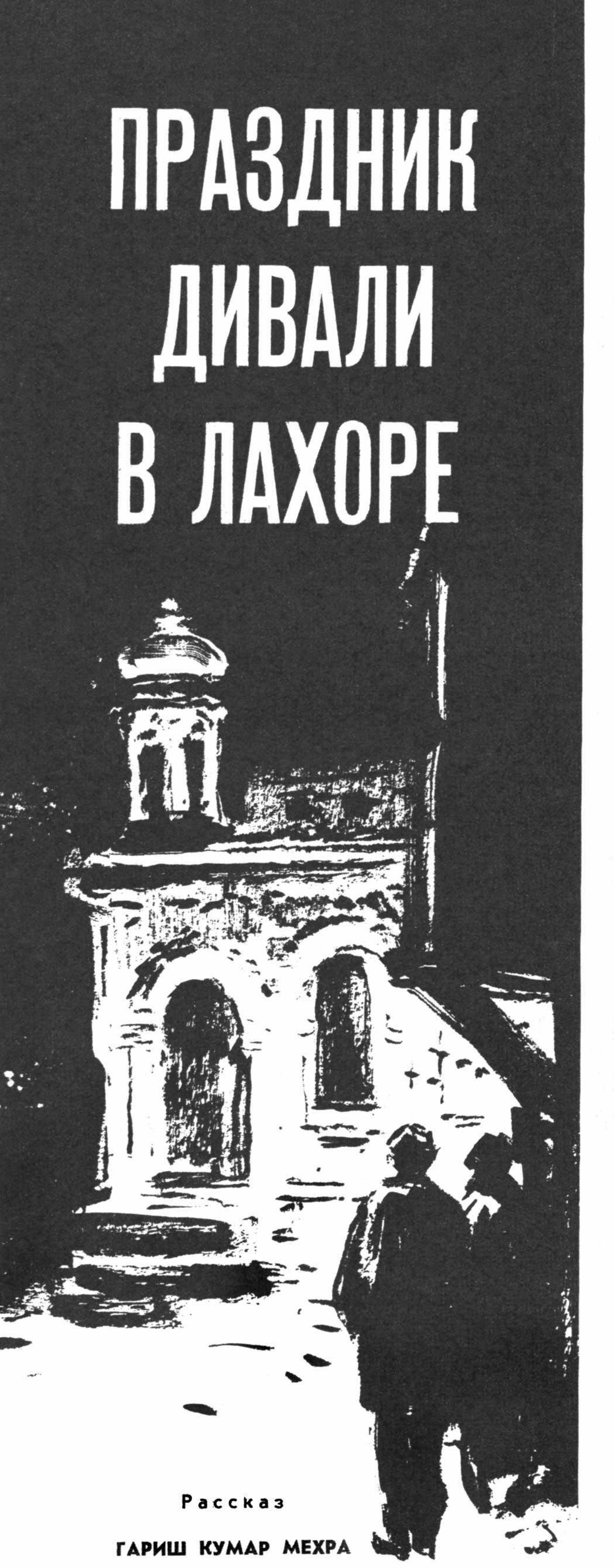
Фото В. Темина.

В уютной кают-компании обсерватории Арктического института мы слушали рассказы молодых ученых о том, по какой обширной программе Международного геофизического года они ведут изучение ионосферы, северного сияния, земного магнетизма, об особенностях суровой жизни в Арктике. Показали диксоновцы великолепный радиометцентр, обслуживающий обширный район Арктики. Он связан с десятками отдаленных полярных станций, разбросанных по островам Карского моря и моря Лаптевых. Эти полярные станции в определенные часы передают по радио сводки наблюдений, на основе которых составляются прогнозы погоды...

Нет, жители Диксона вовсе не чувствуют себя оторванными от Большой земли. Отсюда самолеты уходят в Москву, в Красноярск, в Норильск. А теперь теплоход «Валерий Чкалов» и вовсе сделал поездку в Арктику обыкновенным делом...

Полярной ночью мы покидали Диксон. Стояли на залитой светом палубе и снова думали о том, какая же полная, умная, смелая жизнь осветила эти еще недавно пустынные берега...

ПРАЗДНИК ДИВАЛИ В ЛАХОРЕ

Рассказ

ГАРИШ КУМАР МЕХРА

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Город кутался в темноту, как в одеяло, словно желая согреться перед отходом ко сну. Из тьмы, которая растекалась по улицам Лахора, столицы Восточного Пакистана, возникла одинокая фигура прохожего. Круг света, отбрасываемый уличным фонарем, образовал нечто вроде нимба вокруг его головы, когда он остановился передохнуть, прислонившись к фонарному столбу.

— Теперь можешь уже не мучиться этой вечной тоской: ведь ты опять в родном городе,— уговаривал себя Ракеш, как родители уговаривают непослушного ребенка.

Название улицы было теперь другое. По-другому выглядели и дома. Два — три силуэта людей, появившихся в окнах, чтобы разглядеть позднего прохожего, были тоже незнакомы ему. Казалось, он приехал в очень далекую, чужую страну.

Чужую, но не совсем. Под ногами чувствовалась знакомая земля, прежними были и запах из сточных канав и отдающий дымком туман, нависший над Лахором. Где-то здесь, среди этих домов, изменивших свой облик, должен быть и тот дом... Дом с большой буквы.

Да, наш дом. Бессмертный и неистребимый, тот, что оставил ему в наследство отец. Ракеш сейчас мог бы по памяти нарисовать его на бумаге. Ну хотя бы большое дерево у ворот, под которым играл ребенком; однажды на стволе взрослые нашли большую черную кобру — как бесконечно давно это было!.. Или комнату, выходящую на север, где они с женой провели свою первую брачную ночь... А все эти неожиданные закоулки и щели, где так удобно было прятаться!.. Голубятня, скрипучие ступеньки, ведущие на чердак, протекающая крыша — сколько их, навсегда врезавшихся в память подробностей! Их не забыть до последнего дня жизни...

Восемь лет назад он, его жена и дети, брат и сестры бежали из этого дома. Это были кровавые дни раздела страны. Они бежали в страхе, в судорожной спешке, не сумев захватить с собой ничего, кроме памяти обо всем, что они оставляли здесь, на родном месте.

Сегодня ночь Дивали[1], Ракеш снова в родном городе, в погоне за мечтой, сраженной жестокими ударами действительности...

Каждый год в праздник Дивали их дом ярче всех был украшен фонариками и выделялся из сверкающей шеренги других домов. Этим домом гордился весь Лахор.

— Чем больше огней,— говорил, бывало, отец,— тем легче богиня благополучия найдет дорогу к дому.

И вот снова Дивали, но нет уже глиняных светильников у домов, которые так оживляли когда-то темноту, не слышно и треска шутих, рвущихся у каждого перекрестка.

Он плотнее прижался спиной к фонарному столбу, тоскливо окинул взглядом ряды немых, темных зданий и вздохнул.

Его обдало зимним холодком — и острее вспомнилась уютная теплота огней в ночь Дивали.

«Вот что сделал раздел страны,— угрюмо подумал Ракеш.— Он погасил огонь наших сердец».

Вокруг была тьма, пугающая, мрачная тьма враждебного города, еще хранящего следы тех горьких дней.

Но надо же узнать, что они сделали с его домом. Какая-то сила толкнула его вперед, и вскоре он остановился у здания из желтого камня на углу площади. Ворота.

Дом, видимо, заново окрасили. «Но я все равно узнал бы его, даже если бы он сверкал всеми цветами радуги»,— сказал себе Ракеш. Вот оно, высокое железное крыльцо, башенка на крыше, и — самый верный из всех признаков — вот оно, большое дерево, растущее у самой стены. Да, никакого сомнения. Это он, добрый, старый друг!

«Слава богу, дом цел. Тут много построек было разрушено»,— с облегчением подумал Ракеш.

Он постоял еще немного, глядя на ограду, на дорожку, пересекающую сад. Мозг его работал напряженно, уводя мысли в прошлое по коридорам времени... Теперь ему уже казалось, что он тот самый прежний школьник, возвращающийся вечером с занятий. «Подумать только, восемь лет прошло с того дня, когда я в последний раз вышел за эту ограду!»

Он расправил плечи, как когда-то в мальчишеские годы, чтобы преодолеть приступ нерешительности. Да, он сильно постарел после того, как покинул этот дом. И теперь юность возвращалась в знакомом запахе старого сада, раскинувшегося за этими стенами. Чувствуя, как падают оковывающие путы сегодняшнего дня, он перешагнул через порог ворот, двинулся по дорожке в глубь сада и, не останавливаясь, поднялся на крыльцо и постучал во входную дверь.

На стук вышел старый человек с длинной бородой, в развевающемся одеянии.

— Да? — спросил старый человек.

— Мое имя Ракеш, я приехал из Индии два дня назад. Я буду работать в этом городе, в индийском посольстве.

— Что же вам угодно? — продолжал старик довольно холодно.

— Ничего, кроме того, чтобы... посмотреть этот дом. Он когда-то принадлежал мне. Я родился и женился здесь, здесь же умерли мои родители. Разумеется, я ничего не могу требовать... Если только вы не против, я бы провел в этом доме хотя бы один час — просто хочется вспомнить прошлое.

Старик с минуту стоял неподвижно, в молчании: должно быть, его смутила необычность положения. Нет ли у пришельца какой-либо задней мысли? Наконец, решив, что этому человеку можно верить, он шагнул вперед и пожал Ракешу руку. Пожал крепко, так что у того даже заныли пальцы.

— Войдите. Приветствую вас как гостя.

Хозяин провел Ракеша через узкий коридор в гостиную. Глаза Ракеша жадно бегали по стенам. Стены были прежние, но мебель другая. В доме царила полная тишина, только изредка раздавался где-то скрип ступеньки...

Они уселись вдвоем на большом диване, и старик предложил гостю пожевать листья бетеля.

— Где вы теперь живете там, в Индии? — спросил он.

— В Дели.

— Дели? Изумительный город. Самый лучший на всем Востоке. У нас тоже был там дом, собственный. Большое кирпичное здание. Вы знаете мечеть Джама Масджид? Так вот, недалеко от мечети, в начале улицы, что ведет к Красному форту, и стоит наш дом.

— Да, да... Но... этот дом...— растерянно говорил Ракеш.— В этом доме сейчас живу я со своей семьей... В этом самом кирпичном доме.

Огонек испуга и радости зажегся в глазах старого человека. Он весь задрожал, привстал и сжал пальцами плечи Ракеша.

— Вы... вы живете в нем? — спросил он, все еще не веря.

— Да. Именно я, и никто другой.

— И:.. как выглядит дом?

— Очень хорошо,— ответил гость.— Две недели назад мы его выбелили, чтобы приготовиться к Дивали.

— А те две комнаты... на верхнем этаже? — жадно расспрашивал старик.— Видите ли, когда мой сын женился, ему захотелось уединиться, как и всем молодоженам. И я надстроил эти две комнаты для него...

— В этих двух комнатах я живу теперь с женой,— просто сказал Ракеш.— Это очень светлые комнаты. Брат и сестры расположились в нижнем этаже, они все хотят переехать наверх, но я не пускаю их...

Лицо старика излучало благодарность. Он весь погрузился в воспоминания. Ракеш не решался потревожить его, но не выдержал и спросил:

— А вы? Вам удобно здесь?

— Очень удобно,— проговорил старик.

— Помнится, от уборных был дурной запах?

— Нет, теперь ничего,— сказал старик с оттенком гордости.— Мы устроили все по-новому. Пойдите посмотрите сами. Идите, идите. Вы ведь знаете дорогу.

— Нет, я верю вам,— сказал Ракеш.

Он помолчал с минуту.

— Ну, а сад? Тот, что позади дома? Мы обычно сажали там томаты.

— Да, томаты,— согласился старик, проведя языком по губам.— Очень хорошие томаты. Когда мы приехали сюда, мы застали богатый урожай, они были большие и красные... Мы и теперь сажаем их.

Ракеш чувствовал, что он не в силах побороть тоску, снова охватившую его. Он умолк и задумался, не зная, о чем говорить дальше... Так вот он, старый, добрый дом... Вспомнился день свадьбы: к дому подошла веселая процессия, его жену внесли в дверь в паланкине. Потом через ту же дверь выносили мать, поднятую на плечи сыновей... Над домом, как ветер, проносились звуки весеннего праздества воздушного змея, Холи — священного дня красок, и Дивали, незабываемого Дивали, самого веселого праздника из всех праздников огней!

Гариш Кумар Мехра — современный индийский писатель, журналист и кинокритик. Живет в Бомбее.

[1] Дивали — ежегодное индуистское празднество, посвященное торжеству добра над злом, когда на каждом доме горят огни иллюминации (примечание автора).

— О чем вы задумались? — раздался голос хозяина дома.

— Так. Ни о чем.

— Вспоминаете старые добрые времена?

— Да, вспоминаю дни, которые больше не вернутся,— сказал Ракеш рассеянно.

Он вздохнул, помолчал и вдруг заговорил громко и страстно:

— Город зажигал тысячи свечей, электрических лампочек и глиняных светильников в честь Дивали. У моего отца было множество этих светильников, и мы их обычно хранили в каморке под лестницей. Очень много было светильников! Но каждый год мы прикупали еще по пятьдесят, по сто. И когда нам пришлось бежать отсюда, их, этих светильников, скопилось, наверно, тысячи под лестницей. Некоторые покупал еще мой прадед...

Слеза покатилась по его щеке, как ни старался он сдержать себя.

— Прошу вас, не огорчайтесь так, — сказал старый человек. — Когда мы поселились в этом доме, мы нашли эти светильники под лестницей. Мы не тронули их: ведь от них никакой пользы мусульманам. Они так и лежат там, где вы их оставили... Но, пожалуйста, не думайте только о прошлом. Что было, то было. Мне очень тяжело видеть вас таким.

У старика в глазах тоже стояли непролившиеся слезы.

— Не будьте же ребенком, — мягко упрекнул он Ракеша, увидев, как высоко поднимается грудь молодого человека. — Нам тоже невероятно грустно здесь с женой, в этом большом доме. Сын мой служит в Карачи. Как хорошо, что вы пришли к нам! Погодите, я сейчас позову жену.

Старик громко закричал куда-то в глубину дома:

— Мать Измаила! Войди сюда и посмотри, кто у нас в гостях сегодня!..

Послышались шаги. В комнату вошла пожилая женщина, лицо ее было наполовину закрыто черной шалью. Она тихо опустилась на диван рядом с мужем.

— Знаешь, этот молодой человек приехал из Дели, — сказал старик.

— Может быть, он что-либо знает о нашем доме? — встрепенулась женщина, и глаза ее нетерпеливо блеснули из-за шали.

— Этот человек живет в нашем доме, в тех двух комнатах, которые мы надстроили для Измаила, — тихо проговорил муж.

Мягким движением женщина опустила шаль, закрывавшую ей лицо. Она несколько мгновений пристально смотрела на Ракеша.

— Вы, должно быть, одногодки с Измаилом, — сказала она тихо. — Такой же молодой, как мой сын.

Заговорил старик. Голос его доносился словно откуда-то издали.

— Это было спустя девять лет после нашей свадьбы...

— Нет, спустя двенадцать, — прервала его жена.

— О, да, двенадцать лет! Я стар уже и не могу всего припомнить точно. Так вот, тогда мы и решили построить себе дом. У меня были небольшие сбережения, но их не хватило. И мы продали все драгоценности жены — около ста тола[1] золотых вещей. Она не жаловалась. Ей так хотелось жить в своем доме...

Он ласково глядел на жену: то была запоздавшая благодарность за жертву, которую она принесла их дому в Дели.

Ракеш слушал, и еще больше возрастало в нем чувство бездомности, которое он делил теперь с этими стариками.

— Пожалуйста, последите за домом, — попросила старая женщина. — Может быть, когда-нибудь и мы приедем к вам в гости. Это так далеко, сотни миль, и потом столько хлопот, визы, и таможни, и, словом, все, что бывает, когда переезжаешь из одной страны в другую. Но мы все-таки приедем. Нам так хотелось бы этого!

Ракеш молча наклонил голову в знак согласия.

Старик что-то прошептал на ухо жене. Она вышла из комнаты и вскоре вернулась.

— Не желаете ли пообедать с нами? — обратился старик.

— Я уже поел. Я не голоден. Но я разделю трапезу с вами. Ведь уже восемь лет прошло, как я в последний раз ел в этом доме. Только, пожалуйста, не здесь. Нельзя ли на кухне, у огня? Я всегда ребенком ел там: мать варила что-нибудь, а я ел. И в это время она рассказывала мне сказки...

— Да, мы будем есть на кухне, — сказала хозяйка,— я приготовлю обед — прислуга занята сейчас — и подам его сама. Вы похожи на моего сына Измаила.

Они отправились втроем на кухню. Жена старика поставила на огонь железную сковороду и стала печь чапати, подавая каждый ломоть горячим, дымящимся. Ракеш и хозяин дома, усевшись на полу, ели из медных тарелок.

«Совсем как тогда!» — подумал Ракеш.

Минутами ему казалось, что все это во сне. Мать, живая, стоит у печи, а он, маленький мальчик, сидя на полу, глотает горячие чапати, разомлевший, усталый после школы.

Чтобы испечь каждую чапати, требовалось три минуты. Мать часто говорила Ракешу, что на кухне он будет есть с бо́льшим аппетитом. Да, на кухне ты ешь чапати без счета, по мере того как они сходят с черной железной сковороды.

Ракеш чувствовал, как к нему возвращается аппетит детских лет. Он ел и ел, удивляясь, как не лопнет его набитый до отказа желудок.

За едой хозяин и гость продолжали толковать о прежних временах, у каждого появлялись все новые воспоминания, приятные и горькие воспоминания прошлого. Они описывали оба дома, кирпич за кирпичом. Говорили о своих семьях и о жизни до раздела страны. Они беседовали об Индии и Пакистане, о кровавых событиях, о бегстве из родных городов, о невеселом приюте, который они нашли на чужбине, о тысячах мелких подробностей, то и дело встававших из темных закоулков памяти.

Обедали целый час. Потом омыли руки под кухонным краном.

— Не желаете ли прогуляться? — предложил старик.

— Нет, — покачал головой Ракеш, — мне так хорошо здесь. Не хочется уходить. Там темные, неосвещенные дома. Ведь ночь Дивали — это самая темная ночь в году: на небе ни луны, ни звезд. Если я выйду на улицу, мне будет больно. Я начну снова думать о старых временах, когда в праздник Дивали тысячи огней сверкали в городе. Нет, я не хочу вспоминать прошлое. Не хочу тоски и печали. Зачем мне чувствовать себя как в чужой стране? Здесь, в этих стенах, я знаю, что я дома.

— Ну, ну, не надо давать воли чувствам,— сказал старый человек.

Он взял Ракеша за руку и осторожно повел его к двери. Ракеш шел неохотно, только потому, что не хотел доставить неудовольствия гостеприимному хозяину. Вместе они прошли через темный коридор и вышли на улицу.

И вдруг море света ударило в глаза Ракешу. Это был свет какой-нибудь сотни светильников, но в темном, неосвещенном городе они показались величественной иллюминацией. Они горели на окнах, на крыше, на ступеньках крыльца, пламя каждого глиняного кувшинчика мягко трепетало в свежем ветерке, и все вокруг было залито светом. Огни на его доме в ночь Дивали, на его родном доме! Одно только здание во всем городе стояло в световом уборе — гордость Лахора, как в те незабываемые дни, когда ни один дом не мог тягаться с ним. Это был сон, ставший явью, это было чудо!

Ракеш растерянно мигал, свет ослепил его. Весь этот привычный блеск мешали ему увидеть слезы, вдруг наполнившие глаза. Это были слезы счастья, они словно смывали тоску с его сердца.

Видение двоилось, трепетало. Его вдруг охватило сомнение: чей же это дом, мусульманина или индуса? А может быть, и вовсе не было раздела? Где он сам: в Лахоре или в Дели? А эта женщина там, в доме,— была ли это случайная знакомая или его мать, которая посетила его в эту ночь Дивали? Живет ли он в прошлом? Или в настоящем? Или в будущем?

Но вот видение перестало двоиться и мерцать. Очертания огней приобрели реальность, и правда снова проникла в сознание Ракеша. Счастливый, удивленный, все еще плачущий, он обернулся к старику.

— Вы... вы это сделали для меня? — Голос его прерывался, в горле стоял комок.

— Нет, это не я. Это сделали служанка и садовник, — ответил старик, мягко сжимая пальцы гостя своей сильной рукой.— И не только для вас. Они сделали это для меня. Они украсили дом огнями, чтобы угодить моему гостю и чтобы я мог лучше приветствовать его. Это ваши светильники, служанка взяла их из каморки под лестницей, пока мы обедали.

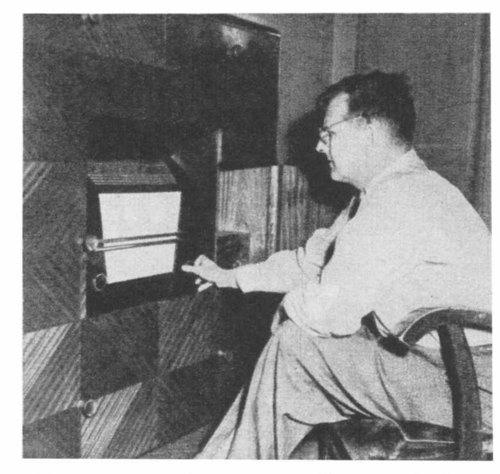
Из кухни вышла жена старика, она пошла с ними рядом по усыпанной гравием дорожке. Потом все трое остановились и долго стояли в молчании. Душа каждого была согрета счастьем. А светильники Дивали горели гордо, как бы возвещая мир и братство между людьми.

Там, где была тьма, воссиял свет.

Перевел с английского Л. ЧЕРНЯВСКИЙ.

[1] Мера веса в Индии (примечание автора).

У ДМИТРИЯ ШОСТАКОВИЧА

Начался новый концертный сезон. В Большом зале консерватории в Москве на открытии были исполнены Одиннадцатая симфония Д. Д. Шостаковича и его кантата «Над Родиной нашей солнце сияет». Над чем сейчас работает композитор? С этим вопросом мы обратились к Дмитрию Дмитриевичу.

— Заканчиваю оперетту «Москва — Черемушки», посвященную славным нашим строителям,— говорит Дмитрий Дмитриевич.— Кроме того, инструментирую в сокращенной редакции оперу Мусоргского «Хованщина», которая сейчас экранизируется киностудией. В ближайшие дни собираюсь в Финляндию.

В конце сентября Шостаковичу была присуждена премия великого финского композитора Яна Сибелиуса. Присуждение это совпало с первой годовщиной со дня смерти Сибелиуса, который с большим уважением относился к творчеству Шостаковича.

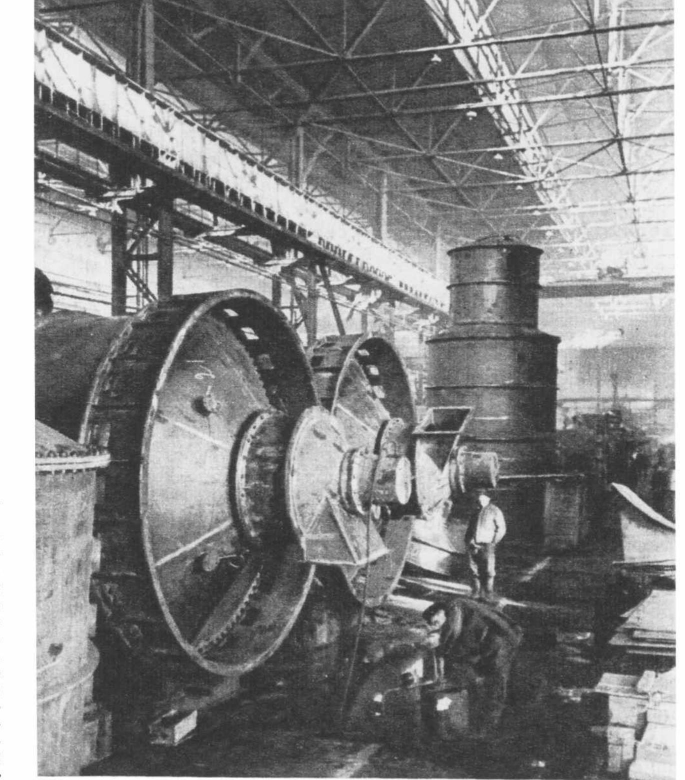
25 сентября 1956 года, когда отмечалось 50-летие Шостаковича, в потоке телеграмм со всего мира было поздравление из Финляндии: «Гениальному композитору шлю свои сердечные поздравления. Ян Сибелиус».

Мы сидим в кабинете композитора. Здесь два концертных рояля; за ними Дмитрий Шостакович создает свою музыку. Тут была написана и Одиннадцатая симфония, удостоенная Ленинской премии.

На стенах портреты великих музыкантов мира, гравюры. Всюду ноты, клавиры. Есть здесь и шахматный столик: Шостакович большой любитель шахмат и часто свободное время проводит за доской. Страстный поклонник спорта, он успевает посещать футбольные матчи и даже написал несколько статей о сражениях на футбольном поле.

У композитора много дел и обязанностей: он депутат Верховного Совета РСФСР, секретарь Союза композиторов СССР, член Советского комитета защиты мира. Творчество лауреата Международной премии мира Дмитрия Дмитриевича Шостаковича высоко чтят за рубежом. Первым из иностранцев он во Франции был провозглашен «командором французского ордена искусств и литературы». Он является членом итальянской академии «Санта Чечилия» и шведской Королевской музыкальной академии, членом-корреспондентом немецкой Академии искусств. Мы уже сообщали, что в этом году Дмитрий Дмитриевич был избран почетным доктором музыки Оксфордского университета.

Ан. ФИНОГЕНОВ.
Фото О. Цесарского.

Сборка вакуумных аппаратов для сахарной промышленности в цехе тяжелой химической аппаратуры.
Фото И. Тюфякова.

ГАМАРДЖВЕБА—ПОБЕДА

Гамарджвеба — село целинное. Оно возникло пять лет назад в пустынной Самгорской степи. С помощью государства колхозники построили здесь полтысячи домов, поселились, начали хозяйствовать на земле, возродили ее к жизни.

Характерная особенность грузинской целины: Самгорскую степь осваивают люди, спустившиеся с гор.

— Вот это черемцы,— показывает на мужчин в круглых кахетинских шапочках председатель колхоза — тридцатитысячник Акакий Габриелович Имнадзе.— Село Черемни находилось в труднодоступной местности. Наладить сносное сообщение с долиной было невозможно. Экономика и культура черемского хозяйства очень отставали. Как только началось заселение Самгори, черемцы все, как один, снялись с насиженных мест, куда их много веков назад загнали княжеские междоусобицы...

Вместе с А. Г. Имнадзе мы шли по виноградникам, на которых начался массовый сбор урожая. В междурядьях от лозы к лозе передвигались женщины в ярко расшитых кафтанах, с затейливыми головными повязками и в толстых шерстяных чулках.

— А это шатильцы из высокогорной Хевсуретии,— сказал Имнадзе.

Шатили! Так и встают перед глазами ветхие лачуги, словно ласточкины гнезда, прилепившиеся к скалам. На полотнах художников они выглядели экзотично. Но как там можно было жить! И чем питаться в горах, если ты не птица! В Шатили издавна снаряжались экспедиции, этнографы возвращались оттуда с богатой «добычей» — предметами домашнего обихода многовековой давности. История! А теперь, совсем недавно, собрались шатильцы из Самгори всем колхозом на экскурсию в музей Грузии поглядеть на свое недавнее прошлое.

Теперь новая история недавних горцев продолжается уже не в горах, а на степной целине.

Женщины проворно срывали с лоз грозди ягод, налитые соками возрожденной самгорской земли. Отличный виноград родится на почвах Самгори.

Да и не только виноград... Акакий Габриелович советует нам записать: кукуруза, пшеница, рожь, свекла, картофель, помидоры, капуста, огурцы, арбузы, слива, персики, яблоки, груши, хурма, клубника... Все это растет и дает плоды на земле, где недавно росла одна только трава.

Несколько лет тому назад гамарджвебские коровы давали в среднем по 227 литров молока в год. Ныне среднегодовой удой не менее 1 500 литров.

Двадцать тысяч птиц — в вольерах колхозной птицефермы. Каждая из 5 тысяч несушек дает колхозу в среднем по 122 яйца. К концу года здесь будет 10 тысяч несушек.

Появляется и новая отрасль колхозного производства — шелководство. На 12 тысячах кустарников простой шелковицы привит высокоурожайный сорт «Грузия».

Когда гамарджвебцы организовывали в своем селе колхоз, страна жила решениями XIX партийного съезда. В честь съезда и назвали первое коллективное хозяйство в Самгори. За ним возникли другие артели, появились совхозы, птицеплеменное хозяйство. А сегодня, в преддверии XXI съезда КПСС, степь принимает уже обжитой вид. Недалеко от Гамарджвебы на площади в 8 тысяч гектаров создается новый совхоз. К «старожилам» степи приходят посоветоваться, посмотреть...

Часто в таких случаях гостей принимает у себя Георгий Абесадзе — уроженец Черемни, недавний горец. На войне — это было под Смоленском — Георгий потерял обе ноги и в колхозе работает учетчиком. Четыре года назад возле своей веранды он посадил виноградную лозу сорта «Гамарджвеба» (что означает «Победа»). В этом году она дала 304 крупные грозди великолепного черного винограда. Урожай с лозы потянет самое малое 80 килограммов!

— Вот она какая, наша целина, виноградная! — говорят в Гамарджвебе.

И. МЕСХИ

Хевсурки, уроженки гор, Мзекала и Буба Чинчараули раньше и не видели, как растет виноград. А теперь они возделывают его сами.
Фото В. Джейранова.

РОЖДАЮТСЯ НОВЫЕ МАШИНЫ

— Вырез на этой юбке надо бы сделать клином....

— А как же она будет держаться?

— Вот на этих швах. Кстати, рубашку тоже, видимо, надо будет переделать...

Разговор этот происходил в комнате, уставленной чертежными досками, и вели его... конструкторы Уральского завода химического машиностроения. «Юбки», «рубашки», «рукава», конечно, из металла: это названия деталей и частей аппаратов и машин, которые изготовляются сейчас заводом для предприятий химической промышленности. Многие из этих агрегатов предназначены выпускать сырье для искусственной ткани, из которой будут шить настоящие юбки, рубашки — массу всякой одежды.

— Наш завод,— рассказал главный инженер Александр Валерианович Курамжин,— уже сейчас дает много оборудования для химической промышленности страны. Теперь перед нами поставлена задача не только увеличить выпуск уже освоенных изделий, но и создать новые, более совершенные типы машин. Семь новых видов химических агрегатов для получения пластмасс, сырья искусственного волокна, другую сложную технику готовит коллектив завода в подарок XXI съезду Коммунистической партии. Готовясь к съезду, мы обязались выпустить химическое оборудование сверх годового плана.

...Массивные корпуса цехов образуют длинную улицу.

В механосборочном цехе мы увидели уходящее почти под самую крышу цилиндрическое сооружение. Это реактор агрегата для получения полиэтилена. Под высоким давлением в результате сложных реакций этилен превращается в пластические массы. Установка такого типа, отличающаяся особенно быстрым процессом полимеризации, изготовляется впервые в нашей стране и предназначена для нового полиэтиленового цеха Свердловского завода пластмасс. Установку собирает бригада слесарей-сборщиков Виктора Вачкова.

Приступают на заводе к сборке и второго подобного агрегата для Уфимского завода. Мощность его будет вдвое больше.

А вот аппараты, которые превращают отходы хлопка, не используемые текстильной промышленностью, в ацетилцеллюлозу — основной продукт для производства ацетатного шелка, негорючей кинопленки и пластмассы «этрол».

В цехе тяжелой химической аппаратуры создается агрегат, который на заводе называют братским. Продукция, которую он будет выпускать, предназначена для Братской ГЭС. Для этой гигантской электростанции потребуется кабель с изоляцией особой прочности и стойкости. Новая аппаратура — огромная вакуум-установка для пропитки кабеля специальным раствором.

Все новые машины — плод творческого труда многотысячного коллектива. Бригада слесарей-сборщиков во главе с коммунистом Петром Деминым решила ежедневно выполнять не менее двух норм. В конце сентября на заводской доске показателей против фамилии Демина появилась цифра «280 процентов» — почти три нормы за смену!

Героем соревнования в честь XXI съезда партии стал и Владимир Скачков. Еще в прошлом году он был сержантом-танкистом, а теперь — лучший разметчик цеха. Днем работает, вечером учится в девятом классе. Уже в сентябре он выполнил годовую норму, а в оставшиеся до съезда четыре месяца решил «прихватить» еще половину годового плана.

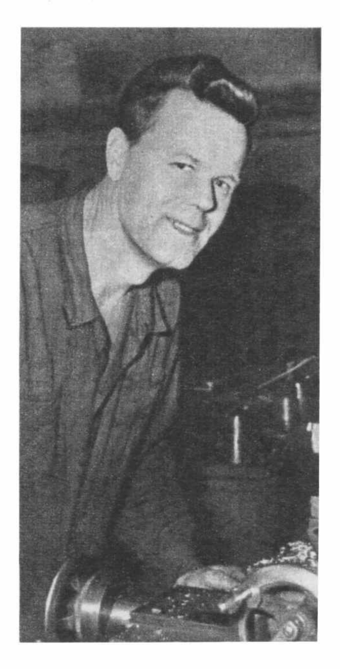
Василий Павлович Попов, о котором с таким уважением рассказывают товарищи, несколько лет назад был фрезеровщиком. Работал на нескольких станках и одновременно учился: сначала в школе, потом в машиностроительном техникуме. И вот стал Попов инициатором механизации всех трудоемких и вспомогательных операций.

Результаты его инициативы налицо: за семь месяцев в цехе внедрено 186 предложений рабочих по «малой механизации», сэкономлено почти семьсот тысяч рублей.

...Все чаще и чаще с заводской территории уходят вагоны с грузом. В разные концы страны на химические предприятия идут машины большой химии. Их творцы — рабочие и инженеры Уралхиммаша — стоят на предсъездовской трудовой вахте.

А. ГРИГОРЬЕВ

Токарь Булгаков у своего станка

Токарь Киевского вагоноремонтного завода имени Январского восстания 1918 года Н. К. Булгаков.

Фото Я. Давидзона.

Его фотография была помещена в газетах. Наше знакомство, собственно, с нее и началось. Со снимка смотрел человек в спецовке, с чуть усталым, спокойным лицом, с веером морщинок у прищуренных глаз. Краткая подпись гласила, что Николай Булгаков в честь подготовки к XXI съезду партии выполняет до двух норм в смену.

Николай Булгаков работает в ремонтно-механическом цехе. В таких вспомогательных цехах всегда встречаются виртуозы своего дела: ведь ремонт машин требует универсальной выучки.

И вот мы встретились у станка. Николай Карпович Булгаков только что сдал выточенный им фланец и принялся за новую работу. На сей раз ему попался выстроганный из бронзы вкладыш, в котором надо было нарезать резьбу ленточную, двухзаходную, да не по чертежу, а по месту, то есть с пригонкой по винту. Операция не из простых.

— Сколько времени потребуется на эту работу?

— По нормам — четыре часа. Но я постараюсь уложиться в два.

И уложился! К обеденному перерыву Булгаков сделал все, как задумал.

Мы стоим на заводском дворе, беседуем с Николаем Карповичем. Перед нами корпуса старейшего завода, известного своими революционными традициями. Здесь, в цехах Киевского вагоноремонтного, работал когда-то Николай Островский.

— Почти тридцать лет топчу сюда дорожку,— рассказывал Булгаков.— Всю жизнь в одном цехе, не люблю менять места. А станки менял не раз. Но тут уж технические причины. Новая техника в цехи идет. Помню, в паутине был когда-то наш цех — в паутине трансмиссий. А теперь, когда иной раз станешь об этом говорить ученикам, удивляются: старина это для них.

— Много ли у вас учеников, Николай Карпович?

— Руковожу токарной группой в подшефной школе. В прошлом году двадцать пять токарей выпустил. Вместе с аттестатом зрелости и профессию получили ребята.

Десять лет подряд коммунисты ремонтного цеха избирают Н. К. Булгакова своим вожаком. Всегда он вместе с народом, учит товарищей, помогает личным примером.

— Каждый к съезду готовится,— говорит Булгаков.— Внешне это, может, и не сразу заметно, а по работе чувствуется. Каждый думает о завтрашнем дне Родины...

В. ШУМОВ

Вайке Коткас (третья слева) проводит занятия на курсах по домоводству в поселке Кохила.

Фото С. Розенфельда.

Для колхозного домоводства

Должность Вайке Коткас пока трудно точно назвать: она и инструктор по домоводству в колхозах, и редактор нового журнала «Бюллетень культуры труда и жилища», и инспектор по детским садам.

Она рассказывает:

— Потребности на селе так возросли, что сейчас пора подумать о воспитании хорошего вкуса, об умении обставить дом, сварить вкусную пищу, сшить хорошее платье. Надо позаботиться о культуре быта и труда в сельских общественных учреждениях — в правлениях колхозов, в совхозах, в детских учреждениях, в народных домах.

Вайке Коткас работает в Министерстве сельского хозяйства Эстонии всего год. Весь этот год ее трудно было застать в кабинете: она ездила по районам и проводила краткосрочные курсы домоводства для колхозниц. Она учила курсанток умению одеваться, рассказывала об основах общественного и семейного питания, о санитарии и гигиене жилища, о приусадебном садоводстве.

У Вайке Коткас много друзей, и первым из них она называет Эрну Виск — секретаря Пайдеского райкома партии, энергичную женщину, много занимающуюся организацией культурной жизни села. К людям, по-настоящему увлеченным какой-нибудь нужной и полезной идеей, всегда тянется много энтузиастов. Так появился в Пайдеском райисполкоме внештатный инструктор по домоводству Нина Ярве. Она организовала в колхозах двадцать два кружка по домоводству, в которых занимается больше четырехсот колхозниц; не забыты и мужчины — при Пайдеском стройтресте работает мужской кружок по изготовлению мебели.

Интересным было организованное Министерством сельского хозяйства республики совещание по домоводству в Вятсаском сельсовете, Пайдеского района. Была устроена выставка, сделаны доклады о развитии строительства на селе, об организации детских учреждений, об общественном и семейном питании, о мебели и обстановке жилища, о санитарии и гигиене на селе.

Самым же интересным было, конечно, соревнование хозяек: женщина должна была почистить и сварить картофель, починить детские штанишки и передник, накрыть на стол и накормить двух детей, вымыть посуду и одеться на работу. Во внимание принимались чистота, быстрота, экономичность, спокойное поведение с детьми. Победительнице соревнования — Урсуле Пиндре была вручена премия — пылесос.

Пайдеские женщины пригласили к себе гостью из Москвы — свою бывшую землячку Екатерину Ивановну Калинину, вдову Михаила Ивановича Калинина, уроженку здешних мест. Екатерине Ивановне очень понравилась и выставка и вся работа кружков домоводства.

В Эстонии Министерство сельского хозяйства открывает школу, которая будет готовить специалистов для колхозного домоводства.

Н. ХРАБРОВА

Моряки двух поколений

Слева направо — старший помощник капитана парусного барка «Товарищ» Л. Г. Соколов, помощник капитана В. А. Федоров, заслуженные капитаны дальнего плавания С. И. Ушаков, А. И. Бочек, И. А. Ман.

«Дорогие юные друзья, будущие судоводители морского флота! Мы, представители старшего поколения советских моряков, шлем вам привет и пожелания счастливого плавания!

С волнением вспоминаем мы время, когда на вантах и реях парусных судов мы познавали море».

С таким приветствием обратились старейшие капитаны дальнего плавания — А. Бочек, А. Кремлянский, И. Ман, Г. Мезенцов, С. Ушаков и другие — к курсантам мореходных училищ, проходящим практику на парусном барке «Товарищ» в Атлантическом океане.

Встретившись с ветеранами флота, штурман Л. Соколов — участник недавнего семимесячного плавания «Товарища» вокруг Африки — рассказал:

— Особенно труден был сорокадневный переход из Джакарты до Кейптауна... Мы находились у берегов Южной Африки на траверзе порта Элизабет, когда весь горизонт обложило тяжелыми тучами, начался шторм. Огромной волной, обрушившейся на корму, разбило и унесло за борт шлюпку.

В воздухе висела сплошная пелена из водяных брызг. Казалось, океан и небо слились в одно целое. При качке крен судна превышал 40 градусов.

Был момент — на фок-мачте отдало крепление бом-брамселя. Парус растрепало ветром. Нельзя было медлить ни минуты: могло обломить мачту. Матросы Тишель и Щеголев почти полчаса работали на тридцатиметровой высоте, ежесекундно рискуя жизнью, пока наконец закрепили парус.

При непрекращающемся шторме, к общему восхищению встречавших нас на набережной жителей Кейптауна, мы благополучно вошли в порт.

Ф. КОРОТКЕВИЧ

Советские фильмы на экранах Камбоджи

В столице Камбоджи Пном-Пене и других городах страны с большим успехом демонстрируются советские художественные и документальные фильмы. В их числе: «Чемпион мира», «Бессмертный гарнизон», «Мексиканец»; документальные фильмы: «Праздник нашей молодости», «Старт дан» (о Третьих международных спортивных играх молодежи) и другие.

С огромным успехом демонстрировался фильм «Первые советские спутники Земли». В кинотеатре «Кимфонг» задолго до начала сеансов распродавались все билеты.

В октябре в Пном-Пене состоится неделя показа советских кинокартин. Будет показан фильм «Летят журавли», широкоэкранный фильм «Илья Муромец».

Л. ВОЛЬНОВ

Билеты проданы... Сотни людей собрались у входа в кинотеатр «Кимфонг» в Пном-Пене, где демонстрировался советский фильм.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ЗАГОВОР

И. БЕЛЯЕВ

24 сентября, в день официальной церемонии передачи власти президенту Ливанской Республики генералу Фуаду Шехабу, некоторые бейрутские утренние газеты, активно поддерживающие бывшего президента, Шамуна, под кричащими заголовками сообщали, что Объединенная Арабская Республика якобы готовит... военный переворот против нового президента. Эти провокационные измышления, разумеется, имели целью сбить с толку общественное мнение страны. Их появление на страницах столичной прессы было лишь одним из звеньев очередного империалистического заговора против ливанского и иорданского народов.

...Фуад Лахуд не случайно заслужил прозвище «кровавого полковника». В дни борьбы ливанских патриотов против антинационального, продажного режима Шамуна—Сольха он прославился своими зверствами в отношении сотен повстанцев, мужественно сражавшихся на юге страны.

Фуад Лахуд был военной тенью Шамуна; он всегда послушно исполнял любые приказы как самого президента, так и его английских и американских хозяев. И когда в недрах американской разведки был выработан план заговора против нового президента Ливанской Республики, Фуада Шехаба, среди тех, которые должны были его осуществить, кандидатура Фуада Лахуда была названа первой. Согласно этому плану, заговорщики должны были 24 сентября арестовать нового президента, образовать военное «правительство», послушно следующее политике США и Англии, и провести кампанию жестоких репрессий против прогрессивных сил страны.

На пост председателя военной хунты намеревались снова водворить Шамуна, а в случае решительного сопротивления со стороны народа «избрать» с помощью подкупленных депутатов парламента президентом его друга и единомышленника, брата «кровавого полковника», Селима Лахуда.

Полковник Фуад Лахуд дважды — в одном из плавательных бассейнов Бейрута и в бейрутском международном аэропорте Хальда — встречался с американскими офицерами, от которых получил соответствующие инструкции. Последние детали заговора Фуад Лахуд согласовал лично с Шамуном.

По рекомендации американцев Фуад Лахуд пустился на чудовищную провокацию. Он выехал в Дамаск, где рассказал руководящим деятелям Сирийского района Объединенной Арабской Республики о готовящемся заговоре против Фуада Шехаба и предложил с помощью армии совершить в Ливане государственный переворот... в пользу ОАР. При этом он особо подчеркнул, что созданное им «военное правительство» немедленно-де сделает заявление о признании идеи арабского единства и присоединении Ливана к Объединенной Арабской Республике.

Но заговорщики сами попали в ловушку, которую они готовили для Шехаба и арабских патриотов. В Дамаске Фуаду Лахуду, конечно, не поверили и немедленно сообщили обо всем Шехабу, предоставив ему магнитофонную пленку с полной записью разговора с Лахудом.

Получив неопровержимое доказательство измены Фуада Лахуда национальному делу, новый президент Ливана 23 сентября, то есть за день до намеченного срока осуществления заговора, отдал приказ об аресте «кровавого полковника». Вместе с Фуадом Лахудом были арестованы полковник Анвар Карам, отдавший приказ об артиллерийском обстреле города Триполи, бывшего в дни народного восстания одним из наиболее боевых его центров. Были взяты под стражу и некоторые другие военные и гражданские лица. Все они были препровождены в лагерь «Фаядия», где по их делу началось следствие.

Вопреки маневрам Шамуна и его покровителей ему пришлось 24 сентября покинуть президентский дворец. Новый президент, генерал Фуад Шехаб, в своем выступлении подчеркнул, что страна сможет обрести спокойствие только в случае, если последний иностранный солдат покинет ливанскую землю. В числе первых его государственных актов было назначение на пост главы нового правительства Ливана одного из лидеров оппозиции, руководителя повстанцев в Триполи, известного ливанского государственного деятеля патриота Рашида Караме. Караме столь же решительно потребовал вывода войск Соединенных Штатов Америки из Ливана.

Новые руководители заявили о своем стремлении как можно скорее восстановить связи Ливана с братскими арабскими странами, возродить политическую, деловую и общественную жизнь в стране. Но реакция и ее империалистические вдохновители из США и Англии решили сорвать осуществление программы правительства Рашида Караме, спровоцировать смуту, создать новый предлог для оставления американских войск в Ливане.

Посол США в Ливане Роберт Маклинток нагло потребовал включения в новое правительство представителей ливанской реакции. Когда Рашид Караме с негодованием отверг это требование, в ход было пущено такое испытанное провокационное средство, как разжигание религиозной вражды.

В отличие от других арабских стран в Ливане большинство населения (около 56%) составляют христиане: католики-марониты, православные, грекокатолики, протестанты и многие другие общины. Самой большой из них является маронитская. Ее глава патриарх Булос Мауши в дни народного восстания занял национальную позицию, выступив против проимпериалистического режима Шамуна—Сольха, за арабский Ливан, за его тесные связи со свободными арабскими странами. Этим он вызвал к себе ненависть правящих кругов США и Англии, объявивших его чуть ли не коммунистом.

Одним из орудий заговора империалистов явились ливанские фалангисты («Катаэб») — партия, располагающая вооруженными военными отрядами фашистского образца, созданная накануне второй мировой войны французскими оккупационными властями с целью использования ее против мусульманского населения. Заявив, что фалангистов не устраивает «баррикадный» премьер, как они называют Рашида Караме, лидер «Катаэба» Пьер Жмаель, давно известный своими тесными связями с Вашингтоном и Лондоном, отдал приказ своим молодчикам провоцировать беспорядки в Бейруте. С криками «Долой правительство Караме!» вооруженные фашисты высыпали на улицы ливанской столицы, начали громить магазины, поджигать автомашины, загонять население в дома, строить баррикады. Снова загремели в Бейруте выстрелы.

По приказу президента Фуада Шехаба против провокаторов были двинуты некоторые армейские части, которые восстановили порядок на дорогах, соединяющих ливанскую столицу с главными городами страны. Однако напряженное положение в Бейруте сохраняется до сих пор.

Подлинными режиссерами событий явились американское и английское посольства в Бейруте. В самый разгар беспорядков посол США Роберт Маклинток предложил свои услуги в качестве «посредника» между правительством Караме и фалангистами. Одновременно английские дипломаты повели обработку части депутатов ливанского парламента с целью провалить правительство Караме.

Ливанская реакция готова пустить в ход и последний свой резерв — членов запрещенной законом сирийской национально-социальной партии. Созданная по муссолиниевскому образцу, эта партия всегда играла роль ударной силы антинародных элементов страны. Руками ее агентов были убиты помощник начальника генерального штаба сирийской армии полковник Аднан Малики и десятки других честных ливанских и сирийских патриотов.

В дни всенародного восстания в Ливане летом этого года эти банды были верными псами Шамуна и империалистов США и Англии, на деньги которых они существуют. Сирийская национально-социальная партия заключила соглашение о тесном сотрудничестве с Турцией. Представлявший ее адвокат Иса Саляма заверил турецкое посольство, что в случае прихода его партии к власти она будет поддерживать требование Турции о передаче ей важного экономического, политического и культурного центра Сирийского района ОАР — города Халеба. Взамен турецкое посольство обязалось выплачивать этой партии ежегодно денежную субсидию. В Вашингтоне ее представители тоже клянчат сейчас у госдепартамента оружие и доллары.

Во имя каких целей все это делается? Лучшим ответом служит заявление официального представителя правительства США от 4 октября. Этот представитель подчеркнул, что «из-за напряженного политического положения в Ливане» вывод находящихся там американских оккупационных войск «откладывается».

Не менее прост и секрет участия Англии во всех этих провокационных действиях в Ливане. Желая не допустить вывода английских войск из Иордании, Лондон намерен задержать их эвакуацию, ссылаясь на напряженное положение в Ливане. Как говорится, рука руку моет!

И в Англии и в США все понимают, что как только английские войска уйдут из Иордании, режим короля Хусейна разлетится вдребезги. Подчеркивая его безнадежное положение, американский журнал «Тайм» сообщил в своем последнем номере примечательный факт: на днях в Лондон прибыла для продажи автомашина «Линкольн-Континенталь» модели 1956 года; бывший владелец — король Хусейн, цена — 12 750 долларов, причина продажи — пулепроницаемость. Комментарии, как говорится, излишни...

Нетрудно вспомнить, какие потоки слов изливали американские политики, уверяя, что войска США покинут ливанскую и иорданскую земли, как только этого потребует законное правительство Ливана. До тех пор, пока в Ливане у власти находился Шамун, американцам удавалось жонглировать этим фальшивым аргументом, обманывая мировое общественное мнение. Но после того, как 24 сентября новый президент Ливанской Республики, Фуад Шехаб, приступил к исполнению своих обязанностей, а на смену правительству предателя Сами Сольха пришло правительство Рашида Караме, потребовавшего незамедлительного вывода американских войск из Ливана, даже этого аргумента больше не существует.

Арабские патриоты с негодованием отвергают империалистическую игру США и Англии. Они видят в ней новый заговор колонизаторов против их свободы и независимости.

Каирская газета «Аль-Маса» писала, что в политике империалистических держав в этом районе мира ничего не изменилось. Их уклончивые декларации о предстоящем начале вывода войск из Ливана и Иордании газета называет «обманом, с помощью которого они хотят усыпить бдительность общественного мнения в арабских странах и во всем мире, выиграть время для расширения рамок своей прямой агрессии».

Общественность арабских стран единодушно требует немедленного ухода американских и английских оккупантов из Ливана и Иордании.

Каир.

БЫВАЕТ И ТАК...

Этот случай произошел в третью зимовку советской Антарктической экспедиции. В Мирном заведена хорошая традиция отмечать день рождения каждого зимовщика. Друзья и коллеги собираются за накрытым столом в домике, где живет виновник торжества, а цех питания преподносит ему именной торт.

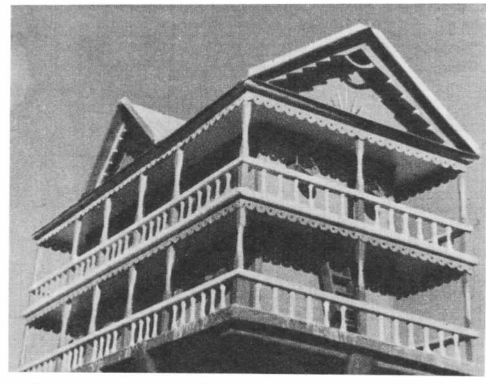
Один из синоптиков праздновал свой день рождения. Хозяин не спешил приглашать гостей к столу, так как ему надо было сходить на радиоцентр для очередного разговора с близлежащей иностранной станцией (для этого ежедневно отводились определенные часы).

Пока синоптик вел переговоры со своим коллегой, на поселок налетел сильный ураган. Сейчас же по радио был объявлен приказ начальника экспедиции никому не выходить из домов. Ураган продолжался несколько часов. Видя, что из домика не выбраться, синоптик по телефону дал команду своим товарищам «начинать без него». Пришлось ему принимать поздравления по телефону.

К утру ураган стих. Вернувшись домой, синоптик застал крепко спавших товарищей. На столе лежала бумажка: «Когда придешь, разбуди. Поздравим лично».

П. СМИРНОВ

Многоквартирный скворечник

Многоквартирный скворечник мне удалось увидеть на рыболовецкой тоне «Краснознаменной». Изготовил его потомственный рыбак Федор Семенович Злобин.

А. ЛЫСЯКОВ,
фотокорреспондент газеты «Комсомолец Каспия».

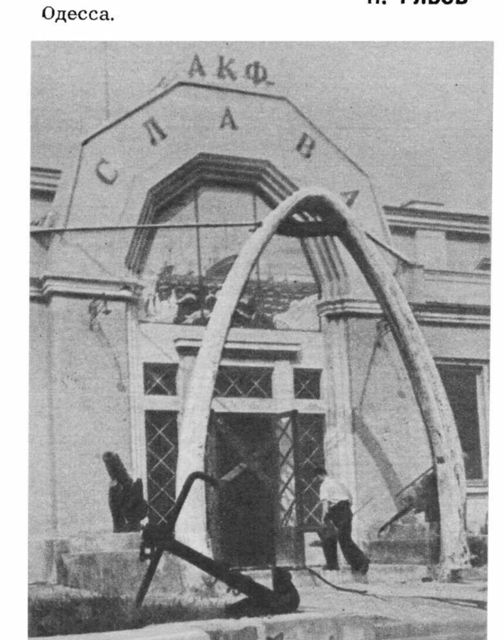
Астрахань.

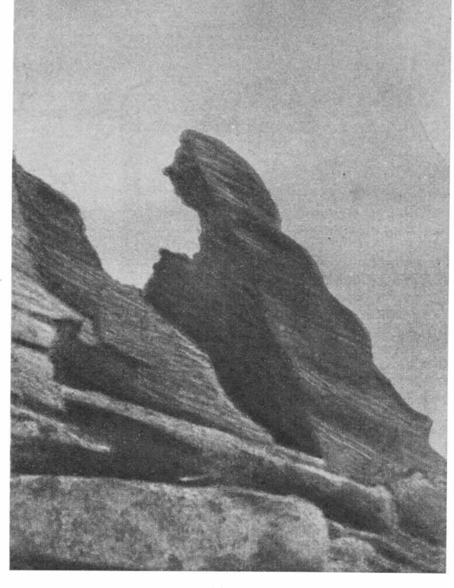
Из челюсти кита

Несколько лет назад в одесском парке «Победа» был построен павильон антарктической китобойной флотилии «Слава». Перед входом в павильон установлена своеобразная арка. Это — челюсть огромного кита-кашалота. Она концами уходит в цемент, а сверху прикреплена к зданию железными прутьями.

Н. РЯБОВ

Одесса.

ГРАНИТНЫЙ ГУЛЛИВЕР

Этого гранитного великана мы увидели на Чукотке, в верховьях реки Люпвеем. В результате выветривания скала приобрела облик человека. Мы назвали гранитную «скульптуру» Гулливером.

Геологи Ю. ПОЛИВКО, Н. ПРИЛУЦКИЙ

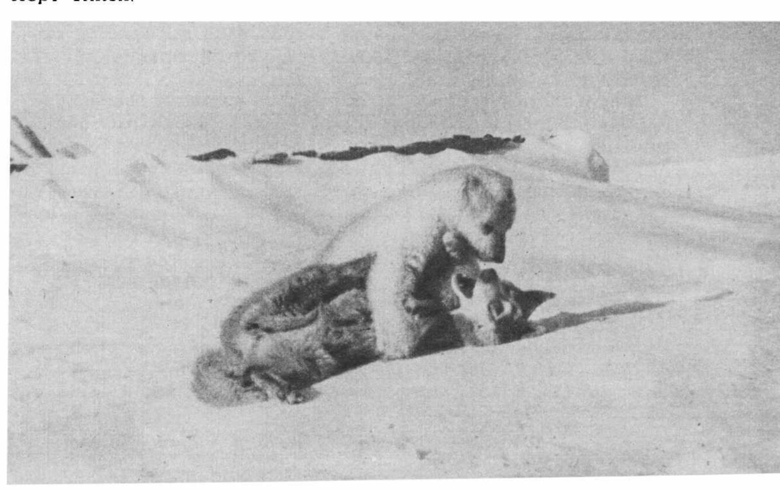
Сеймчан, Магаданской области.

ВОЛЬНАЯ БОРЬБА НА СНЕГУ

С полярной станции мыса Буорхая (это в ста шестидесяти километрах восточнее порта Тикси) друзья-зимовщики прислали нам с мамой смешной снимок. Посмотрите, как медвежонок играет с собакой! Забавно, да?

Валентина ВЛАСОВА,
ученица 10-го класса.

Порт Тикси.

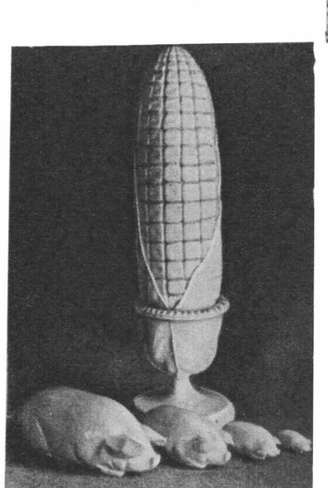
Окольцованный лосенок

В шестидесяти километрах от Новосибирска мы встретили в лесу лосиху с лосенком. Лосиха скрылась в густых зарослях. Пробовал убежать и лосенок, да тонкие ножки оказались непослушными и быстро устали. Малыш оказался очень доверчивым, и мы с товарищем окольцевали его. Во время процедуры мать то и дело выглядывала из зарослей. Потом лосенок с сережкой № 65553 серия «В» лизнул нам на прощание руки и направился к матери.

Б. ЮДИН,
научный сотрудник Западно-Сибирского филиала АН СССР.

Новосибирск.

Искусство резчика

Это работа резчика по дереву Д. Н. Мазина из города Семенова, Горьковской области. Мастер подготовил ее к выставке «Советская Россия» и назвал так: «Что дает кукуруза». Кусок дерева резчик превратил в початок кукурузы, который раскрывается, как шкатулка. Внутрь початка вложена свинья, в ней свинья меньшего размера и т. д.

В. БОЧКАРЕВ

Семенов.

МЕТКИЕ НАЗВАНИЯ

Березит, камышит, ильменит... Множество минералов получили свое наименование от различных пунктов Урала. Ревдинскит — водный никель-магнезиальный силикат — был впервые обнаружен возле города Ревда, Свердловской области. В Саранском руднике, Пермской области, академик А. Е. Ферсман нашел минерал саранит. Он обладает любопытной особенностью: при искусственном освещении меняет свою окраску, обычно зеленую, на фиолетовую или малиновую. Титанистый железняк ильменит назван так по Ильменским горам, расположенным на территории Ильменского заповедника.

Из перечня подобных уральских наименований можно составить целую книжечку, настолько их много.

Меткие народные названия носят многие реки, озера и населенные пункты. Боевка — речка в Багарякском районе, Челябинской области, отличается бойкостью своего течения. Громотухой называют горную речку, стекающую с горы Уреньга в Златоусте: чуть выпадет дождь, она превращается в грозный поток. Скакуха — река в Ольховском районе, Курганской области. Круто падая, она как бы скачет с одного уступа на другой. Деревню на берегу Вишеры называют Говорухой. Она расположена у горы «Говорливый камень», знаменитой своим эхом.

Вл. БИРЮКОВ

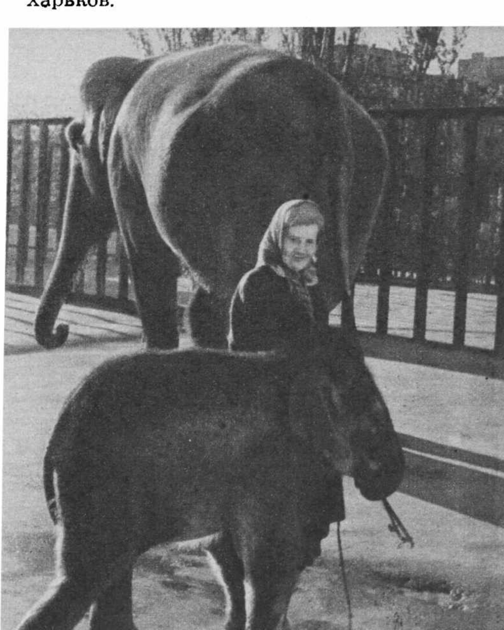
Шадринск.

СЛОНЕНОК РОДИЛСЯ В НЕВОЛЕ

На улицах Харькова появились афиши, приглашающие горожан в зоологический парк посмотреть новорожденного — слоненка Харьковчанку. Она доставляет много удовольствия посетителям и особенно детворе. Родители Харьковчанки — индийские слоны Майка и Бакзал. Майка прибыла в украинский город в 1947 году из Лейпцигского зоопарка. Бакзал — подарок харьковчанам от правительства Демократической Республики Вьетнам. Когда-то этот слон находился в армии и использовался для переброски грузов.

Б. АКСЕЛЬРАД

Харьков.

Почему мы так говорим

Клетка

В железных клетках держат зверей в цирках. В клетках везут в город колхозники кур и гусей.

Когда-то на Руси клеть была неотапливаемым жилым помещением. Слово это впервые встречается в Киевской летописи под 946 годом. Позже в «Русской правде» клеть упоминается много раз.

Знают клеть в различных значениях и другие славянские народы: болгары, поляки, сербы, чехи... Слово это очень древнее.

Уже в давние времена клетью стали называть не только летнее жилье, но и кладовую, амбар, хранилище имущества, зерна, сена. В наших деревнях кое-где клетью именуют и сейчас некоторые виды хозяйственных построек. Но, объясняя значение «клети», «Словарь русского языка» С. Ожегова уже отмечает это слово как областное.

В XI веке уже было уменьшительное — клетка. В XV веке в городах клетками называли лавки. В XVI веке в клетках, неотапливаемых, холодных помещениях, содержали заключенных. В ноябре 1774 года в Москву привезли в узкой железной клетке захваченного Емельяна Пугачева.

Аллигатор

Названия отечественных зверей — тура, оленя, волка, медведя, лисы, зайца и многих других — это слова древнейшие, общие с другими славянскими языками. Названия иноземных животных приходили к нам из самых различных языков, например, из греческого — крокодил, кит (слово, встречающееся еще у Аристотеля), из арабского — жирафа и т. д.

Иногда названия многих зверей, если можно так выразиться, неправильны. На них перенесены чужие имена. Впервые столкнувшись в Америке с каким-то странным и незнакомым зверем, испанцы назвали его ящерицей. «Аль лягарто», «аллигатор» значит «ящерица».

Греческое название свиньи — «гис» — дало имя «гиена» новому, ранее незнакомому зверю с щетиной на спине, как у свиньи. Наш тушканчик назван мышонком: «тучкан» на тюрко-татарских языках значит «мышь». А «хорек» связано с ненецким словом «хора» — просто зверь.

И. УРАЗОВ

Велосипед-прадедушка

На снимке любопытный экспонат — высокий двухколесный педальный велосипед-прадедушка. Смастерил его в 1800 году тагилец, крепостной изобретатель Артамонов. Через год первый двухколесный велосипед демонстрировался в Москве, на коронации Александра I.

Артамонов и его потомки в награду получили освобождение от крепостной зависимости, но изобретение так и осталось забавной игрушкой

и не получило тогда дальнейшего развития. Любопытно, что имя талантливого изобретателя удалось восстановить недавно. Его звали Ефим Михеевич.

Тагильские спортсмены не раз проводили велогонки, посвященные памяти Артамонова.

Н. РОЗИНА

Влюбленный продавец.

Изошутка Ю. Федорова.

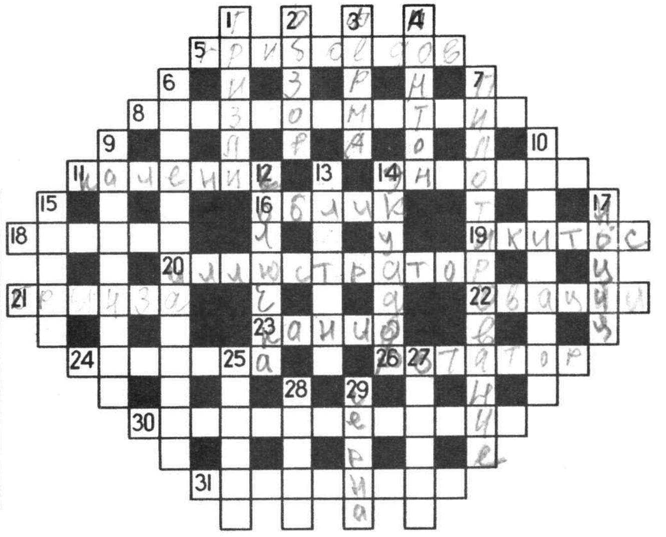
Марки к 40-летию комсомола

Серию многокрасочных марок получат филателисты к сорокалетию комсомола. В ней отражена славная история Ленинского союза молодежи. На одной из марок изображен юный боец, который вместе со взрослыми боролся за власть Советов и отстаивал ее в борьбе с врагами. Посвящена эта марка комсомолу в гражданской войне.

Сродни юному красноармейцу молодой солдат и группа партизан-подпольщиков, изображенные на марке «Комсомол в Великой Отечественной войне». Интересна марка «Комсомол на промышленных стройках». На фоне домен, шахт и плотины художник изобразил молодых строителей-энтузиастов, строивших Магнитогорск и Комсомольск-на-Амуре, московское метро и Волжскую ГЭС.

Г. ВЛАДИМИРОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Автор знаменитой комедии. 8. Первый в мире радиоаппарат. 11. Действующее лицо в «Сорочинской ярмарке» Н. В. Гоголя. 14. Медный век. 16. Внешний вид, наружность. 18. Преподаватель высшего учебного заведения. 19. Перуанский порт в верховьях Амазонки. 20. Художник. 21. Острый сыр. 22. Выражение одобрения. 23. Персонаж оперы Р. Леонкавалло «Паяцы». 24. Воспроизведение рисунка. 26. Печатная машина. 30. Наука о подземных водах. 31. Сорт груши.

По вертикали:

1. Североамериканский медведь. 2. Род газетной статьи. 3. Несущая часть инженерного сооружения. 4. Опора плавучего моста. 6. Специалист, разрабатывающий план сооружения. 7. Управление самолетом. 9. Известный английский физик XIX — XX веков. 10. Группировка изделий, оборудования по характерным признакам. 12. Видоизмененный лист, побег. 13. Изгородь. 14. Государство в Южной Америке. 15. Частица света. 17. Пособие при навигации. 25. Один из руководителей крестьянского восстания в Германии в XVI веке. 27. Машина для шелушения зерна. 28. Буква латинского алфавита. 29. Антилопа, обитающая в горах.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

По горизонтали:

5. «Катерина». 6. Смоленск. 9. Суриков. 10. Вакуум. 12. Снимок. 13. Наставление. 16. Аннотация. 17. Жимолость. 18. Птаха. 19. Домна. 24. Тускарора. 25. «Финансист». 27. Стенография. 29. Ворота. 30. Египет. 31. Тетрадь. 32. Трафарет. 33. Согласие.

По вертикали:

1. Нептун. 2. Индустрия. 3. Умножение. 4. «Мещане». 5. Каватина. 7. Киловатт. 8. Битва. 11. «Махабхарата». 12. Силосование. 14. Контакт. 15. Горнист. 20. Суррогат. 21. Оранжерея. 22. Ричардсон. 23. Вселение. 26. «Егерь». 27. Строфа. 28. Ягдташ.

Приют спокойствия, трудов и вдохновенья...

Так называл А. С. Пушкин село Михайловское. Здесь поэт создал около ста произведений. Среди них «Борис Годунов», главы «Евгения Онегина», поэма «Граф Нулин», стихотворения «Вакхическая песня», «Я помню чудное мгновенье», «Зимний вечер». В Михайловское к Пушкину приезжали И. И. Пущин и А. А. Дельвиг, часто наведывался Н. М. Языков.

«Домик няни» поэта был единственной сохранившейся постройкой пушкинского времени. В 1944 году его уничтожили фашистские оккупанты. Сейчас домик полностью восстановлен.

Воспроизведенный здесь рисунок сделан писателем П. В. Засодимским в 1904 году. На нем вид «Домика няни» с северной стороны. Рисунок хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР.

Н. ЧЕРНИКОВ

На вкладках этого номера репродукции картин из музеев Германской Демократической Республики: Ф. Гальса — «Мулат», Н. Ланкре — «Танец у фонтана», Л. Кранаха «Герард Фольк», Ф. Снайдерса — «Лавка дичи» — и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 09304. Подписано к печати 8/X 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 420 000. Изд. № 1066. Заказ № 2231.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Богатый урожай винограда собирают на Дону. На снимке: работница совхоза «Реконструктор», Ростовской области, Вера Евтюхова на сборе винограда.

Фото М. Зорина.

Цена номера 3 руб.